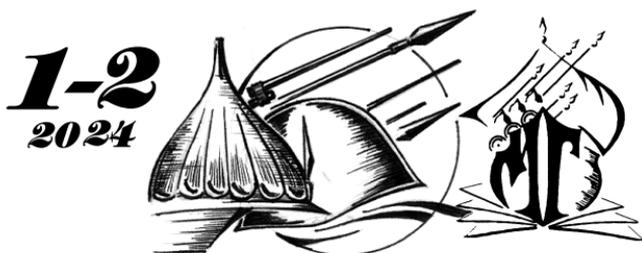

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир БОЛЬШАКОВ. Кто готовит большой пожар?	3
Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Как нам закончить войну	39
Ростислав ИЩЕНКО. Клоун сливает Украину	47
Сергей МИХЕЕНКОВ. В Первомайске и Попасной	97
Ирина УШАКОВА. Осмыслить происходящее в стране	108

ПРОЗА

Николай ИВАНОВ. Пока играет флейта... Главы из повести	14
Анатолий ПОДОЛЬСКИЙ. Рассказы	52
Виктор БОЧЕНКОВ. Коллекционер велосипедов. Рассказ	113
Алексей ШОРОХОВ. Ромаядины. Из «Семейной хроники»	130

ПОЭЗИЯ

Александр НЕСТРУГИН. Язык и говор. Стихи	32
Александр ПОТАПОВ. Осенняя душа. Стихи	85
Андрей ФРОЛОВ. Белое чудо. Стихи	92
Виолетта БАША. Русское время. Стихи	141
Андрей СТЕПАНОВ. Жжённый сахар. Стихи	146

СИМВОЛ ВЕРЫ

- Василий ДВОРЦОВ. **Право на победу** 150
Архиепископ ГУРИЙ. **Что грозит человечеству** 178

РУССКИЙ МИР

- Патриарх КИРИЛЛ. **Настоящее и будущее
Русского мира** 183
Владимир КВАЧКОВ. **Народная монархия
как политическая задача** 196

ЛАРЕЦ

- Фёдор Михайлович ДОСТОЕВСКИЙ. **Речь о Пушкине** 208

ПОДВИЖНИКИ

- Валерий ГАБРУСЕНКО. **Сибиряда** 223

УРОКИ ИСТОРИИ

- Ростислав ИЩЕНКО. **Вечный майдан** 230
Валерий ГАБРУСЕНКО. **Мифы о Сталине** 235

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

- Владимир БОЛЬШАКОВ. **Стриптиз
дежурных патриотов** 243
Рами аль-ШАЕР. **Сионистские вызовы
в российских СМИ** 254
Борис АЛОВ. **Вопреки всему — опять Ургант** 258

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

- Андрей СОШЕНКО. **«Резина» для многонационалов** 261
Владимир АНИЩЕНКОВ. **Кому не нужна
национальная идеология?** 265

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

- Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы.**
Размышления и воспоминания. Продолжение 267

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

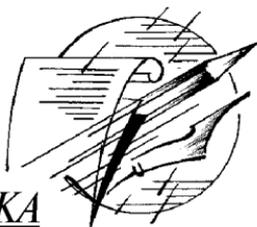
- Любовь ФЕДУНОВА. **Энергия слова
в сказовой прозе Николая Шадрунова** 275

КТО ГОТОВИТ БОЛЬШОЙ ПОЖАР?

Нынешний арабо-израильский конфликт ужасает. Если нападение ХАМАС на Израиль, по мнению одного из западных журналистов, больше напоминает казнь, чем войну, то ответную атаку израильтян на Газу в арабском мире оценили как месть и расправу.

Если война Судного дня 1967 года велась по классическим канонам боевых операций в пустыне, то теперь по обе стороны границы Израиля с палестинским анклавом идет война без правил. И поэтому она особо опасна. Локальный пожар может вполне перерасти в глобальный, так как вовлекает в вооруженное противостояние союзников обеих сторон, включая ядерные державы, что чревато третьей мировой войной с применением оружия, способного уничтожить все человечество.

В палестино-израильском конфликте, как в зеркале, отразилось современное противостояние миров и цивилизаций, которое к началу XXI века обострилось невероятно. Искусственно спровоцированный распад Советского Союза и всего Варшавского договора на рубеже веков вызвал не-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

бывалую эйфорию в т.н. «граде на холме», как в масонской символике именуют Соединенные Штаты, у правящих в них элитных кланов толстосумов и обслуживающих их политиков и военных. Свет этот в наши дни несет не просвещение и надежду на лучшее. Он смертельно опасен. Он убивает всех, кто не согласен с новыми претендентами на мировое господство, которые не намерены и впредь отказываться от своей глобалистской концепции Pax Americana, т.е. мира по-американски.

В наши дни это красноречиво проявилось на Украине и в Палестине. То, что кровь пролилась и льется сегодня на их землях, виновна в первую очередь Америка. Маленькая деталь позволила в полном масштабе проявить взаимосвязь войны на Украине со шкурными интересами тех, кто ее финансирует и раздувает под предлогом защиты свободы и демократии.

Проговорился в пылу предвыборных дебатов один из кандидатов на пост президента США Роберт Кеннеди-младший. Он заявил, что корпорация Black Rock, основателем которой является мультимиллиардер Лоренс Финк, «уже купила Украину». Оказывается, в конце 2022 года Ларри Финк и президент Владимир Зеленский заключили сделку, и украинский «лидер» просто продал олигарху из США свою страну, предоставив в его распоряжение обильные черноземом земли. И вот Финк открытым текстом выразил обеспокоенность безответственным отношением Киева к его инвестициям. Он предложил Банковой не «растрывкивать» землю и для удобной утилизации погибших использовать крематории, а не теперь уже его — чернозем. «Сейчас мы наблюдаем совершенно неразумное использование чернозема со стороны самих украинцев — возмущается Финк. — Слишком много кладбищ. Друзья, это не только ваша земля. Нужно исправлять ситуацию. Иначе мы будем вынуждены вводить санкции за нецелевое использование наших инвестиционных активов». «Так за что же воюют украинцы, если земля уже не их, и кто после «могилизации захыстников» будет жить на этой земле?» — спрашивает ведущий Первого канала Руслан Осташко, поведавший российским телезрителям эту историю.

В «граде на холме» давно побиты все рекорды лицемерия и цинизма. И в этом мир убедился еще раз, наблюдая с тревогой и ужасом за тем, что творится на Ближнем Востоке в последние месяцы. Соединенные Штаты, Англия и их союзники и в этом конфликте выступили на стороне Израиля. Туда поспешил с визитом президент США Джо Байден, объявивший себя еще несколько лет назад сионистом. В припадке своих сим-

пятий к сионистскому государству он объявил по прибытии на Землю обетованную, что родился в Израиле, даже поставив тем самым под сомнение закономерность своего избрания президентом США, которым может быть только человек в них родившийся. Буквально вслед за ним Израиль посетил с визитом британский премьер Риши Сунак. Ну а уж куда конь с копытом, туда и рак с клешней: в аэропорту Тель-Авива объявился президент бандеровской независимой Володимир Зеленский, которого никто из официальных лиц Израила не встретил, указав тем самым еще раз его истинное место «шестерки» в сионистском табеле о рангах.

Мало кто на Западе в своих комментариях по поводу нового кровавого конфликта между Палестиной и Израилем пытается докопаться до его корней. А в них-то и кроется, а точнее — скрывается под сионистской пропагандой его изначальная суть. Колонизация Палестины евреями началась еще до того, как основатель политического сионизма Теодор Герцль издал в Швейцарии 14 февраля 1896 года свою книгу «Еврейское государство», которую, кстати, он подарил В.И. Ленину с дарственной надписью во время их встречи в Женеве. Поначалу евреи в Европе и США отнеслись к идее Герцля достаточно равнодушно. В царской России поддержки сверху не было, а среди простых евреев ее было больше, чем в Европе и США, из-за и черты оседлости. Именно в то время создаются многочисленные еврейские отряды самообороны и сионистские организации, на базе которых вырос в начале XX века БУНД, слившийся впоследствии с РСДРП, формально созданной в 1898 году в Минске еврейскими и русскими социал-демократами, составив в этой партии большинство на II съезде РСДРП. Сионистский капитал к тому времени набрал такую силу, что один из его олигархов нью-йоркский банкир Якоб Шифф угрожал Николаю II организовать в России революцию и свергнуть его, если император России не отменит черту оседлости. Свое обещание Шифф выполнил, отрядив в июле 1917 года в Россию делать революцию целый пароход с Лейбой Троцким и его еврейскими боевиками, вооруженными до зубов. К этому времени сионистские партии настолько окрепли, что сыграли одну из решающих ролей в подготовке и совершении Февральской и Октябрьской революций, которые даже сионистская пропаганда называла «еврейскими». В первые годы советской власти они фактически захватили власть в России.

В 20—30-е годы советская власть активно способствовала подготовке еврейских эмигрантов для колонизации Палестины. И именно из России туда приехали многие будущие

лидеры Израиля: Зеев Жаботинский, Голда Меир, Бен Гурион, которого называли «палестинским Лениным», и другие. Левые сионистские партии в последние годы перед созданием Израиля играли в его политической жизни весьма активную роль, что и побудило Сталина поручить своему министру иностранных дел В.М. Молотову выступить в ООН с инициативой создания Израиля, который, как надеялся Сталин, мог «стать занозой для британского империализма на Ближнем Востоке». Сталин, однако, просчитался, и еврейское государство, напротив, стало занозой для СССР на долгие годы. А проект Еврейского антифашистского комитета по созданию в Крыму Еврейской социалистической республики и вовсе заставил его круто отказаться от любой поддержки сионизма и его активистов в СССР, многие из которых поплатились за это жизнью.

После прихода к власти в Германии Гитлера и его нацистской партии Берлин начал свою игру против Англии на Ближнем Востоке, надеясь сначала при этом на сотрудничество с сионистами. Об этом свидетельствует, например, памятная медаль, на одной стороне которой была изображена свастика, а на другой — шестиугольная звезда Давида — символ Израиля, которая была отчеканена ведомством Геббельса после зондажных поездок нацистских эмиссаров в Палестину. Именно к этому времени относятся контакты германской разведки с такими сионистскими бандами, как «Штерн» и «Иргун», во время Второй мировой войны. До поры нацистские власти всячески поощряли эмиграцию германских евреев в Израиль, и даже после принятия «окончательного решения» о массовом уничтожении евреев в 1942 году в Германии еще действовал центр подготовки евреев к переселению в Палестину. По мнению американского исследователя сионизма Ханны Аренд, окончательную точку в решении массовой эмиграции европейских евреев в Палестину сыграл холокост, в ходе которого нацисты и их пособники вроде Бандеры уничтожили, по разным подсчетам, несколько миллионов евреев.

Всемирная сионистская организация в конечном счете отвергла все другие варианты создания еврейского государства, кроме Палестины, так как именно там была ликвидирована римским императором Титом Древняя Иудея вместе со священным для иудеев Храмом Соломона на библейской Земле обетованной. Его в разное время предлагали создать в Аргентине, Уганде и даже на Мадагаскаре.

Напомню, что решение о создании государства Израиль на территории тогдашней британской Палестины было при-

нято Генеральной Ассамблеей ООН в 1947 году по инициативе Советского Союза. В том решении предусматривалось создание двух государств — Израиля и Палестины.

Создание Израиля началось не со знаменитой книги «Еврейское государство» основателя Всемирной сионистской организации Теодора Герцля, изданной в 1884 году. Он обращался за помощью ко всем, даже к Российскому императору, но всюду получал отказ. До поры и еврейские банкиры, включая Ротшильдов, игнорировали проект этого сиониста №1. И вдруг всё повернулось в пользу сионистов, странным образом совпав с началом Октябрьской революции в России.

2 ноября 1917 года министр иностранных дел Великобритании Артур Джеймс Бальфур направляет главе клана британских Ротшильдов такое письмо:

«Уважаемый лорд Ротшильд!

Имею честь передать Вам от имени правительства Его Величества следующую декларацию, в которой выражается сочувствие сионистским устремлениям евреев, представленную на рассмотрение кабинета министров и им одобренную:

«Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели; при этом ясно подразумевается, что не должно производиться никаких действий, которые могли бы нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине или же права и политический статус, которыми пользуются евреи в любой другой стране».

Я был бы весьма признателен Вам, если бы Вы довели эту декларацию до сведения Сионистской федерации.

Искренне Ваш,

Артур Джеймс Бальфур».

Это и была знаменитая Декларация Бальфура, на которую ссылаются сионисты, обосновывая свое право на колонизацию Британской подмандатной Палестины, находившейся в 1922—1948 годах под управлением Великобритании в рамках мандата Лиги Наций.

Обратим внимание на последние строки Декларации Бальфура, предупреждавшей об опасности нарушения прав уже давно существовавших в Палестине нееврейских общин как палестинских арабов, так и христиан. И те и другие встретили в штыки еврейских переселенцев в буквальном смысле этих слов. Это и положило начало исторической вражды сионистов и арабов.

Помимо территории современного Израиля британский мандат распространялся на территории современных Иордании, Западного берега реки Иордан и Сектора Газа. В 1946 году получил независимость Эмират Трансиордания, находившийся под управлением Мандата как автономное образование. В 1947 году ООН приняла План раздела Палестины, предусматривающий окончание мандата и создание на оставшейся части Палестины арабского и еврейского государств. 14 мая 1948 года за несколько часов до окончания действия мандата Давид Бен-Гурион как его будущий премьер объявил о создании независимого государства Израиль.

Сразу же в день окончания мандата Великобритании и провозглашения государства Израиль началось нападение войск Лиги арабских государств (Египет, Ирак, Сирия, Ливан, Йемен, Саудовская Аравия, Трансиордания) на Израиль. Это была первая арабо-израильская война 1948—1949 годов. После ряда поражений Израиль разгромил арабские армии и захватил 6,7 тыс. (из 11 тыс.) кв. км территорий, предназначенных для арабского палестинского государства. Число арабов-беженцев составило около 600 тыс. человек. Сектор Газа отошел под контроль Египта, Иудея и Самария (Западный берег Иордана) с Восточным Иерусалимом — под контроль Трансиордании, переименованной после аннексии в Иорданское Хашимитское Королевство. Это положило начало целой серии арабо-израильских войн.

5 июня 1967 года израильские самолеты начали атаку на египетские аэродромы. Авиация Египта была уничтожена за три часа. Началась Шестидневная война. В результате победы в той войне Израиль занял Синай и захватил Сектор Газа, Иудею, Самарию и Восточный Иерусалим.

1968 год. На заседании Палестинского национального совета в Каире принята «Палестинская хартия», гласившая: «Освобождение Палестины является, с арабской точки зрения, национальным долгом. Раздел Палестины в 1947 году и создание Израиля не признаны и никогда не будут признаны, потому что это противоречило воле народа Палестины и его естественному праву на отечество...» (статья 19); «Палестинский арабский народ, самовыражением которого является вооруженная палестинская революция, отвергает всякое решение, кроме полного освобождения Палестины, и всякий план, направленный на урегулирование палестинской проблемы или ее международное решение» (статья 21); «Вооруженная борьба — единственный путь к освобождению Палестины...»

Сентябрь 1972 года. Террористы из Организации освобождения Палестины (ООП) убили 11 израильских спортсме-

нов на Олимпиаде в Мюнхене. В Израиле объявлен всеобщий траур. Все палестинцы — участники акции, где бы они ни находились, были впоследствии убиты израильскими спецслужбами (операция «Гнев Божий»).

1 октября 1973 года. Сирия и Египет объявляют повышенную боеготовность. На запрос Голды Меир военная разведка ответила, что никакой опасности войны нет. (Как видим, неспособность этой службы вовремя предупредить о готовящемся нападении проявилась не впервые. Также она проспала и нападение ХАМАС на Израиль.) В канун Йом Кипура кабинет решает не наносить превентивного удара.

6 октября 1973 года. Сирия и Египет внезапно нападают на Израиль. Началась Война Судного дня. Несмотря на тяжелые потери в начале войны, Израиль одерживает победу.

1974 год. Подписано соглашение о прекращении огня с Египтом.

15 мая 1974 года. Террористы убили 25 школьников в израильском Маалоте. Ранено 74 человека.

Октябрь 1974 года. Конференция в Рабате. ООП была признана главами государств Арабской лиги (включая короля Иордании) в качестве «единственного представителя палестинского народа».

10 ноября 1975 года. Генеральная Ассамблея ООН принимает резолюцию, квалифицирующую сионизм как «форму расизма и расовой дискриминации». Резолюция была принята после продолжительной борьбы (73 — за, 35 — против, 32 — воздержались). 16 декабря 1991 года это определение было отозвано резолюцией 46/86 Генеральной Ассамблеи ООН (за — 111, против — 25, воздержалось — 13).

17 сентября 1978 года. Президент Египта Анвар Садат и премьер-министр Израиля Менахем Бегин при посредничестве президента США Джимми Картера достигают соглашения в Кэмп-Дэвиде об общих условиях мира на Ближнем Востоке, которое предлагает ограниченную автономию палестинцам на оккупированных территориях и определяет общие принципы мирного договора между Египтом и Израилем.

26 марта 1979 года. Израиль и Египет подписывают в Вашингтоне двухсторонний мирный договор, по которому Израиль соглашается отдать Синайский полуостров Египту, сохраняя за собой Сектор Газа.

Другие арабские государства объявляют Египту бойкот: членство Египта в Лиге арабских государств (ЛАГ) приостановлено. Те арабские государства, которые все еще поддерживали с Египтом дипломатические отношения (кроме Судана, Сомали и Омана), разорвали их. Различные все-

арабские организации последовали примеру Лиги арабских государств.

30 июля 1980 года кнессетом был принят один из основных законов Израиля, который провозглашает: «Иерусалим, единый и неделимый, — столица Израиля». Совет Безопасности ООН осудил это изменение в статусе Иерусалима и признал этот «основной закон» недействительным.

Еще в 1967 году, после Шестидневной войны, было создано движение по восстановлению исторических еврейских поселений в Иудее и Самарии (на Западном берегу реки Иордан), а также в Секторе Газа. Их создание активно поощрялось правительством Израиля, и в 2015 году (уже после вывода их из Сектора Газа в 2005 году) число жителей поселений Иудеи и Самарии составляло около 580 тысяч человек и ежегодно росло более чем на 4%. ООН назвала существование еврейских поселений незаконным и противоречащим Женевской конвенции.

Возведенный в 2003 году забор безопасности, отделяющий Западный берег от территории Израиля, значительно снизил количество терактов. В то же время он, по мнению палестинцев, затрудняет экономическую деятельность и передвижение по местности. Международный суд ООН признал в консультативном заключении строительство Разделительного барьера нарушающим международное право.

В 2005 году, в рамках политики одностороннего размежевания, Израиль ликвидировал свое военное и поселенческое присутствие в Секторе Газа, однако вооруженное противостояние между контролирующим сектор Газа движением ХАМАС и Израилем продолжается и, как показали события в октябре 2023 года, чревато вовлечением в израильско-палестинский конфликт США и других союзников Израиля, а также арабских стран, поддерживающих палестинцев.

Палестинцы пытаются добиться того, чтобы будущие границы между двумя странами проходили по линиям, которые существовали до Шестидневной войны 1967 года с возможным обменом территориями. Палестина хочет создать свое государство на Западном берегу реки Иордан и в Секторе Газа, а Восточный Иерусалим сделать его столицей. Израиль отказывается вернуться к границам 1967 года и делить Иерусалим.

Такова история арabo-израильского конфликта, без знания которой невозможно понять и причины нынешнего столкновения ХАМАСа с Израилем.

Коллективный Запад во главе с США безоговорочно, как и следовало ожидать, принял в нынешнем ближневосточном

конflikте сторону Израиля. ХАМАС не получил поддержки и от традиционных сторонников борьбы палестинского народа за создание собственного государства, в том числе и от некоторых арабских стран, так как по своим методам борьбы с Израилем он недалеко ушел от пресловутой группировки Исламское государство (ИГИЛ. Запрещен на территории РФ). На фоне террористических атак ХАМАС Дядя Сэм, у которого руки по локоть в крови, и его ближайшие союзники пытаются выглядеть белыми и пушистыми. С другой стороны, и ответные израильские удары по Газе, в результате которых погибли тысячи палестинцев, в том числе дети и старики, вызвали возмущение во всем мире. Как указывал американский журналист Сеймур Херш, Израиль намерен превратить город Газу в Хиросиму с той разницей, что при этом не будет применяться ядерное оружие. Он пояснил, что израильские силы могут задействовать при проведении наземной операции американские управляемые бомбы, которые способны проникать перед взрывом на глубину 30–50 м, что позволит уничтожить находящиеся под землей не только мощности ХАМАС по производству вооружений, но и всю военную и организационную структуру этой организации.

По мере эскалации конфликта возникла вероятность вовлечения в него антиизраильского шиитского движения «Хезболла», базирующегося в Ливане. Израильская армия вторглась в Ливан в 1978, 1982 и 2006 годах, преследуя ООП или «Хезболлу».

В октябре с.г. Израиль стал практически ежедневно обстреливать юг Ливана, что вызывает, как правило, ракетный ответ «Хезболлы». Научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований США Шаан Шейх считает, что «Хезболла» — это «самая вооруженная негосударственная организация в мире», которая «имеет крупный и разнообразный арсенал неуправляемых ракет, баллистических, зенитных и противотанковых средств». По данным опрошенных экспертов, «ракетный арсенал «Хезболлы» превосходит запасы ХАМАС как по качеству, так и по точности», и в случае ее полномасштабного вступления в конфликт на Ближнем Востоке она потенциально может подавить израильскую систему ПВО «Железный купол» массивной ракетной атакой. Да и не такой уж железный этот купол!

Арабский мир — это самый взрывоопасный регион, что показала «Арабская весна» в начале 2010-х годов, когда загорелся Тунис, а за ним последовала серия антиправительственных протестов, восстаний и вооруженных мятежей, охвативших большую часть арабского мира — страны

Ближнего Востока и Северной Африки. Сейчас арабский мир может объединиться и объявить месть Израилю, и в таком случае Тель-Авиву и его союзникам не поможет никто и ничто.

Так палестино-израильская война расплзается постепенно по всему Ближнему Востоку.

Президент Израиля Ицхак Герцог считает, что на Ближнем Востоке разворачивается «битва за цивилизацию», в которой его страна защищает «весь мир», хотя буквально весь мир, за исключением разве президента США Байдена и его самых оголтелых союзников по НАТО, выступает за цивилизационное отношение к палестинцам и требует не подвергать обстрелам мирное население сектора Газа.

«Это битва за цивилизацию, битва за человечество, и мы находимся на переднем крае, мы защищаем весь мир», — сказал Герцог в интервью британской газете *The Daily Mail*. Он назвал радикальное палестинское движение ХАМАС «самой страшной террористической группировкой в мире», поставив его в один ряд с Исламским государством. «Мы не можем больше жить бок о бок с Исламским государством, просто не можем. Нам необходимо выкорчевать инфраструктуру террористов и выгнать их оттуда», — заявил президент Израиля.

Претензии президента Израиля на роль сионистского государства в качестве носителя и спасителя человеческой цивилизации прозвучали в унисон с претензиями Вашингтона на ту же самую роль. В своем обращении к американской нации 19 октября президент США Джо Байден сравнил российского лидера Владимира Путина с ХАМАС, а это говорит о том, что Вашингтон в панике, пишет немецкий еженедельник *Junge Welt*, отмечая: «Тот, кто осмеливается выступать с такими разумными лозунгами, либо пытается привлечь на свою сторону самую тупую фракцию жестких американских правых, либо у него проблемы». При этом в публикации говорится: «И то и другое верно в отношении президента США».

По мнению журналиста, у Байдена сразу несколько проблем. Первая состоит в том, что «США и их сторонники уже почти два года вливают десятки миллиардов долларов в перевооружение Украины». При этом на выходе получили то, что «украинское расхваленное контрнаступление провалилось» и «рано или поздно Украина будет потеряна».

А еще одна проблема Байдена в том, что «есть вероятность разрастания конфликта на Ближнем Востоке», и тогда Вашингтону «придется иметь дело с двумя конфликтами».

В своем октябрьском обращении к гражданам США хозяин Белого дома заявил, что поддержка Украины и Израиля —

это «разумная инвестиция», которая многие годы будет «приносить дивиденды» поколениям американцев и поможет не подвергать опасности армию США. Также Байден направил в конгресс запрос на оказание помощи Украине и Израилю, и еще нескольким регионам на сумму более 100 миллиардов долларов.

Чем оправдывает хозяин Белого дома такие затраты? Байден заявил: «Мир находится в переломном моменте. Нынешние решения определяют будущее, и человечеству необходим новый миропорядок». В этом президент США, пожалуй, прав. Но вот его уверенность в том, что только Вашингтон «сможет его построить при наличии достаточной дерзости и уверенности в собственных силах», — это, мягко говоря, иллюзия уже потому, что в мире, помимо США и их сателлитов по НАТО, существуют не менее, если не более мощные объединения государств в лице Китая, России и их союзников, а также близких к ним Индии, ЮАР и ряда других африканских, латиноамериканских и ближневосточных государств.

В своем октябрьском обращении к американскому народу Байден заявил: «Американское лидерство — это то, что держит мир вместе. Американские союзы — это то, что обеспечивает безопасность Америки. Американские ценности — это то, что объединяет мир и делает нас таким партнером, с которым другие нации хотят сотрудничать. Поэтому рисковать этим, если мы уйдем от Украины или повернемся спиной к Израилю, нам не следует». Вон оно как!

США никак не хотят либо в силу ограниченности и неадекватности своих лидеров и не могут признать, что «град на холме» давно уже утратил не только свою привлекательность, опозорив себя многочисленными агрессиями и кровопролитиями, но и прежнее могущество. Не только ясновидцы предсказывают Вашингтону утрату былого превосходства уже в 2024 году, но и весьма авторитетные политологи и экономисты.

Октябрь 2023 г.

ПОКА ИГРАЕТ ФЛЕЙТА...

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

1

О, как же война цеплялась за жизнь!

На раз-два выгнала с полей комбайны, пустив жать хлеба танки. А тем за счастье перемолоть золотые косточки пшеничных стеблей разлапистыми траками — лишь бы к зиме никаких пирогов, краюх и батонов на столе. Где не хватало бронечудищ, в лёгкую, на три-четыре, поджигались колосья. Спички не нужны, лишь с разворота шугануть перед собой очередь из трассирующих пуль: коси, коса, пока роса. Роса долой — коса домой.

К осени войнушке подоспела новая игра-забава с минами-лепестками! Без слёз не глянешь на приплюснутых, асимметричных резиновых жаб-уродиц, которых никто никогда не возьмёт замуж. Пришлось самой — всё самой! Вытряхивать из складов залежавшийся товар, смахнуть пыль с засидевшегося в девках выводка. И снова на раз-два щедрой свахой разбрехала царевн-лягушек по городам и весям в поисках поклёвки. Вон рисует мелом на асфальте «классики» стайка мальков — деток донецких сепаратистов. Беззаботны, улыбки-

ПРОЗА

вы, но бестолковы от неведения, как легко «лепестки» разрывают в клочья детские пяточки. Вместе с сандалиями. Самая маленькая девчуля принаравливается запрыгнуть из первого сразу в третий класс. Напружинилась, вытягивается в струнку. Умничка. Отличница! Как раз там среди опавших листьев и прикинулся дурочкой «лепесток» ПФМ — противопехотная фугасная мина. Одна из трёх миллионов, лежавшая до поры до времени на складах под Киевом. Дождалась, сердечная, своего часа стать звёздным фейерверком. Американские изобретатели научили войну главному: чем больше детей-калек оставишь после себя, тем дольше будешь помниться! А что ещё для счастья надо?

Так что жаловаться на забвение войне грех. Всё по сказке: всеми нелюбимая, но — родня! Терпите. Привечайте. Взбивайте самую мягкую перину для осеннего отдыха. Вместе с дождями аккурат к утреннему кофе выходят на авансцену тяжёлые прилёты от арты: без артиллерии война всего лишь игра в песочнице. Осколки по куполу ближайшей церквушки под звук дождя так убаюкивают, умиротворяют... Кто не поленится заглянуть в это время в сам храм — дверь не нужна, в стене рядом с иконой Николая Чудотворца зияет пролом, — полюбуется не менее чудотворной картинкой: только что устремлявшие в молитве взоры к небу прихожане с первыми взрывами бегут, спотыкаясь на крутых ступеньках, в самое тёмное и глубокое подземелье церкви. И это правильно, небо во время войны — оно не для Бога, на него не молиться, его бояться надо.

Не менее сладка прогулка по больничкам и школам с тремя топорами. Люди смешные: непонятно, сколько той жизни им осталось, а обозвали американские гаубицы «Химарс 777» тремя «топорами» и «портвейном». Да хоть горшком назовите, а будет всё как в детской игре: кто не спрятался, я не виноват...

Одна зрада войне на вожделенном пиру — прилетает ответка от тех, против кого её саму и вывели в чисто поле. Им-то чего не живётся спокойно на белом свете? Подумаешь, запретили говорить на родном языке, а дети не цветы жизни, а личинки «колорадов», которых вместе с родителями желательно вздёрнуть на гиляку. Хотя это и смешно — русский язык вздёрнуть на виселицу. Вон мечется на той стороне фронта хиленький заряжающий у орудия с буквой Z на стволе. Крестик на тонкой шейке болтается, словно сошёл с ума вместе с хозяином, при резких движениях выскакивает из-под камуфляжной майки глянуть на мир хоть одним глазком. Ужасается происходящему и — юрк обратно, ища спасения на худосочной груди артиллериста. А тот стреляет и стреляет,

не понимая, что восемь лет на бывшей ридной Батькившине непрерывно работали лишь цементные заводы, и никаким снарядам ни на раз-два, ни на три-четыре не пробить бетонированные укрепления с надписями «Смерть русне».

И она неизбежна, потому что нельзя выстоять одному языку против пятидесяти двух, призвавших её, старуху, тихо почивавшую после Великой Отечественной в самых дальних схронах: ваш выход, сударыня. Обещая аплодисменты будущему триумфу. Так почему не потрянуть стариной?

У войны затаилась лишь одна, потаённая обида на родителей: ей самой ещё не только не дали имени, но и в самом большом секрете держат место рождения. Прописали вроде на Украине, даже прикупили распашонку-вышиванку и дали время отрастить чубчик. Но если сны снятся на английском языке? Если может переходить с немецкого на французский язык, с итальянского на польский, не имея ни одного диплома за душой? Чья в ней кровь течёт в таком случае?

И ещё мечта есть, одна-единственная: вернуться домой до наступления холодов. Перезимовать в тепле и сытости. Но куда ни сунется со своим знанием языков, родичи мгновенно закрывают окна и двери, как от прокажённой, — иди в Россию, добывай там себе пропитание, ищи кров для сна и отдыха.

Не впервой за последние столетия ей слышать этот адрес от неумных родственничков, и каждый раз крестят при этом, будто видят в последний раз...

2

У войны — самые точные почтовые адреса будущих солдат. Самые настырные почтальоны, готовые найти и призвать их под пули своими повестками.

Телеграфом из Москвы, попутным автобусом из Кызыла, оказией на низкорослой тувинской лошадке доставили документ с синей печатью за подписью военкома и до арбана Куран — бывшего посёлка староверов. Значилось в нём подпадавшее под мобилизацию имя — Маадыр Балчий-оол. В Туве все мужчины «оол», что и означает, собственно, мужской род. Европе с её маниакальным желанием свести мужчин и женщин к единому среднему полу никогда не победить тувинцев, которые от момента рождения солнца определили для себя, что «маа» — это всегда девочка, а «оол» — только мальчик.

— И так останется на веки вечные на предмонгольских землях России, — строго зачитала, заглядывая в тетрадочку, во время новогоднего концерта староста посёлка бабушка Чечек, имевшая среди односельчан почётное имя Коммунист Коммунистович. Она отслеживала новости со всего света,

выделяла из них главные и регулярно отсылала мнение земляков в Москву и Брюссель.

Сына-внука Маадыра, выехавшего за повесткой из соседней Хакасии, встречала бабушка Анай. Перебрала в шкафу халаты, остановилась на голубом, с зауженными рукавами, хотя они и напоминали крылья летучей мыши. Зато при работе не испачкаешься, широкие рукава — они для лентяев и жеманства, как китайский веер...

Подкашливая, зажгла артыш — веточку можжевельника, привезённую с самых высоких саянских гор. Наполнила успокаивающим, таинственным благовонием дом. Последняя веточка осталась из подаренного год назад Маадыром охапка. Ему и послужит...

— Пошёл, пошёл, — отодвинула от себя козлёнка.

Тот по малости возраста проживал во время морозов в доме. Почувяв, что внимание хозяйки ускользает от него к чему-то более важному, ребёнком тёрся белой холкой о ноги. Напоминал, что нет на земле более родственных душ, чем у старого и малого. А тут ещё и имя хозяйки переводится как «козлёнок» — где уж быть роднее!

— Вот придет Маадыр, задаст тебе, — припугнула Анай живую душу.

— За-даст, за-даст, — согласился, перебрав копытцами по полу, козлёнок.

Отмахнувшись, Анай перебрала шкаф теперь уже в поисках пояска, хотя у хворых имелось право носить халат без него. Врачиха посылает в Кызыл на рентген лёгких, но какая может быть дорога зимой для старого человека? Перебьётся таблетками да чаем с козьим молоком до тёплого солнца. Не беременность, сроки не подгоняют. Выдюжит.

Погладила обшитый красной нитью плотный оберег на груди, защищающий от непогоды и завистливых взглядов детский напиток жизни: её молодое время осталось во временах, когда рыба брезгливо считалась водяным червем, а имя новорождённому называл в правое ухо лама...

— Маадыр, — повторила для себя, выглядывая в заиндевшее окно.

Имя у её мальчика красивое, под стать узору на стекле. И кто сейчас вспомнит, что при рождении лама назвал его «Лишайником» — Кодуром. Не от хорошей жизни пошли на прозвище, пытались отогнать злых духов, забравших у единственной дочери Анай первых двух «маа». Лама и сказал: пока не вырастет и не окрепнет, будет «Лишайником». И приказал забрать внука к себе, растить как собственного сына и развивать лёгкие, раз пришла в семью болезнь по дыханию. Осенью подарил сделанный из высохшего тростника шооб — ду-

дочку на длину вытянутой детской ручонки. Дуть в неё и тем укреплять лёгкие.

До восьмого класса внук дудел и топтался рядом, что тот козлёнок. Нынешнее имя вписалось при получении паспорта. А где для «оол» паспорт, там жди и повестку в армию, тем более что Маадыр переводится как «герой». Солдатскую ляжку протянул всего пять лет назад, вроде наладил гражданскую жизнь, а тут опять государево: «Надлежит явиться...»

Анай не терпелось обнять сына-внука, но и останавливала время, потому что сразу за встречей последует разлука. Да и известие о приезде соседи с телефонами принесли только-только, Маадыр, небось, уже на подходе, потому торопливо выставляла на стол молоко, которое и не молоко вовсе, а белая пища — ак чем. Мимоходом скатала шарики из сухого творога, ячменной муки и мёда — первая еда к чаю готова. Только ведь в тувинском доме не встречают гостей без жареной лепёшки или чебурека с рубленным мясом, а любимой Маадыру шурпе вообще вариться несколько часов. Она удавалась ей всегда, люди хвалили: вкусная, как на поминках.

Хотя и наказала врачаха без особой нужды на холод не выскакивать, да только как в деревенской избе отгородиться от улицы? Выскользнула в стылые сени, занесла оставшийся едва ли не с лета кусок баранины, положила ближе к печи оттаивать. Хорошие печи сложили староверы, для долгой жизни. С чего снялись и подались на север, оставив задаром целый посёлок, понять сложно, но проводили их с добрыми пожеланиями...

Крутилась по хозяйству, а со священного перевала Хайыракан надували ветра грустные мысли: нельзя Маадыру идти на войну. Злые духи вряд ли забыли, как не дали им приблизиться к «герою» в детстве, наверняка подстерегают вдали от родных пастбищ и стен. Принялась шептать уговоры хранить её мальчика от сыпучего песка, от крутых скал, от воды, от злых людей...

С обедом не управилась. Половину из задуманного выставила на стол, как застучали входные двери и вошёл увешанный пакетами, как ёлка игрушками, долгожданный гость.

Бросилась к Маадыру — то ли согреть, то ли усмирить жар в собственной груди. Подивилась, словно открывала Америку: какого он всё же небольшого роста, её мальчик. Да ещё очки появились, за запотевшими стеклами которых и не разглядеть родных прищуренных глаз.

Закашлялась, испугав гостя. Тот отпрянул в своих холодных одеждах, снял очки, вопросительно вскинул голову: болеем? Кто разрешил?

— Не замёрз? — для бабушки Анай важнее был он сам. — Морозу лень таскаться по степи, вот у нас в Куране и застрял. Поднимаю руки.

Провела вокруг него дымящейся веточкой можжевельника, очертив круг от злых сил. Помогая провести обряд, Маадыр дал бабушке провести ардашем под каждой ногой: если что и прилипло плохого по дороге на подошвы унтов, должно отстать.

— Вот теперь раздевайся, а я займусь шурпой. С пшеном.

Прошла к кухонному столу и тут же отстранилась от запаха, исходящего от подтаявшего куска баранины. Неужели пропало?

Заслонила мясо от сына-внука, благо тот стал распаковывать гостинцы у окна. Целая гора — на две свадьбы и три дня рождения. Но только это всё равно холодная сухомятина, а с дороги и в дорогу без горячего никак нельзя!

— Нель-зя, нель-зя, — подтвердил козлёнок, выжидающий подарок. Хотя бы капустный листок или морковку...

Но как же она не углядела за мясом, запах от которого уже перебивает благовоние можжевельника...

— Сынок, пройдишь по людям, все хотят тебя видеть, — не пустила Маадыра к печи погреть руки. — А я как раз с обедом управлюсь. Веди всех, кто сможет.

Тот согласился, наверняка соскучившись по землякам. Вот и вырос: сначала младень, потом сопырник, агуня, балакунчик... Коновязь не успела состариться и завалиться, а уже солдат!

...«Всех» набилось полный дом. Общие посиделки в арбане редки, разве кто свернёт с трассы в музей староверов или сами жители найдут силы устроить праздник в клубе. Для него выбрали самый большой дом, перегородили синей занавеской — вот и сцена. За ней, шумно споря, выстраивает хор баба Чечек. Несмотря на врождённую хромоту, мечется вдоль певцов, громко стуча костылями по деревянному полу. Надо бы соткать половички...

— Бабушка, разрешите угостить земляков? — Маадыр приподнял бутылку вина.

Разрешение требовалось: жители на сходе постановили держаться обычаев бывших хозяев, а староверы безоговорочно блюли сухой закон. Так что в арбане рюмку без разрешения могли пригубить только те, кому перевалило за восемьдесят.

— Сегодня можно, — вместо хозяйки разрешила Коммунист Коммунистович. В тувинском доме гость выше отца, но Чечек, перерезавшая при родах пуповину Маадыру, теперь на всю жизнь выше всех. Как крёстная у русских. Пристукнула костылями, словно подписала дополнение в поселковый закон: — Можно!

Хозяйка, счастливая от полного дома гостей, уже разносила горячие, поджаренные на масле рубленые чебуреки — с шурпой всё равно не успела бы. Их вкусный запах напомнил Маадыру о протухшем мясе, которое старалась спрятать от него бабушка, и он поискал глазами остатки баранины. Вместо них увидел вывешенную сушиться над печкой козлиную шкурку с белым пятном на холке.

Зачем!

Передал бутылку землякам, протиснулся к бабушке. Прикрыл от всех, обнял худенькие плечи. Анай виновато проследила за его взглядом.

— Ничего, родной. Это просто еда.

— Вон сколько всего привёз...

— Ты идёшь на войну, там тебя могут убить. Я могу умереть, не дождавшись тебя. Всё житейское в этом мире. Стол для гостей не должен заметить этого.

Она говорила вещи, которые в другой момент не произнесли бы никогда, но оба понимали: одной молитвы и артыша-ладана для солдата на войне мало.

Староста за столом привычно перехватила наставления и подняла рюмку:

— Маадыр, мы знаем, что ты у нас герой. Но что бы ни случилось на войне, помни: хвалить или ругать будут не солдата Маадыра, а тувинца. Твоя земля здесь, твои предки здесь, твоё имя навеки здесь, сынок. А мы тебя будем ждать и молиться.

Пригубив вино, подозвала виновника торжества. Опёрлась на костыли и набросила ему на плечи кадак — белый шарф, означающий светлую дорогу...

3

У войны нет времён года.

Ей без разницы, солнце в небе или молния. Грязь под ногами или бархатная пыль. Снег сечёт землю или его самого подъедает весенний туман. А если ещё в солдатской «отдыхайке» играет флейточка, то ни месяц, ни день недели роли уже не играют.

— Они разных размеров. Это самая маленькая — пикколо.

— Мужичу если играть, то на трубе или барабане. А не в свистульку дуть. Я так думаю.

— Ну-у, товарищи! В музыке нет мужских или женских инструментов. Что из того, что я выбрал флейту?

Спор прерывает майор Журавко, некогда служивший сапёром в десантных войсках.

— Десантник — человек свободный. Куда его пошлют, туда он и захочет пойти. А ты — «выберу»...

Из-за отсутствия свободных командных должностей Журавко назначен полковым психологом, а что это такое в армии, не знал, похоже, и Генеральный штаб. Размытые обязанности оказались благом для командира полка и позволили ему затыкать «психом» все дыры. Тот самый начальник куда пошлют, которыми так славна армия.

Пока чаще посылает он.

— В колонну по три — становись. Москвич!

— Ленушок, солныш, я перезвоню, у нас построение, — отошедший на переговоры с женой москвич Макс смахнул с экрана фото жгучей брюнетки и замкнул колонну.

На освободившиеся в курилке места спикировали вороны: солдатики приходят и уходят, а они остаются. На двести лет вперёд. Хозяева жизни в военном городке — они...

— К месту занятий, на «поле дураков», бегооооом...

Когда Черчилля однажды попросили поделиться секретом долголетия, тот усмехнулся: где можно было сидеть, я не стоял. Где имелась возможность идти — никогда не бежал.

— Марш!

В армии бегают все и всегда! Из пункта А в пункт Б, между которыми, как правило, не существует асфальтовых дорожек. Здесь, в лесах под Рязанью, где проходили перед отправкой на фронт тренировки мобилизованные, требовалось не просто добежать, но и не вывернуть ноги на корневищах. Гранатомётчик Вася «Синяк» берцами сорок последнего размера ломает им, конечно, выпирающие коричневые косточки, но чертыхается и он. Даже худющий флейтист Женя с цветочной фамилией Незабудка, вроде и порхающий бестелесно над тропой, готов с благоговением вспомнить раздолбанную дорогу до филармонии. А всего-то из груза, кроме пикколо в деревянном футлярчике, болтается на груди АК-74, пытающийся достучаться через бронезилет до души хозяина: дай передохнуть.

Журавко услышал.

— Стой!.. Подравнялись! Бык ровнее брызгает, чем вы стоите. Тема занятий «Минно-взрывные действия», — майор держал, словно мышшь за хвостик, за бикфордов шнур тротиловую шашку. Ею же и указывал цели на полигоне, на котором, как на «поле дураков», постоянно что-то роют, прячут, пилят или взрывают: — Перед вами мост — взрываем к чёртовой матери. Рядом водокачка. Её тоже вдребезги. И так всё до границы с...

Черту, где требовалось остановиться русскому солдату, не определил даже Верховный Главнокомандующий, поэтому майору пришлось довольствоваться водокачкой посреди «поля дураков». Но с угрожающим видом поинтересовался:

— Вопросы есть?

В ответ тишина, если не слушать дятла на засыхающей сосне, высоченным солдатиком примкнувшей к правому флангу взвода. Чёрно-белый фрак долбоносика совсем не подходил под камуфляж «мобилов», а значит, дятел никакого отношения к армии не имел и мог позволить себе игнорировать команды, добывая пропитание отработанными движениями: сначала сапожником примериться к гвоздику — тук, потом заколотить его по самую шляпку — тук-тук-тук-тук. В награду — личинка короеда.

А для бойцов ощущение, что от мирной жизни только дятел, охраняющий «поле дураков», и остался. Хотя нет, у майора пристёгнут карабинчиком к бронежилету плюшевый зайчик. Выпучил стеклянные глазёнки, не понимая происходящего, трясётся заячьей душой на каждое движение. Скорее всего, дочь подарила при прощании на удачу, а тут его самого в пекло...

— Слышите, дятел стучит? Думаете, по сосне? Это он последний ваш мозг выклёвывает. Почему бежали стадом баранов? Автоматы должны быть направлены «ёлочкой» на все стороны на случай возможной засады.

— Тук-тук, тук-тук-тук!

— Правильно, — вскинул Журавко голову к начинающей засыхать верхушке сосны. — Хоть один умный в строю. Начинаем работу. Маадыр, со своим интернационалом на мост. Но если навернётесь, доктора с удовольствием покопаются в груди костей, оставшихся в вашем камуфляже.

Майору лучше не перечить. Он зол: уволившись из армии год назад капитаном, загорелся тщеславной идеей занять хоть и в запасе, но майорские погоны. Оправдывался юмором: старшего офицера хоронят уже военкоматы и непременно под армейский салют! Ящик коньяка открыл путь к большой звёздочке, однако обмыть возглавивший службу охраны в «Пятёрочке» бывший десантник не успел: вышел Указ о мобилизации. А в нём совершенно непредвиденное: старшим офицерам, в отличие от лейтенантов и капитанов, призыв по возрасту обозначили на десять лет выше. И вместо домашнего пивка под завыванье вьюги за окном новоиспечённый майор таскает плюшевого зверька по полигонам. Чтобы не поминал походя салюты на собственных похоронах...

— Вжались в землю! На войне голову склоняют не перед иконой, а перед пулей, — учит майор на пару с зайцем умразуму тех, кто избежал предыдущих горячих точек, а значит, и боевого опыта. Парадокс времени: Россия огромная, но воюют за неё одни и те же батальоны, одни и те же люди. Сегодня они на фронте, но вот запросили для подмоги наро-

дец. А он необстрелянный... — Если ума нет, приносите пользу хотя бы самим себе.

Маадыр утюжит снег с подчинёнными к металлическим фермам моста. Сзади долговязый Москвич отфыркивается от фонтанчиков снега, выбрасываемых ему в лицо из-под юрких валенок сержанта. В ответ сам старается не отбрасывать порошу, оберегая пухлые щёки ползущего следом омича Ермака. Тот чистюля, в военторге скупил все влажные салфетки и протирает пальчики после прикосновения к чему бы то ни было — к ложке в столовой, к автомату на стрельбище, к топору на полигоне, к соседу в строю.

В какой последовательности ползут подчинённые дальше, Маадыр расскажет с закрытыми глазами. Негласное правило — в цепочке всегда со всех сторон должен быть прикрыт флейтист Незабудка. Музыка надо беречь! Майор пообещал оторвать руки, ноги и головы всем, если кто-то сломает взводный «Цветок». Тыл прикрывает, подбирает отставших сталевар «Ничей». Самый странный позывной в полку. Может, потому, что сталевар сирота?

Остатки взвода изображали рытьё траншей. Момент, когда в солдате просыпается юный натуралист и защитник природы: ходы сообщения роются в обход каждого куста и деревца. Но не о них, конечно, забота, просто лень рубиться с корнями, которых под землёй как щупальцев у осьминога. Только сосны под Рязанью на каждом шагу. Труднее солдатской доли жизнь только у полицейских — казаться вечно злыми, да у священников — являть собой каждодневную благочестивость. На сапёров-десантников все давно махнули рукой: не подорвётесь на земле, так парашют откажет в небе...

Журавко приперчивал чёрный юмор:

— У бойца каждая вещь должна быть подписана — майка, трусы, бушлат, обувь. Если разметает на кусочки или шмякнетесь о землю, чтобы знать, какому разгильдяю что принадлежало...

— А как быть с ногами? На каждую ставить клеймо?

Спрашивалось не из вредности: майор любовно демонстрировал силу мин нажимного действия, когда при подрыве у манекена ноги разлетались в разные стороны.

— Правильный вопрос, — поддержал любопытство майор, вместе с зайцем выискивая в строю умника. Каска Ермака вместе с щеками вросла в бронежилет, но опоздала. Журавко подёргал бордовый резиновый жгут, притороченный к лямке бронежилета. Тот не размотался, не дал повода наказать хозяина за разгильдяйство. — Последний анекдот. Сапёрный комбат приезжает в госпиталь: вчера боец Ермаков

подорвался на mine, в какой палате лежит? — Ермаков? Который подорвался? В третьей, пятой и седьмой.

Грубоватые армейские шуточки — от попытки скрыть напрядение перед отправкой на фронт. Больше всего они напрядают Женю Незабудку, вытасченному в армию из оркестровой ямы Брянской филармонии. При этом он не забывает оглядываться за поддержкой: я ведь не слинял, я же не победил! Никто не поехал из оркестра на войну, а я тут. С вами!

У каждого своя история с призывом. Ваську «Синяка» привезли на призывной с насиженного места у гастронома, где сшибал копейки на выпивку. Получив через месяц десятки тысяч рублей, скупил в городке весь одеколон. Комвзвода старлей Брусникин, увидев гружёного стекляшками подчинённого, конфисковал пакет и так обильно продезинфицировал «Шипром» и «Сашей» вкуче с «Красной Москвой» туалет, что его можно спутать с парикмахерской. Впрочем, самого взводного тоже призвали не без юмора — стал подбивать клинья к любовнице военкома. Та послала его подальше, но ещё дальше попутавшего берега владельца автомастерской отправил военком, вызвав повесткой на сборы.

Из кадровых офицеров в полку только командир и начальник штаба. Остальные — запасники, отставники или «незабудки», вчера ещё о погонах и о войне не помышлявшие. Только вот у судьбы нет якоря для постоянной стоянки у комфортного пирса, и первая волна мобилизованных уже слушает майора. И дятла. И по команде ползут к местам подрыва, чертыхаясь от вкрапленных в снег сосновых шишек, попадающихся под локти и колени.

— Чей зад торчит? Москвич, он тебе больше не нужен? Чем на Арбате будешь крутить, если отстрелят? Вжались в снег, как в любимую женщину.

— Так-так. Так-так-так.

Майор наверняка заплатил чёрно-белому провокатору за поддавки о женщинах после двух месяцев разлуки с ними. Маадыру, правда, стук дятла напомнил топот козлёночка по полу у бабушки. Как же давно проходил прощальный обед всем посёлком!

На полигоне тоже кормят как на убой, не перед отправкой на фронт будет сказано. В столовой Журавко забирает у соседей тарелки с едой, фотографирует переполненный поднос и отправляет снимки жене — вот как жируем! После фотосессии оставляет себе овощи и чеснок, горкой лежащий на раздаче рядом с компотом. Вариантов сбросить ему вес всего два: меньше есть или больше бегать. Бегать майорам уже не хочется, для этого есть солдаты. За питанием издалека сле-

дит жена, но психологу ли не обмануть её даже в прямом эфире? Это на «гражданке» за фитнес надо платить, а тут за это же самое Министерство обороны ещё и доплачивает...

...И мост, и водокачку «взорвали» без проблем. Несколько замечаний сделал дядя, но уже без майора, которого сменил отыскавшийся после ночи комвзвода. Но когда хрен был слаще редьки?

— Место следующих занятий — парашютная вышка, — сжимал кулаки и желваки Брусникин, явно недовольный результатами от проведённой непонятно где самоволки. — Перед прыжком все кричат «Слава ВДВ». Дальше или шагаете вниз сами, или с помощью пинка под зад. Но десантным войскам всё равно — слава!

— Или — Вася, — оскалился «Синяк», вспомнив из времён СССР шутку про «Слава КПСС — Славе слава».

Зря закусился: юмор не остался без внимания и на этот раз:

— Все Василии — выйти из строя!

Шеренгу покинули трое, даже Ермак, чья фамилия перекочевала в позывной, а про имя, кроме писаря, уже никто и не помнил. Они и получили команду нести к парашютной вышке приготовленное для дымовой завесы автомобильное колесо. На войне умирают, конечно, в одиночку, но ответственность за любые прегрешения — коллективная.

— «Синяк», ты идиот. Тебе только сидеть в туалете и кричать «Занято!» — пнул благодетеля Ермак. Ему вообще-то больше подходил бы позывной «Гибон», потому как ходит даже в строю исключительно: правая рука — правая нога.

— За мной бегом — марш!

Лейтенанты бегают быстрее майоров, отчего пункт «В» кажется дальше и ненавистнее. Даже гибонам при беге возвращается нормальная координация: левая рука — правая нога...

— Я сказал — нести, а не катить! — не давал юмору покинуть армейский строй взводный. Впрочем, в армии всегда круглое толкали, квадратное катили.

До парашютного городка добежать не удалось: растопырив тараканьи лапы, над дорогой завис квадрокоптер.

— Противник справа! — бросил старший лейтенант подчинённых на операторов, управляющих «птичкой». А десантникам поди плохо порвать в клочья врага при численном превосходстве.

В солдатиков, безмятежно пыхтящих сигаретками, воткнулись два десятка автоматных стволов. Брусникин пальчиком потребовал у пленников пульт управления, те попытались возразить, но угрожающе звякнули затворы: за командира забросим вместо дятла на сосну!

Получив игрушку и приноровившись к джостикам, старший лейтенант поднял квадрокоптер над деревьями, увёл его в сторону военного городка. Не позволяя никому заглянуть в экран, подвесил «птичку» над местным кафе. Высмотрел идущих на обед женщин. Встрепенулся:

— Перекур тридцать минут.

Лейтенанты точно бегают быстрее майоров: «птичка» ещё не успела вернуться к истинным хозяевам, а сосны уже заштриховали фигуру Брусникина. Не комвзвода, а свободный углерод — где хочет, там и бывает...

— Занятный у нас начальник, — вздохнул «Синяк», усаживаясь с Васьками на колесо: — Навоюем с таким. Угу, да.

Только кто же загробным голосом вещает о будущем перед отправкой на фронт? Соседи по колесу спихнули дурня в снег, а настроение перебил Незабудка, в свободную минуту продолжающий обучение Маадыра:

— Вот так губки вытягиваешь, вот так. Дуй!

Под шипение новоявленного духовника рядом с привалом плюхнулась Бабой Ягой на живот «птичка». Операторы вытащили её за шиворот из снега, и приступочками от греха подальше стали отделяться от захватчиков.

— Смотри, — флейтист выпростал свои губы-ниточки, уложил их на чашечку мундштука. Хватанул воздуха и курочкой принялся «клевать» перед собой невидимые нотные зёрнышки. Из них полилась умиротворённая музыка, под которую, как под дудочку пастушка, послушно поплёлся за хозяевами вновь поднявшийся над просекой квадрокоптер.

Десантники в ожидании взводного натаскали сухих веток, разложили костёр. В выигрыше оказались Васьки, вольготно расположившиеся перед огнём на колесе, остальные переминались на ногах или довольствовались сидением на корточках. Служба для солдата идёт не только во время сна, но в ещё большем блаженстве при отсутствии командира.

— Ленушок, роднуш, да не волнуйся ты. Не отвечал, потому что занятия. — Москвич занялся привычным увещеванием жены, не обращая внимания, что разговор влетает в чужие уши.

— Выдыхай в прорезь, — на молодожёна не обращал внимания только флейтист, продолжая измываться над сержантом, взводом и сидящими на ветках снегирями. Несмотря на «пивные» животы, те легко сгибались в три погибели и выклевывали из веточек под тоненькими ножками вкусности. Чем не ресторан с живой музыкой на свежем воздухе! В отличие от дятла, не перебивали они и мужские разговоры. — Верхняя и нижняя губа каждая должна рождать свой звук. Прессом выдавливай изнутри воздух, животом работай...

— Мужики, заткнитесь, а? Дайте Москвича послушать, — попросил обычно молчаливый «Ничей».

— А я со своей плохо расстался, — вдруг с тоской поделился своими проводами и семейной жизнью «Купец».

— Расставаться надо без злобы, — назидательно откликнулся «Ермак», греющийся над огнём протёртые снегом руки.

— Да вот так же заколебала ревностью, — оправдался обладатель какого-то ларька на каком-то рынке в Подмоскowie. — Перед отправкой подошли к озеру, уток покормить. Подплыла одна уточка, селезень куда-то отвлёкся. Даже в этом попрекнула — такой же кобель, одну оставляешь...

Степень доверия к семейной тайне на этом закончилась, но погружений в свои воспоминания народу не хотелось — они ослабляли, делали плаксивыми. Ермак вернулся к безобидному:

— Тувинец, твоим воем только духов вызывать.

— Причём злых!

Накаркали: у костра вырос Брусникин. Стёр шапкой светящийся на солнце ореол из бусинок пота на стриженной голове. Рейд в кафе, судя по всему, результатов не дал, и «птичка» уже через минуту снова наблюдала бег пятнистой десантной гусеницы с автомобильным колесом на хвосте.

— О-о-о, — стонал «Синяк», не уместаясь на тропе и проваливаясь в снег глубже остальных. — Хоть бы побыстрее или по домам, или на войну.

4

У войны любимая дорога — узкоколейка: не дать никаких шансов вернуться попавшемуся ей навстречу солдату!

Для прибывшего на фронт пополнения сделалось исключение, и вместо стрельбы новобранцев встретила свадьба: танкисты бережно покрывали покатые плечи своих Т-72 белой фатой. Похлопав «невест» по не менее покатым аппетитным бокам, заводили их на первую брачную ночь в капониры-горницы. У новобрачных из-под вуали торчали перебинтованные носы оружейных стволов, но, скорее всего, это являлось не результатом спора за чужих «женихов», а маскировочным макияжем.

— Чудушко моё, да какие могут быть тут женщины! — прилюдно обманывал молодую жену Москвич. — А вот связь точно пропадёт...

Разлуку с домом прибывшим обещало компенсировать свадебное угощение: из лихо подскочившего тылового фургона два шустрых солдатика принялись разносить термоса с кашей и чаем, лотки с белым хлебом. Батоны переверну-

лись при тряске, но тут уж законы войны: быстрее едешь — живее будешь. Где-то вдаль уже пытались присоединиться к свадьбе со своим артиллерийским фейерверком непрошенные гости.

— Дураш ты, если так думаешь. Отбой! — Москвич, наконец, отключил связь с домом.

Вовремя: к прибывшим приближался командир выводимых на отдых морских пехотинцев, чьи позиции и занимали десантники. Кроме блиндажей и окопов морпехи оставляли в назидание деревянный щит с надписью «Место для хранения ваших смартфонов», к которому гвоздями было прибито с десяток аппаратов. Наглядное пособие про уязвимость звонков, засекаемых висящими над Украиной сотнями американских спутников. А уж кому они передают координаты, за пояснениями даже к Маадыру ходить не требовалось: шепчет-шаманит, разрывая белый шарф на полосочки и повязывая их на руки уходящим на позиции подчинённым — и оберег, и распознавание «свой—чужой».

— Стреляй каждого, кто поднял автомат в твою сторону, — щупленький морпех, вместе с командиром передающий окопы новичкам, поучал попавшегося на пути «Синяка».

— Так нам бы лишь бы... И мы тогда ого-го! — Тот вытягивал шею, пытаясь заранее и выглядеть опасность, и продать себя подороже. — Как звать-то?

— Имена наши Бог знает, они написаны на небе по ту сторону прицела, — обладатель ефрейторской зелёной лычки на погоне указал автоматом вверх, наверняка повторяя чьи-то красивые слова. Уселся в протёртое кресло рядом с укрытой масксетью штабной землянкой, заглянул в стоявший рядом казан, потрогал ладонью остатки плова. Не удовлетворившись подогревом, вытащил из рюкзака банку тушёнки, вспорол ножом блестящее клеймёное темечко. Им же зачерпнул розовый, в крапинках белого жира и прилипшим лавровым листом, лакомый кусок. Вырвал щепотку от перехваченного у поваров батона: боец с ложкой на войне непобедим, а уж с сухпайком — практически бессмертен.

Однако не забыл и о вопросе:

— Тут, на земле, мы живём по позывным. «Ветер».

— Угу, да-а, — засмутился своего имени «Синяк». Сотворил ещё под Рязанью глупость, когда записался в ротный список позывных магазинной кличкой, а тут война уже распределила всех на небе и земле. Станешь ненароком героем, позора не оберёшься с таким погонялом. Хотя молдованин Валера по старому цыганскому фильму «Будулаем» назвался, но его кроме как «Абалдуй» никто не кличет. Маадыр прилепил себе «Лишайника», а прижилось — «Леший»...

— Стрелкотни особой нет, но и особо не высовывайтесь, на той стороне начал работать бессмертный.

— Тоже позывной?

— Снайпер. Которому кажется, что он неуязвимый. Вернёмся — отправим на встречу к Бандере прямым галсом.

Полк обустроивался напротив засевого в лесополке хохла. К фронтовой терминологии привыкали по мере приближения к точке «Ноль» — то есть к окопам, где лесополоса звучит как лесополка. Беззаботное слово «снаряжение» перешло в «снарягу». Которая размещена в распоряге. А противник — просто хохол!

— Ладно, черепашки. Гальюн — зюйд-вест, хохол — прямо по курсу, стоять на якоре — здесь, — морпех указал растопыренными пальцами себе под ноги. Не заметил, что «Синяк» уступил место подошедшему Журавко и ефрейторские указания отдавались майору.

Почему «черепашки» — не объяснил. Но увидев начальство, торопливо встал с кресла и от греха подальше заторопился к БТР, увозившему остатки морпехов в тыл. За бронетранспортёр, словно телка на верёвочке, цепляли «уазик» с выбитым глазом-фарой. Вывернутые внутрь колени передних колёс подтверждали истину, что на войне железу порой достаётся больше, чем человеку.

Маадыру, направлявшемуся к своим окопам, солдатский «уазик» напомнил бабушкиного козлика. Похлопал и его по лбу, и извазюканного в грязи некогда зелёного «Москвича», непонятно каким макарон затесавшегося в боевые порядки.

В траншее, за ночь тронутый седой щетиной инея, оглядел свой сектор стрельбы — от изгиба лесополки к выгоревшему до металлических костей польскому броневому автомобилю. «Поляк» наверняка мечтал доехать если не до Москвы, то хотя бы Луганска, но украинская распутица всосала его в грязь по самое брюхо, а лётчик подбитого «Су-25» направил горящий штурмовик к неподвижной цели. Почему не катапультировался сам, осталось тайной, но воткнувшийся в землю хвост самолёта стал и памятником лётчику, и ориентиром на карте пехоте...

На краешке пулемётного гнезда подброшенным кукушонком лежал Журавко. Пальцы сжимали бинокль, но майор отрешённо смотрел поверх окуляров, и стоящий рядом у пулемёта «Ничей» мимикой предупредил: лучше не трогать.

Майор, как и положено в армии, тронул подчинённых сам:

— Дома не обстреливать!

До ближайшего села было ещё топтать и топтать, даже в бинокль оно еле просматривалось, но психолог посчитал нужным дополнительно пригрозить:

— Я сказал!

Побарабанил пальцами по затылку автомата, поправил на карабинчике потерявшего в переездах стеклянный глаз зайца. Прощептал «Эх, Украинишка» и пошёл дальше по траншее. На войне цивилизация земляная, в большинстве своём из нор и окопов, но обиходить и их надо...

Маадыр улёгся на освободившееся место, огляделся. Поле перед окопами припорошено снегом, гуще по бороздкам прошлогодней пахоты. Три водяные проплешины в низинах блестят льдом. Это у них в Туве снега ещё по колено, а тут первый же солнечный день ухватит весну за хвост. Распутица для солдата вообще-то благодать, в атаку не ходить, война переходит к артиллерийским дуэлям. В этом своя выгода: пустые снарядные ящики идут и на лежаки, и на тумбочки, и на укрытия, и на растопку. Главное, выцыганить у пушкарей тару в числе первых.

— Что начальство? — поинтересовался более конкретными вещами «Ничей».

Новостей сержанту от начальства достаётся с гулькин нос, они отсекаются от лишних ушей на батальонных, ротных и взводных подступах.

— Быть готовыми, — не подвёл командиров Маадыр. — Слушай, а ты чей всё же будешь? Не для протокола, но всё же я твой командир. На всякий случай.

— Поволжье, — неожиданно легко согласился поделиться биографией «Ничей». Хотя того Поволжья — пять Германий, а в дельте Волги ещё три Прибалтики утонут, не успев подать сигнал «SOS». — Я просто дал слово директору завода не светиться.

— С чего такая секретность?

«Ничей» скосил глаз на сержанта. Осмотром удовлетворился, приоткрыл ещё пару страничек биографии:

— Завод оборонный, но по каким-то причинам не попал под санкции. А половина машин в цехах итальянские. Если узнают, что рабочие пошли на СВО, спохватятся. А оно нам надо?

Ответа не требовал, продолжил сам:

— наших заводских уже двое погибло. Хоронили без памятников и салютов. Вроде обидно, а... для блага Отечества. Я так понимаю.

— Так у тебя должна была бы быть броня от мобилизации.

— А я денег подзаработать...

Хотел ещё что-то добавить лукавое, уже и глаза прищурил, но раздумал. Однако удержать новость в секрете не смог:

— Тут допытывались, кто я по национальности. Моя национальность — детство. А в интернате, где рос, крыша прохудилась. Вот заработаю — и залатаю...

Сзади в траншею посыпалась земля, вслед за ней на «ноль» спрыгнули Брусникин, бородатый морпех с шевроном Спаса Нерукотворного на бронезилете и облачённый в новенький, ни разу не стираный камуфляж офицер с орденскими колодочками под распахнутым бушлатом. Наградками в окопах никого не испугать, значит, из числа гастролёров, желающих отметить своё присутствие на войне, взять справочку и обратно в Москву, выбивать медаль участника спецоперации.

Гастролёр привычно вскинул бинокль. Любоваться пятикратно увеличенными пейзажами не стал, передвинул их на две риски в зеленоватых иллюминаторах вправо от самолёта. И тут же вытянул шею, приближая на её длину лесополосу. Заорал:

— К бою!

Морпех вырвал у него бинокль, но обзор перекрыл разрыв «польки» — бесшумного польского миномёта. Бутоны, словно подземные гейзеры, один за другим стали вырываться из ближней водяной проплешины.

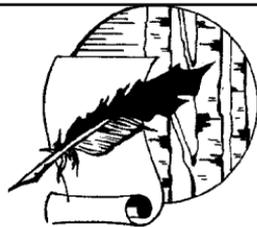
— Подловили, гады, — морпех уложил ствол автомата в рогатину, воткнутую на гребне бруствера. Аккуратисты эти морпехи, лень им очищать автоматы от земли, обязательно надо уложить на блюдечко с голубой каёмочкой. — Ждали, ждали пересменку.

В промежутках между разрывами на подмогу скатился «Ветер».

— Эх, пальцы как карандаши, — ефрейтор вынужден был передёрнуть затвор перепачканной шрамами ладонью. — Ни за горло гадов не схватить, ни за грудки...

— В укрытия! — прокричал вправо-влево морпех, предполагавший, что «мобики» должны были это сделать при артобстреле сами, без команды.

Более всего голосу командира, похоже, обрадовался Брусникин, с которого снималась ответственность за первый бой. Хорошо, как хорошо, что моряки не успели уехать. А подбитый узик он отремонтирует, не из такого фарша после аварийной конфетки в мастерской делали...

Александр НЕСТРУГИН

ЯЗЫК И ГОВОР

* * *

Даже если всего лишь зерно я,
Разве нет зрячей воли в зерне?
Безнадёжное дело земное
Без меня безнадёжно вдвойне!

Хоть и послано было за мною
С мыслью — жизнью за то поплатись! —
Безнадёжное дело земное
Не смогло без меня обойтись....

Рассержу, растревожу, задену
Здравый смысл, но скажу всё равно:
Если всё же я взялся за дело,
Так ли уж безнадёжно оно?

Стужа гулко ударится оземь,
С треском реки, как окна, забудет...
От зерна занимается озимь —
И в крови больно крошится лёд!

Это всё отзывается мною:
Вспухший Дон, зеленеющий лес...
Безнадёжное дело земное
Без приставки безжалостной «без».

* * *

Хутора ушли — а мы и рады?
...Старый пруд, кого он тем смутил,
Что так долго — не забавы ради! —
Позабытым стёклышком светил?

Высох он — и стих шумок моторный,
Звук шагов и поплавок шлепки.
И уже спорыш дороги торной
Стёрла степь, как влагу со щеки.

Жили люди... Пели про Катюшу,
Про степного сизого орла...
Стихло всё. А яблони и груши
В плен орда терновая взяла.

Только кто-то — вряд ли для скотины,
Перевёл её давно народ —
Косит всё же латку за плотиной,
И не первый, видно, косит год.

Всё мы помним — скифство и хазарство,
Вон в музее — половецкий стан...
Косит кто-то — вряд ли для хозяйства;
Может, раньше песни пели там?

Будет где потом сойтись потомкам
Раз в году — и вместе, не тайком
Хоть поплакать — над рябиной тонкой,
Над в степи замёрзшим ямщиком...

* * *

Боль, она так скупко верит на слово...
Ты проведать просто или врач?
За словами, всё равно напрасными,
Не маячь, вся в белом... Глаз не прячь!

В аргументах — блеск инструментария,
Физраствор и острая игла...
Знаю я: забыть все средства старые
Медицина сразу не могла!

Смыслы все — остались только мелкие —
На потребу выбраны людьми.
...Сядь неловко, уколи коленками
Страх мой, жар мой... Очи подними...

ЯЗЫК И ГОВОР

В ходу лишь он, словарный гонор,
Московский выговор, а жаль:
Как с поду бублик, вкусен говор
Волжан, поморов, вологжан!

И разве выводил в пробирке,
Не мыл, не плавил, не ковал
Свои реченья край сибирский,
Америку не открывал?

И некогда не суржик жалкий —
Москва, державный дух копи! —
Наш вышел говор слобожанский
Навстречу кочевой Степи!

«Саратов, глушь!» — своё поносим,
Упорны в крайности другой:
То с гальским носимся прононсом,
То бредим аглицкой нудьгой.

И потому — а чо? А неча! —
Отрежу без обиняков:
Нет — и не будет русской речи
Без говоров и говорков!

И ты, язык мой, не украдкой —
Кого бояться нам, скажи? —
Где сбито, подорожник с Вяткой,
Чтоб не нарвало, приложи...

ШТОРКИ

Он держится, держится, держится — что ты!
Из жёлтых жердёл закрывает компоты;
Всё сам покупает — картошку, крупу ли;
Выносит на улицу кошку слепую,

И сыто мурлычет та кошка слепая:
Он кормит овсянкой её и супами!
...Он крошит воробышкам хлебные корки...
И к Пасхе стирает советские шторы —
Руками, как раньше жена их стирала —
Красивые, в рубчик, сама выбирала!
Стирает их чутко — не крутит, не месит...
Он к празднику чистые шторы повесит,
Хоть это и стоит усилий немалых.
...И смотрит сиротство с тех шторок линиялых...

ИЮНЬСКОЕ

Мы правду — верится с трудом? —
Узнаем всю ещё...
Как он ворвался — в каждый дом! —
«Оркестр» кочующий.

Как «Вагнер», что Артёмовск брал,
Взяв ноту скользкую,
Другую музыку сыграл —
Московскую!

И дирижёр, что был для всех
Крутым, не спорю я,
Взметнул мятеж, как белочех
Родной истории.

«Ведь я — герой! — стране сказал, —
Где ж дань твоя?»
...И глянула стране в глаза
Война. Гражданская.

Господь опять Россию спас,
Отвёл — не грянула.
Но как
 она
 на нас —
 из нас! —
Свинцово глянула...

ЮБИЛЕЙ

Краснея, сглатывает ком
Районный классик хмурый:
Что прежде звали «леваком»,
Звучит — литературой!

Хоть не смикитишь по речам,
Где смесь воды и лака,
Зачем он чувства по ночам
Растрачивал — вне брака...

Зачем, знакомы, но чужи
(Хоть, встретив, руку жали!),
Руководящие мужи,
Чуть отходил он, ржали.

И била спесь столиц — с носка;
И, ражи на проделки,
Смеялись слава и тоска,
Как уличные девки...

И даже то, зачем жена —
Ну что всё это значит?
Неужто жаром сражена
Речей? — в сторонке плачет...

«МНЕ ПРАВИТСЯ...»

Враги, не рвите цепь, не лайте —
У нас друзья похлеще есть...
Погиб солдат — и ставят лайки,
Как будто в радость эта весть!

Ну кто им объяснить поможет? —
Здесь что ни слово — тихий крик...
«Мне нравится» — как он корёжит,
Нелепый, неуместный клик!

Нет ни шипов, ни заусенцев
На мышке: щёлкнул — и молчок.
И невдомёк, что метит в сердце —
Не виртуальное! — щелчок.

* * *

От такой реакции — мгновенной! —
Хочется скулить, а может — выть...
В небе гул — и внук кричит: «Военный!..»
Рад, что может деда удивить.

И тревога, грудь томя, не тает,
Хоть, кажись, с чего, с чего бы вдруг?
Тут теперь другие не летают.
И чужие, вроде, не летают...
Гуси только — с юга. И на юг...

ЭПОС

Андрею Авраменкову

Знаешь, он по-разному слагался,
Эпос обретений и утрат...
Ты родился в городе Луганске,
Я же помню — Ворошиловград.

Вроде, всё без драм тогда решилось:
Кто он перестройке, этот Клим,
Первый красный маршал Ворошилов? —
А ведь так меж нас вбивали клин!

Как же это стать могло законом? —
Я не о названии... Горько мне:
Ты родился в городе знакомом,
Нашем, русском! — но в чужой стране...

Та вина нам долго не простится...
Только, сколько душу ни трави,
Городу в Россию возвратиться
Выпала дорога — на крови.

И сказать — вернулся! — рано слишком:
Всё ещё идёт через войну.
Ты об этом скупко пишешь книжку —
И ещё напишешь не одну.

Не лукавым призраком Гомера
Эти муки ради славы для —
Чтобы не забыли, как горела,
В том пути — дымилась и горела —
Не чужая, русская земля...

СПИСОК

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочёл до середины.
О. Мандельштам

История любви? Елена и Парис?
О, как ты слеп, поэт, воздушный замок строя!
Тугие паруса... Но выпадает из
Бессонницы твоей разрушенная Троя.

Тот список кораблей — зачем он мне сейчас,
Когда другим живу, другим, другим болею?
...Бессонница. Обстрел. Несломленный Донбасс.
И список всё растёт — на Ангелов Аллее.*

г. Воронеж

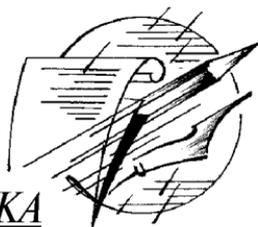
Редакция «Молодой гвардии» сердечно поздравляет замечательного поэта, давнего друга нашего журнала Александра Гавриловича Нестругина с 70-летним юбилеем. Автор многих книг, лауреат литературных премий имени Сергея Есенина, Андрея Платонова, Николая Гумилева, премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина, Александр Нестругин за выдающиеся достижения в литературном творчестве награжден Союзом писателей России золотой медалью «Василий Шукшин». Имя и поэзия Александра Нестругина известны не только в Воронеже, но всей читающей России. Редакция «Молодой гвардии» желает большому русскому поэту крепкого здоровья и новых поэтических озарений на радость нашим читателям.

* Аллея Ангелов — мемориальный комплекс, посвящённый памяти детей, погибших при обстрелах Донбасса.

КАК НАМ ЗАКОНЧИТЬ ВОЙНУ

Наметился перелом в ходе боевых действий. Стало окончательно ясно, что украинское контрнаступление остановилось, надорвалось, практически исчерпало свой потенциал, моральный прежде всего, и близится время ответного наступления российских войск, да оно частично уже и началось под Купянском и Авдеевкой.

В особенности заметен перелом в настроении украинского народа, мобилизовать который на войну киевскому режиму становится все труднее. А на фронте мобилизованные стали массово сдаваться в плен, чего так долго не было и чего мы с самого начала спецоперации ждали с огромной надеждой. Потрясающий факт: сформирован из украинских военнопленных и уже сражается на фронте с нашей стороны батальон имени Богдана Хмельницкого, приближая день нашей Победы. До недавних пор украинцы — и ярые националисты, и простые воины — сражались с нами с примерным упорством и ожесточением, свидетельствуя высокую мотивированность и свою уверенность в конечной победе. А сегодня это уже не так, их энтузиазм зримо выдохся, а наи-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

более «свидомые» и непримиримые оказались постепенно просто выбиты русским оружием. И стало ясно, что неумолимо приближается тот час, когда количество перейдет в качество, и морально сломленные ВСУ покатаются от нынешних огневых рубежей вглубь страны, теряя территории и вооружения, приближая финал укронацистского режима.

Разумеется, все это не произойдет в один день. Украинская армия все еще очень сильна и опасна. Но видно, все же, что время работает на нас. И возник ряд факторов, который делает вышеописанный финал неизбежным.

В принципе, как ни спорно это звучит, нам на руку оказалась вспыхнувшая на Ближнем Востоке большая арабо-еврейская война. О ее потенциальном масштабе свидетельствует тот факт, что в ответ на призыв Ирана создавать всемирное ополчение мусульман против Израиля откликнулось свыше трех миллионов (!) добровольцев по всему свету. А это, между прочим, наилучший способ утилизации огромных контингентов мусульманских боевиков из Афганистана, Сирии, Ирака, Ливана, Ливии, Йемена, Пакистана и пр., включая бывших наших антагонистов с Северного Кавказа, которым теперь может найтись конкретное занятие не на один год. Конечно, провозгласить такой набор добровольцев — это одно, а одеть и вооружить — это совсем не так просто. Но если мусульмане всего мира скинутся по копеечке, то эта задача будет решена. Население Израиля составляет примерно 9.650.000 (вместе с арабами и проч.), и против огромного массива мусульман ему не выстоять в случае неудержимой эскалации войны.

Что это дает России? Я не очень понимаю, почему израильтяне настолько непримиримо настроены против России, почему они с самого начала СВО (а по факту и ранее) всеми силами поддерживают в войне с нами Украину с ее неонацистским режимом, казалось бы, враждебным для евреев. Вряд ли из-за национальной принадлежности Зеленского. Скорее, сказывается досада на то, что проект новой Хазарии, так успешно осуществлявшийся юдократами с 1917 года в России, не состоялся, и евреи, дважды державшие нашу страну в своих руках, ее в итоге потеряли. Пусть не совсем, но это уже лишь дело времени. А между тем, кошка всегда знает, чье мясо съела. Как говорил Лев Толстой, мы любим людей за то добро, которое для них сделали, и ненавидим за то зло, которое им причинили. Думаю, в этом причина иррациональной ненависти израильтян к России, которые мстят ей, ускользнувшей от их владычества.

Второе объяснение я вижу в том, что Украина рассматривается многими израильтянами (в особенности репатриан-

тами именно с Украины) как возможная база массовой ре-эмиграции в будущем, если Израилю придется самоликвидироваться под ударами арабского мира. Не удалось устроить новую Хазарию в России — почему бы не попробовать на Украине? Воюя с нами на ее стороне, евреи готовят себе удобную платформу.

Но теперь и эту иррациональную ненависть к русским, и эти надежды на теплый уголок на Украине евреям приходится задвинуть в дальний ящик. И вот уже с Украины в Израиль массово съехали еврейские наемники, а также инструктора и советники, у которых обнаружилось куда более важное дело: защищать Израиль. Думаю, что и поставки оружия из Израиля на Украину теперь прекратятся, поскольку оно понадобится самим израильянам, а к тому же всплыла неприятная правда: часть полученного даром оружия украинцы успешно перепродали тому же ХАМАСу, и оно теперь бьет по Израилю. Будет ли Израиль продолжать поставки? Вряд ли.

Сказанное важно, но еще важнее то, что у Америки и вообще у Запада возникла реальная необходимость ввязаться в арабо-еврейскую войну всерьез, а не между делом, как на Украине. Израиль слишком важный партнер США, а еврейское лобби слишком влиятельно, чтобы Штаты могли уклониться от полноценного участия в войне. Запад попал в капкан, из которого уже не сможет вырваться, и забота об Израиле поневоле выходит у него сейчас на первый план. А это значит, что те силы, которые могли бы пойти на поддержку Украины, будут теперь всё более и более направляться на Ближний Восток, а Украина будет получать помощь лишь по остаточному принципу. Но все прекрасно понимают, что ВСУ столько времени сопротивляются нам только потому, что несмотря на то, что наши вооруженные силы уже перемололи ресурс, которого хватило бы на три армии, с Запада продолжает поступать всё новое оружие, боеприпасы, амуниция и проч. И если этот поток сократится, как можно надеяться, то дни «незалежной» будут сочтены.

Если же, как мы вправе ожидать, Китай воспользуется ситуацией и займется возвращением Тайваня «в родную гавань», Америке и вовсе будет не до прокси-войны с Россией на полях Украины.

Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, чья воля предопределила этот крутой поворот мировой истории. Но те политики-кукловоды, которые стоят за якобы неготовностью МОС-САДа и ЦАХАЛа отразить удар ХАМАСа 7 октября, волей или неволей поднесли Путину хороший подарок на день рождения и оказали России важную услугу.

К международным факторам, работающим в пользу России я бы отнес еще два момента.

Во-первых, это заметное изменение баланса сил на мировой арене, где Запад начинает понемногу терять положение гегемона, а влияние стран Азии, Африки и Латинской Америки возрастает. И этот факт в ближней перспективе играет на руку России не только потому, что создает всемирный противовес Западу, но и, главное, подрывает беспрекословное лидерство Америки, теряющей возможность диктовать остальному миру свою волю. Однополярный мир изжил себя. Между Россией и Америкой разгорелась ожесточенная и вполне открытая прокси-война, и всё, что ослабляет нашего противника, есть благо для нас.

Во-вторых, в этом противостоянии отчетливо вырисовывается ось Москва—Пекин—Тегеран, а это уже можно рассматривать как предпосылку Третьей мировой войны, застрельщиком которой выступила Россия 22 февраля 2022 года, но неумолимая логика событий делает более чем вероятным продолжение ее на ближневосточном и дальневосточном театрах военных действий. Без нашего прямого участия, к счастью. С учетом глобального ослабления Запада, шансов победить в этой войне я у него не вижу. А нашим, российским, главным трофеем должна будет стать Украина: ее судьба, думается, уже определена всеми этими обстоятельствами. И многие уже почувствовали это, что называется, шкурой.

Следует отметить в данной связи тот отрадный факт, что с Украины побежали не только израильские, но и вообще иностранные наемники, составлявшие заметную, притом ударную часть ВСУ. В 2022 году на Украине был создан «Иностранный легион», контингент для которого в основном поставляют девять частных военных компаний; на первом месте — ЧВК Соединенных Штатов, далее идут британские, немецкие, польские и турецкие компании, вербующие «солдат удачи» по всему миру. ЧВК получают деньги по контрактам от Киева, а потом расплачиваются с наемниками.

Интересен национальный состав наемнического контингента. Больше всего охотников воевать с русскими нашлось в Польше, но поскольку многие добровольцы из этой страны вербовались не через ЧВК, а в индивидуальном порядке цифры их участия сильно разнятся. В «Иностранный легион» вроде бы записалось всего примерно 2 600 поляков, но при этом цифра потерь, озвученная варшавскими СМИ, уже порядка 10 тысяч погибших. Лучшими бойцами среди наемников считаются граждане бывших «братских» советских республик — грузины (примерно 1108 чел.) и белорусы из

числа противников Лукашенко (723 чел.). США поставили около тысячи боевиков, примерно столько же из Великобритании, а из Австралии, где фиксируется неожиданно высокий уровень русофобии, — 765. Немного «рекрутов» дали страны Латинской Америки.

Но число иностранцев в рядах ВСУ стремительно сокращается. Охотников оттянуться на своеобразном сафари, отстреливая русских с безопасной позиции, поубавилось. По официальным данным Минобороны РФ, всего с 24 февраля 2022 года на Украину прибыло 11 675 наемников из 82 стран (по данным издания Украина.ру — 12 046). Но из этого состава «Интернационального легиона», по данным МО, погибло 4 845 человек (по данным сайта Украина.ру — 5 680 человек, а более 4 560 сбежало домой). Так что осталось всего около 1 800 наемников из легиона, действующих, например, в составе 49-го отдельного стрелкового батальона «Карпатская сечь». Все-го за полтора года войны убыль огромная, шестикратная.

Особенно важно отметить, что российскими высокоточными ударами были уничтожены десятки офицеров высокой категории из стран — членов НАТО, работавших в штабах в качестве советников и управленцев. Это очень отрезвило противника и отвало его от стремления отличиться в битвах с русскими.

Сегодня наемники, резко сократившись в числе, перестают быть влиятельным фактором на поле боя, каким были еще недавно. Но главное в другом: отток «диких гусей» из Украины означает, что в сознании иностранцев утвердилась мысль о том, что вооруженное сопротивление России — гиблое дело, обреченное на поражение. А это — важный симптом.

Не только «дикие гуси» устали от войны с Россией и разочаровались в ее исходе. Ощущением безнадежности и напрасно потраченных усилий, похоже, охвачен весь западный мир, вотще поставивший на поражение России. Запад убедился, что поставки вооружений Украине не дали чаемого результата, что война ею будет неизбежно проиграна, а мир придется заключать рано или поздно на российских условиях. А самим придется остаться с почти уничтоженной, надорванной экономикой, попав в долговую кабалу к США, которые, как это каждый раз случалось в глобальных войнах, стали главным бенефициаром русско-украинской войны. Приближающаяся зима несет с собой обострение социальных проблем в Европе, на фоне которых украинская проблематика неизбежно будет уходить с авансены.

Одним из результатов нарастающей усталости, тревоги и разочарования явились «ножницы» между обещаниями по-

ставок Украине новых вооружений и денег — и неисполнением оных обещаний. Зеленский всем в мире обрыдл, натовцы с ним стали обращаться без прежнего пиетета, как с надоевшим попрошайкой и приживалой. От этого он заметно бесится, хотя бунтовать, естественно, не смеет.

Между тем, судьба Зеленского сегодня выходит на передний план, поскольку от нее во многом зависит, на мой взгляд, когда и как закончится война. Что собой представляет Зеленский в политическом раскладе и в контексте русско-украинской войны?

Самое главное: Зеленский по натуре актер, лицедей и позер, его стихия — самопиар, его движущий мотив — тщеславие. Судьба подарила даровитому, но ничтожному по своей сути шуту невероятную возможность войти в историю национальным героем Украины. От этой возможности он не откажется, даже если на кону будет его жизнь. Тщеславие может дорого ему обойтись. Но оно и нам обходится недешево.

Еще в самом начале СВО получив гарантию сохранения своей жизни от израильских покровителей, проводивших на этот счет с Путиным специальные переговоры, он может позволить себе и прокатиться на передовую, и погулять по Киеву, точно зная, что ВС РФ не станут на него покушаться. Легко быть «храбрым» напоказ в таких условиях. Однако так он поднимает свой рейтинг на Украине и во всем мире, героизирует сам себя, чтобы получать дивиденды.

Этими дивидендами, помимо денег для личного обогащения, являются поставки вооружений, что стоило жизни десяткам тысяч российских солдат и офицеров.

Зеленский отлично понимает, кто его истинный хозяин (США), и неуклонно выполняет его указания и требования, даже входя из-за этого в конфликт с руководством ВСУ. Поэтому до сих пор он служил идеальным исполнителем планов Америки по противостоянию России. Неважно, сколько украинцев он положил в гробы во имя этих планов, важно, что он заработал имидж стойкого борца с «российским империализмом».

Однако в случае, если Америка пошлет ему «стоп-приказ» и велит заключить мир с Россией на ее условиях, он, будучи не в силах выйти из роли, которую так настойчиво играл все годы своего президентства, может, по моему мнению, взбунтоваться и не подчиниться приказу. Он теперь заложник собственного образа и символ украинской негибкости. В этом случае его позиция может оказаться реальным препятствием для полной и безоговорочной капитуляции Украины, без каковой победа России будет крайне

сомнительна. Вот просто откажется Зеленский капитулировать и будет воевать до конца.

Но что на другом конце этой палки? А там пусть намного более долгая, трудная и кровавая, зато более сокрушительная победа России, неприемлемая для Запада в целом и конкретно для США. И понимание этого американцами делает из Зеленского фигуру, по меньшей мере лишнюю, а то и нежелательную для них на «великой шахматной доске». А это значит, между прочим, что ликвидация Зеленского не вызовет у США резко негативной реакции, не послужит толчком к эскалации войны.

Для нас же устранение Зеленского, на мой взгляд, очень важно, поскольку поможет приблизить окончание войны, сломать волю противника и подвигнуть новое руководство Украины, напуганное таким ударом, к капитуляции. И дать, таким образом, украинцам возможность прекратить, наконец, самоубийство нации. Необходимость такого удара понимается и некоторыми профессиональными военными. Например, 22 сентября 2023 года бывший командующий Черноморским флотом адмирал Владимир Комоедов заявил: «Уже пора бить по так называемым центрам принятия решений в Киеве, по Минобороны, Генштабу ВСУ. Наконец, по Банковой», то есть по офису Зеленского.

Кое-что подсказывает, что подобные настроения, наконец, начинают проникать и в Кремль, и в руководство нашей армии. Мы стали жестче воевать, решительнее громить материальную базу противника. Отказались от «зерновой сделки», по неподтвержденным, но просочившимся в прессу данным разбомбили Бескидский тоннель, по которому на Украину из Европы шло до 70 % военных грузов, бомбим аэродромы и мосты, черноморские и дунайские порты. Такой решительный настрой обнадеживает. Но понимания необходимости устранить Зеленского я пока не вижу ни у главнокомандующего, ни у армейской верхушки, и мнение Комоедова остается маргинальным.

Что может в данном случае остановить руку России, не дать уничтожить реального главу воюющего с нами государства? На мой взгляд, только надежда на то, что решимость Зеленского воевать с нами до конца приведет Украину к такому же финалу, к какому привела Германию аналогичная решимость Гитлера в 1945 году. Капитулируй Германия раньше, неизвестно, была бы столь триумфальной и полной наша Победа, ведь Германия вполне могла бы сдаться англо-саксам, которые тут же заняли бы ее своими войсками вплоть до линии боевого соприкосновения с Красной армией.

Такое соображение кажется мне единственным оправданием для того, чтобы пока что шадить Зеленского и не стирать его грязной тряпкой с лица Земли, чего он, по моему мнению, вполне заслуживает. Но подобная предосторожность неубедительна, ведь сегодня нет угрозы, что Украина сдастся кому-либо, кроме нас. Даже Польше. Так что стоит ли беречь упертого врага? Пока он жив, война будет длиться, а нам ведь нужно не это. А прихлопнем Зеленского, как некогда Дудаева, — глядишь, новое украинское руководство станет намного сговорчивее.

Итак, все перечисленные обстоятельства и соображения подвигают к мысли о том, что окончание русско-украинской войны предопределено и оно не за горами. Предпосылки нашей победы множатся и порождают оптимизм.

Всё ближе момент, когда судьбу наших стран будут решать не военные, а дипломаты. Но это внушает также огромные тревоги и опасения, ведь история России полна примерами того, как дипломаты обесценивали и пускали в распыл те достижения, которыми мы обязаны были нашей армии и флоту. Семилетняя война с немцами, войны с Наполеоном, русско-турецкие войны, Первая мировая — все они кончились для России далеко не лучшим образом. Крупные геополитические просчеты Сталина по окончании Второй мировой войны (присоединение Западной Украины, передача Польше двух третей Восточной Пруссии, а Литве — Вильнюса, порта Клайпеды и Сувалкского коридора и т.д.) сегодня поражают недалёковидностью, они обернулись для нас бедами и даже той же русско-украинской войной. Поэтому очень страшно, что подвиг наших войск может оказаться обесценен компромиссной политикой наших властей. Этого не должно случиться, потому что будет расценено народом как предательство. Наши люди не ради компромиссов свою кровь на фронте проливают.

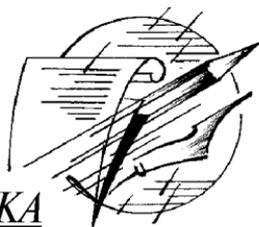
Чтобы предупредить такой ход дел, мы должны уже сегодня более всего сосредоточиться на послевоенном обустройстве Украины и на переформатировании русско-украинских отношений. Об этом надо думать и говорить сейчас, потому что события могут развиваться столь быстро, что мы и оглянуться не успеем, как дипломаты свяжут победившую Россию по рукам и ногам...

КЛОУН СЛИВАЕТ УКРАИНУ

Зеленский — плоть от плоти «маленького украинца». Вырос в семье преподавателей провинциального вуза, поэтому мечту о МГИМО и дипломатической карьере (в том виде, в каком она представлялась криворожскому недорослю) пришлось похоронить и заняться клоунадой. Смешным ему быть удавалось — он таким родился. Он и сейчас смешон, хоть и превратился в клоуна кровавого. Соответственно, в идиллические времена бескровных шуток был вообще няшечкой. Нравился олигархам — попал в круг высокооплачиваемой обслуги, стал слугой, но слугой-миллионером.

Жизнь удалась, а тут ещё и детская мечта реализовалась. Он внезапно выскочил не в простые дипломаты, даже не в известные политики, а сразу в президенты, причём в последнюю надежду нации. Внутреннюю оппозицию (даже нацистскую) в стране он задушил, а на Западе пользовался высокой популярностью. Даже на войне против первой армии мира удалось отбить часть первоначально занятых Россией территорий, а затем фронт полгода стоял как вкопанный. Чем не «великий полководец»?

Парвеню из Кривого Рога тоже до сих пор верит в свою звезду. Отправляя на

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

мясо сотни тысяч своих сограждан, сам он мясом становится не планирует. Он всё ещё уверен, что лично он и его Украина — очень ценный актив, который Запад не выбросит просто так. Значит надо только показать Западу, что ВСУ ещё могут держать фронт — и помочь опять польётся рекой.

Поэтому Зеленский, собираясь призвать в армию всех живых обоёго пола в возрасте от 17 до 65, а не хватит, так и от 16 до 70 лет, готовит население к мысли о том, что война будет долгой, одновременно истерично требуя от Запада ускорить предоставление помощи, угрожая в противном случае распадом фронта.

В данном случае Зеленский исходит из двух ошибочных предпосылок.

Во-первых, он полагает, что Запад испугается перспективы увидеть российский флаг над Киевом и бросится энергично спасать украинский фронт. Но у Запада другие планы. Те, кто реально пострадает от провала украинской авантюры, уже и так проиграла: Байден неизбираем на следующих выборах, поэтому радикальные члены его команды пытаются блокировать выдвижение Трампа, начав против него несколько судебных процессов.

Пока у них не получается, так как даже значительная часть Демпартии пришла к выводу, что хуже Байдена ничего быть не может. Поэтому силовые методы, активно использовавшиеся группировкой Байдена во внутренней политике с прошлых президентских выборов, из арсенала вашингтонской администрации постепенно исчезают. Попытка передавить, сломать ситуацию под себя любой ценой, может (если повезёт) увенчаться успехом, но с куда большей вероятностью приведёт Белый дом к оглушительной катастрофе.

Для всех остальных потенциальных кандидатов в президенты сам факт закрытия проекта «Украина» не несёт никакого урона. Важно — как его закрыть. Они надеются, что закроют его без ущерба для себя, а весь негатив падёт на Байдена.

Во-вторых, Зеленский рассчитывает, что если он соберёт новую армию взамен уже уничтоженных, то Путин ужаснётся необходимости для достижения победы убить на фронте не полмиллиона, а два-три миллиона украинских граждан, среди которых изрядную долю будут составлять подростки и женщины, и согласится на выгодный для Киева компромисс. Размышляя как пиарщик, Зеленский представляет себе западную прессу, пестрящую фотографиями живых и мёртвых женщин и подростков и рассказами о том, что весь украинский народ без различия пола и возраста поднялся на защиту родины и безжалостно уничтожается.

Он не понимает, что массы женщин и детей убивать не придётся. Мобилизованные, одетые в форму и кое-как вооружённые, они не смогут оказать реального сопротивления профессиональной регулярной армии, имеющей опыт двухлетних боевых действий на том же уровне, на котором оказывали его обученные и обильно оснащённые западной техникой мотивированные бригады профессионалов в 2022-м — первой половине 2023 года. Попав под обстрел они потеряют волю к сопротивлению, разбегутся, бросая оружие, и сдадутся в плен.

Уже сейчас украинский фронт трещит именно потому, что кадровая армия и подготовленный резерв выбиты, а вновь мобилизуемые ни по подготовке, ни по мотивации не способны вести боевые действия на необходимом уровне. С каждым днём становится всё хуже, и женщины с детьми здесь не помогут.

Соединённые Штаты не имеют для Украины «волшебной палочки», способной разом переломить ситуацию в конфликте с Россией, заявил глава Пентагона Ллойд Остин 20 ноября на пресс-конференции в Киеве по итогам встречи с Владимиром Зеленским. Об этом сообщает издание «Страна.иа». Так что, благодаря Зеленскому, украинские потери, конечно, дополнительно вырастут, но не критично, раздуть тему геноцида (больше, чем она раздута уже) не получится.

Куда же ведёт Запад своего Пятачка (надо признать, что и ростом, и весом, и выражением лица Зеленский действительно напоминает совсем юного подсвинка, так что сравнение напрашивается)? Ведь украинскому президенту и верховному главнокомандующему не только не мешают реализовывать свои планы по полному уничтожению поколений украинцев в возрасте от 20 до 50 лет, но даже поощряют его. Денег и оружия почти не дают (какие-то жалкие остатки бывлой роскоши), но постоянно к нему приезжают, хлопают по плечу и обещают не забыть и не оставить.

После того, как рухнет нынешний фронт, у Зеленского есть естественный рубеж обороны по Днепру. Но деморализованные, понесшие потери и пробежавшие без остановки 500 километров от Харькова и Донбасса до Днепра (а надо будет спешить, чтобы наступающие с юга российские войска не отрезали бегущих от переправ), ВСУ вряд ли его удержат. Тем более что Днепр нам форсировать не надо, можно повторить заход через Белоруссию с одновременной высадкой десантов в оперативном тылу украинской группировки на протяжении от Киева до Житомира.

Следующий естественный рубеж, который ВСУ реально (при благоприятных обстоятельствах) могут удержать — линия границы 1921—1939 года. Здесь линия фронта будет в

два-три раза короче, чем по Днепру. Сюда можно успеть подтянуть оставшиеся резервные части с Западной Украины. Сами галицийские бандеровцы проявят куда больше желания защищать собственные рубежи, чем воевать в далёком и чужом для них Донбассе. Наконец, есть шанс, что удастся убедить Польшу ввести на Западную Украину войска хотя бы под видом «мировотворческих сил», что изрядно ухудшит для России стратегическую обстановку.

То есть упорное продолжение Зеленским войны даёт два наиболее вероятных варианта: либо выход российских войск на бывшую западную границу СССР (если Запад не решится поднять ставки, оккупировав Западную Украину), либо выход на линию Збруча или даже западнее (на границы Волыни и Галиции).

В первом случае Зеленский отбывает на Запад в качестве «президента в изгнании» (то есть становится коллегой Тихоновской). А вот второй случай гораздо интереснее.

Сразу оговорюсь, что не рассматриваю вариант с трагической гибелью Зеленского или его захватом в плен. На войне всё возможно, но эти варианты из разряда случайных, нас же интересуют главные тенденции, так как именно на них, а не на случайность будут ориентироваться глобальные игроки. И специально для тех, кто надеется на свержение Зеленского народом или военными после провала на фронте, хочу заметить, что президенты не бывают виновны в поражениях армии. В них всегда виновно военное командование (что бы на самом деле ни происходило).

Пока армия побеждает, военные популярны, и в это время амбициозный удачливый военачальник может представлять опасность для гражданской власти. Но как только военачальник терпит поражение (даже если в этом не его вина), популярность он теряет. С этого момента его ничего не стоит снять, посадить или просто не обращать на него внимания — он уже не опасен.

Поэтому если наступление ВС РФ удастся хотя бы временно остановить на каком-то рубеже, то именно Зеленский будет претендовать на политический контроль над оставшейся территорией Украины. Но, как было сказано выше, надолго удержать новый фронт ВСУ не смогут. Чтобы превратить линию фронта в демаркационную линию, добившись хотя бы перемирия, Украине необходимо открытое вступление Запада в игру. В данном случае Запад — это Польша. НАТО, конечно, будет стоять за ней (и ставки, по сравнению с чисто украинским кризисом, резко вырастут), но принимать политическое решение и посылать войска придётся именно Варшаве.

Именно Польша может претендовать на данные территории, так как с 1918-го до 1939 года (а также в XV—XVIII ве-

как) они принадлежали ей. Исторических оснований у Варшавы на эти земли точно не меньше, чем у Москвы на остальную Украину, а референдумы (если их кто-то удосужится провести) дадут там почти стопроцентный результат за вхождение в состав Польши, а значит и в ЕС.

Вот в этом наиболее выгодном для Запада (если Варшава решится) варианте «президент в изгнании» не нужен. Западу будет выгодно сохранить на этой территории некую «украинскую автономию». Во-первых, это соответствует национальной политике ЕС. Во-вторых, это позволяет ввести для местного населения особый (отличающийся от коренной Польши) режим передвижения по ЕС и устройства на работу (чтобы украинцы не рванули всей страной в Германию, во Францию, в Данию, в Швецию). В-третьих, сохранение автономной украинской квазигосударственности позволяет вручную регулировать напряжённость в отношениях с Россией, то вспоминая о территориальных претензиях «польской» Украины на земли всей Украины, то забывая о них.

Но амбициозный (мнящий себя Бонапартом) криворожский клоун, проигравший России войну, да к тому же русскоязычный еврей, ни галичанам, ни полякам в качестве главы западноукраинской автономии в составе Польши не подходит. Его задача будет заключаться только в том, чтобы легализовать передачу территорий Польше, а затем поработать зиц-председателем данного образования те несколько недель, которые понадобятся Варшаве, чтобы организовать выборы местного самоуправления. На этом его миссия исчерпывается, и он может отправляться писать мемуары, если, конечно, ЦРУ позволит этому носителю информации жить обычной жизнью, гулять по улицам и в своё удовольствие тратить наворованное за время президентства.

Не удивлюсь, если вдруг найдётся какой-нибудь «агент Кремля» или, наоборот, обиженный за сдачу суверенитета Украины бандеровец, который просто убьёт экс-фюрера и, если понадобится, то будет задержан, признается в том, что он террорист-одиночка и сам отправится в тюрьму, где и потеряется.

Тихановская уже несколько лет пыхтит на Западе, отрабатывая копеечное содержание. Но всё же Зеленский и знает больше, и украл немало, а краденное можно успешно перераспределить между людьми достойными — потомственными белыми господами, которым будет больно смотреть, как криворожский клоун прожигает их деньги. Они ими смогут гораздо лучше распорядиться.

РАСКАЗЫ

НЕ ТОБОЙ ПОЛОЖЕНО, НЕ ТЕБЕ И БРАТЬ

— Остановись здесь, прогуляюсь по набережной, подышу немного, — сказал Виктор Васильевич водителю и вышел из «Мерседеса». Таранов Виктор Васильевич, известный в городе бизнесмен, обычно сам водил машину, ему нравилось управлять современными навороченными «седанами» и джипами, он ценил их за скорость и комфортность. С водителем он ездил, только когда нужно было отправиться слишком далеко, например, в другой город или в дни, когда он был очень загружен.

Вот и сегодня у него был особенный день: предстояла важная встреча с губернатором. Надо было сосредоточиться и собраться с мыслями. Виктор Васильевич прошёлся по мощёной набережной и остановился, облокотившись на гранитный парапет, тянувшийся вдоль реки. Как всё изменилось! В детстве здесь, у реки, они с мальчишками бегали, играя в прибрежных зарослях. Тогда здесь не было бетона и гранита, а росла трава, деревья и кустарники. Когда Таранов стал постарше, то любил гулять здесь с Ириной. Вообще-то

ПРОЗА

мама Ирины при рождении назвала её Ираидой, но её никто так не называл, а все звали просто Ира, Ирина. Где она сейчас? Как сложилась её жизнь? Сколько лет прошло с их последней встречи!

А ведь это была его первая любовь, такая чистая и возвышенная. Ирина была несколько замкнутая, не любила рассказывать о своей семье, но Виктор ещё в школьные годы знал, что отца у неё не было, а мать слыла женщиной странной, занималась траволечением, снимала боль прикосновением руки, и к ней часто обращались за помощью местные жители. В городе поговаривали, что она потомственная колдунья, а потому побаивались и сторонились её. Виктор же был парнем современным, смелым, не верил ни в кого и ни во что и души не чаял в своей черноволосой, кареглазой Ирине. Но после школы он уехал учиться в Москву и, хотя все каникулы проводил в родном городе, встречи с Ириной стали всё реже, а когда Виктор ушёл в армию, их связь и вовсе оборвалась.

Таранов, весь погружённый в воспоминания, перевёл взгляд с реки на берег. Ниже по течению был виден его дом с колоннами и башенками. Он строил его в 90-е годы, когда появились шальные деньги — уже не от созданного им кооператива, а от солидной фирмы, которую он возглавлял и учредителем которой являлся. На этом месте раньше стоял «прокурорский» дом. Так он назывался потому, что принадлежал до революции 1917 года семье губернского прокурора Семибратова. Но в революционные времена прокурор с семьёй эмигрировал за границу, и дом использовался советской властью в разных назначениях. Там находилось сначала управление образования, затем библиотека и даже столовая, но со временем дом обветшал, использоваться не мог, а вот мальчишки, начиная с 60-х годов прошлого века, собирались там для своих встреч. Дом этот всегда пользовался дурной славой среди населения, и много разных слухов ходило о нём в городе. Так, например, говорили, что в доме спрятан клад, и для того, чтобы его отыскать, стены и подвалы дома были истыканы, исковыряны, внутренние кирпичные стенки и перегородки разломаны. В поисках клада в детские годы принимал участие и Виктор Васильевич — тогда просто Витька. Как-то раз, когда он, грязный, с поцарапанными о кирпичи руками, вернулся домой, мать спросила:

— Ты что, подрался?

— Да нет. Мы клад ищем в прокурорском доме. Говорят, там спрятано много сокровищ: драгоценности и золото.

— Ну найдёшь ты клад, и что дальше?

— Пароход куплю и буду на нём по реке всех катать.

— Знаешь, сынок, что я тебе скажу, клад — дело такое: «Не тобой положено, не тебе и брать». Не приносят счастья людям клады, а чаще всего влекут разные напасти и неприятности. И даже если найдёшь случайно, просто скажи: «Обойдут меня хвори и напасти за версту, не злато видел — бересту», — и шагай себе дальше.

— Но почему? — допытывался Витька у матери.

— Да потому, что в таких домах в прошлые времена клады хоронили от чужого глаза и загребущих рук, а поэтому заговоры разные применяли. Может, это и выдумки, но лучше не трогать такие сокровища...

И ведь как судьба повернула! Возможно, мать права была. Когда, уже успешным бизнесменом, он обратился в администрацию города с просьбой выделить участок земли, на котором от прокурорского дома остался лишь полуразрушенный фундамент, ему оформили разрешение с условием, что он приведёт в порядок за свой счёт прилегающий участок набережной. Городская казна в те годы была невелика, и власти привлекали бизнесменов к благоустройству города. Конечно, затраты на превращение заросшего участка вдоль реки в облагороженную гранитом набережную с пешеходными дорожками, скамейками, с фонарями были велики, но место для его будущего дома было идеальное, и Таранов согласился. Как только дом был покрыт крышей, Виктор Васильевич обнёс участок высоким кирпичным забором с большими воротами для автомашин (в том числе и для строительной техники, т.к. работы ещё продолжались) и двумя калитками, через одну из которых можно было пройти к парадному крыльцу, а через вторую спуститься по ступенькам к реке.

Когда пришла пора прокладывать к дому инженерные сети, то оказалось, что делать эти работы на своём участке Таранов должен за свой счёт. Одна из траншей для труб должна быть прорыта по линии, на которой стояла старая ель. На участке было два дерева, которые он так и не убрал: полузасохший дуб недалеко от дома и скожалившаяся от времени или недомоганий ёлка, которая однозначно мешала проведению трубопровода. Ёлку спилили. «А пень выкорчем, когда траншею будем рыть», — решил практичный Таранов.

В день, когда прибыл экскаватор, Виктор Васильевич был дома и лично наблюдал за работой экскаваторщика, которого все звали Лютый. У него фамилия была Лютов, поэтому ещё в юности его так прозвали одноклассники, и прозвище это закрепилось навсегда.

Таранов знал Лютого как хорошего специалиста, а потому позволял себе снимать его с производственных объектов, если обстановка позволяла, для того чтобы Лютый необходимые земляные работы исполнял во время строительства дома. Вот и в этот раз тот легко управлял огромной машиной, которая черпала большим зубастым ковшом грунт и аккуратно перемещала его за несколько метров. Ковш деловито ухватил пень от ёлки, вырвал его вместе с корнями и приподнял. Неожиданно из ковша вывалился небольшой предмет и ударился о землю.

— Стой! — кричал Таранов и сделал соответствующий жест, скрестив руки. Лютый вышел из кабины экскаватора, он тоже обратил внимание на странный предмет. Виктор Васильевич и экскаваторщик подошли поближе и первое, что увидели, — рассыпанные по земле серебряные монеты с изображением двуглавого орла. Тут же валялся небольшой деревянный сундучок, обитый узкими полосками металла, разломавшийся при ударе о землю. Лютый сначала смотрел на потемневшие от времени монеты, а затем стал быстро собирать их и лихорадочно рассовывать по карманам. Какое-то время Виктор Васильевич с удивлением смотрел на происходящее, затем пришёл в себя и громко сказал:

— Прекрати. Прекрати, я сказал.

— Виктор Васильевич, надо же собрать. Смотри, добра сколько.

— Без тебя соберут. Иди на обед.

Он не стал заставлять Лютого вернуть монеты, постоял ещё несколько минут, когда машинист заглушил экскаватор и быстро ушёл, наверное, торопился прикинуть: сколько ему досталось. «Не тобой положено, не тебе и брат», — вспомнил Таранов слова матери, и они почему-то не уходили у него из головы. Затем он пошёл в вагончик-бытовку, куда был временно подключён телефон, и позвонил Дерюгину, начальнику милиции города, с которым у него были приятельские отношения. Тот, выслушав Виктора Васильевича, приехал быстро, оперативно оценил обстановку и начал пересчитывать монеты: оказалось 224 штуки.

— Что делать будем? — спросил полковник Таранова.

— Оформляй находку, как положено. Вызывай специалистов из финансового управления, музея, кого там ещё нужно? Составляйте акт. От своей доли я отказываюсь. Все бумаги, какие нужно, потом подпишу.

— Как скажешь, — как-то нерешительно проговорил Дерюгин. — Вольному воля, а барину власть.

Через несколько дней Таранов прочитал в областной газете, что в городе был найден клад в количестве 184 серебряных монет, и все они переданы государству. «Зажил 40 монет Дерюгин», — выругался про себя Таранов, но не стал даже звонить начальнику милиции, руки которого были, видимо, «загрешенные». Он постарался забыть про этот эпизод при строительстве дома, но вскоре произошедшие события напомнили ему о случившемся.

Не прошло и месяца, как он узнал о странной смерти Лютого. Тот работал на новом объекте, уже не у Таранова. Котлован, который экскаваторщик вырыл накануне, из-за проливного дождя, шедшего всю ночь, заполнился водой. Утром мастер, очень сердитый и растерянный, объяснял, что сейчас подойдёт арендованный кран, и рабочие должны будут укладывать железобетонные блоки в основании фундамента. В течение дня фундамент нужно успеть проложить по всему периметру, а котлован весь в воде. Насоса нет. Что делать?

— Не суется. Не впервой, — остановил его Лютый. — Иди за бульдозером. Будет тебе фронт работ. — Он спровадил нервного мастера и подошёл к котловану посмотреть, как приступить к работе. Лютый знал, как можно осушить котлован в такой ситуации. Надо засыпать при помощи бульдозера его грунтом, а затем экскаватором снова вырыть. Воды уже не будет. Неожиданно край котлована, на котором он стоял, обрушился вниз, и Лютый оказался в грязной жиже котлована, высота которого была не менее трёх метров, а глубина воды — не меньше человеческого роста. Одним словом, Лютого достали из воды и грязи уже мёртвым.

А спустя несколько дней Таранов встретился по делам с Дерюгиным в ресторане и с удивлением обратил внимание, что тот не пил и практически ничего не ел.

— Язва у меня. Недавно обнаружили. Предстоит операция и долгое лечение. С работы, наверное, придётся уходить.

«Не пошли тебе впрок сорок серебрянников», — подумал про себя Таранов.

Вскоре Дерюгин оформил инвалидность, и они больше не встречались...

Виктор Васильевич очнулся от воспоминаний. Сегодня ему назначена аудиенция у губернатора, к которой он долго готовился. Разговор будет о строительстве порта. Когда-то на месте старых причалов кипела жизнь: пришвартовывались пароходы, выгружались баржи, на берегу формировались бригады грузчиков, а на причалах работали киоски, женщины-лоточницы предлагали горячие пирожки и другую выпечку.

Теперь же бывший порт представлял унылое зрелище: в нём напрочь отсутствовала какая-либо деятельность. В папке, которую Таранов приготовил для губернатора, находился бизнес-план по организации строительства порта с технико-экономическим обоснованием. Если губернатор проникнется идеей и поможет с инвестициями из столицы, выиграет не только Таранов, но и бюджеты области и города получат дополнительные финансовые поступления. Почва для обстоятельной встречи была подготовлена. Идею строительства порта Виктор Васильевич озвучил губернатору давно, потом появилось в прессе несколько статей о необходимости восстановления статуса города как портового, да и население в основном одобрило бы строительство. И вот расчёты закончены, теперь нужна поддержка федеральных структур, а кроме того, необходимо заинтересовать инвесторов.

Губернатор встретил Таранова довольно дружелюбно. После формального приветствия неожиданно спросил:

— Клады больше не ищешь?

— И вы туда же? — парировал Виктор Васильевич.

— Да шучу я. У нас с тобой есть дела посерьёзнее.

Губернатор тоже подготовился к предметному разговору. Не за горами выборы, и ему были нужны проекты, о которых можно было сказать: «Вот они, реальные для города и области дела».

— Ты серьёзный бизнесмен, Виктор Васильевич, в политику не лезешь, с властью не конфликтуешь. Пришла пора нам более тесно сотрудничать. На днях еду в Москву, в министерство транспорта. В администрации президента тоже договорился о встрече. Мы уже письма отправили, теперь вот для твоих расчётов сопроводилровку обстоятельную подготовим и будем вопрос решать вплотную. Давай посмотрим на твоё технико-экономическое обоснование...

Более часа Таранов объяснял губернатору и его первому заму, который был приглашён чуть позже, стратегию строительства порта и отвечал на их вопросы. Всех всё в основном устраивало. Главная задача — инвесторы, так как федеральный бюджет много денег не выделит, а самостоятельно область такой проект не потянет.

Уставший, но воодушевлённый, Таранов заехал в офис, решил неотложные дела и вечером вернулся домой. Ужинать что-то не хотелось. Он налил в широкий фужер коньяка, выпил и сел в кожаное кресло перед огромным телевизором. И снова образ Ирины будил в нём воспоминания прошлых лет. А ведь была возможность им быть вместе. Уже будучи женатым человеком, в последний год двадцатого века, од-

нажды он случайно встретил Ирину в каком-то учреждении. Они договорились еще раз повидаться, а потом он убедил её уехать с ним на неделю в Сочи. Это были те самые дни, которые забыть нельзя. Ласковое море, синее небо, уютный номер гостиницы и нежные руки Ирины. Вот оно, счастье! Но он, такой решительный в бизнесе, не проявил этого качества в личной жизни, и всё осталось по-прежнему. Любовницей Ирина дальше не захотела быть и через какое-то время попросила оставить её в покое. Больше встреч с ней Таранов не искал, а неудержимый темп бизнеса, который стал смыслом его жизни, вскоре сгладил душевный дискомфорт и явную досаду. Да и в семье у него сначала всё было хорошо и логично. Дочка теперь уже замуж вышла, живёт отдельно. С женой, правда, не всё так ладно, но развод он не оформлял, наверное, смысла не видел. В городе его знали, он был на виду и даже на какое-то время создал свой благотворительный фонд.

Прошло несколько недель после разговора с губернатором, и Виктор Васильевич снова жил жизнью делового человека. Однажды вечером он сидел в своём любимом кресле перед телевизором. Неожиданно раздался звонок домофона. Виктор включил монитор и увидел на экране, что у калитки стоит женщина.

— Вы что хотели? — спросил он посетительницу.

— Это Ирина. Я хочу поговорить с Виктором Васильевичем.

— Ирина?! — воскликнул Таранов и от изумления несколько промедлил с нажатием кнопки.

— Заходи.

Калитка открывалась автоматически, но надо было отпереть ещё входную дверь на крыльце.

— Ирина, здравствуй! Проходи. — Таранов распахнул перед ней дверь.

— Здравствуй! Мне надо с тобой поговорить. Можем здесь, чтобы не тревожить твоих домашних.

— Жена на курорте. Я один.

В прихожей он помог ей снять куртку, и они прошли в холл. Ирина появилась впервые в доме Виктора Васильевича и была несколько обескуражена видом просторного помещения, которое колоннами в античном стиле, широкими мраморными ступеньками вкупе с высокими потолками больше напоминало вестибюль театра или дворца культуры. Даже мебель, сделанная по заказу в Италии, казалась миниатюрной. «Красиво, но как-то холодно от всего этого великолепия», — подумала, осмотревшись, Ирина, а вслух сказала:

— Масштабно живёшь...

— Немного с мрамором переборщили. Да и сами помещения можно было сделать поменьше и, наверное, было бы уютнее. Ну да ладно. Я тебя чаем согрею. А если не против, то и коньяком.

— Нет, коньяк — нет. Спасибо. А от чая не откажусь.

Хозяин усадил гостью на белый кожаный диван и пошёл на кухню, тоже немереных размеров, приготовить чай. Он поставил поднос с чашками, вареньем, конфетами на длинный журнальный стол перед Ириной и попытался завязать разговор, но Ирина отвечала кратко, и Таранов понял, что у неё действительно есть что-то важное.

— Ладно, не буду тебя пытаться своими пустыми вопросами. Колись уж, чего пришла. Я по-любому рад тебя видеть.

— Больна я, Виктор.

— Нужна помощь?

— Нет. В больницу ложусь, операцию, наверное, будут делать. Только не знаю, поможет ли?

— У тебя же мать от болезней лечила. Не научила тебя, что ли? — пробовал пошутить Таранов.

— Научила кое-чему. Только не можем мы сами себе помочь. Мамы больше нет. А пришла потому, что надо предотвратить возможную беду, успеть надо. Не дай бог со мной что случится, никто тогда помочь не сможет.

— Да говори ты толком, не интригуй.

— Виктор, у тебя во дворе клад заговорённый, и если слушаем ты или твои близкие обнаружат его, быть беде.

— Ой, насмешила! С ума вы все посходили с этим кладом. Что было, то найдено, и ты знаешь об этом. В газетах писали. А больше ничего нет. Стены старого дома разломали, фундамент полностью заменили, а в огороде, когда мы с семьёй уезжали в отпуск, доморощенные искатели с металлоискателем каждый сантиметр обследовали и землю всю лопатами перекопали. Это после того, как серебро было найдено. Так что, увы, я разочарую тебя.

— Нет, Виктор, сокровища эти металлоискателем не найти. Ты вспомни, где серебро обнаружили? Под деревом. А почему та ёлка, которой уже нет, и дуб такие хилые? Да потому, что сокровища даже деревьям не дают полноценного роста, корням мешают. У тебя под дубом второй сундук спрятан, с золотом. И пришла я заклятье с него снять. Тогда с тем, кто его найдёт, ничего не случится.

— Бред какой-то! Сказки всё это. А ты откуда знаешь?

— Я знаю немного, но что знаю — расскажу. Четыре поколения, начиная с прабабки моей Фёклы, хранили эту тайну. Знания свои по ворожке и знахарству передавались у нас в

роду по женской линии. Но всё прекратилось. Моя мама в последние годы ничем подобным не занималась и мне не велела. Да и передавать секреты некому. У меня сын есть, а дочерей нет.

— У тебя сын? Сколько лет? Чем занимается?

— В университет поступил. Первый курс.

— А я всегда сына хотел, но вот не случилось. — Таранов налил себе коньяку, помедлил и выпил. — Хорошо, допустим, я тебе поверю. А взамен что хочешь? Чтобы я золотом поделился?

— Упаси бог! Нет-нет! Да и тебе не надо бы к этому золоту прикасаться. Пойдём к дубу, я заклятье сниму, а там сам решишь, как поступить.

— Чертовщина да и только, — пробурчал Виктор Васильевич, но вместе с гостьей вышел во двор, а затем отрешённо смотрел, как Ирина ходит вокруг дуба, негромко повторяет какие-то фразы и делает нелепые движения руками. Уже темнело, и фигура женщины, произносящей в сумерках то ли молитвы, то ли наборы непонятных слов, вносила какую-то нелепицу и наваждение в устоявшуюся жизнь Таранова. Эта жизнь была не всегда правильной, с точки зрения морали, часто тернистая, но с понятными для него ориентирами и правилами. И вот на тебе. Фантазмагория да и только!

...Прошло несколько дней. Таранова не отпускали мысли о кладе. То, что рассказала ему Ирина, а она сама знала немного, было явно недостаточно для логического восприятия.

Но то, что не подвластно нашему герою, можем мы с Вами, уважаемый читатель, а потому приоткроем занавесу событий почти столетней давности.

...Губернский прокурор Семибратов Павел Петрович сидел у себя дома за столом вместе со своим старшим братом Юрием Петровичем, приехавшим из Петербурга. Разговор шёл о переезде их с семьями во Францию. Главные моменты старший брат обозначил в письмах, которые заранее присылал Павлу Петровичу, и основные приготовления были уже сделаны, но осталось не обговорённым одно очень важное обстоятельство.

— Медлить более нельзя, — говорил Юрий Петрович, — в Петербурге совсем неспокойно. Царь от престола отрёкся. Виданное ли это дело, чтобы Россия-матушка без царя осталась. Поедем в Ригу, там сядем на пароход и далее — во Францию. Активы наши на счетах и в облигациях я уже перевёл в Русский банк в Париже.

— А что делать будем с золотом и серебром? — тихо, почти шёпотом, спросил Павел Петрович: — Опасно со всем этим ехать.

— Да, не с руки забирать сейчас наследство с собой. И оставить негде, время смутное. Сделаем так: драгоценные украшения женщины наши, жёны и дочери, на себя оденут и одеждой прикроют. А сундучки с монетами спрячем в доме, а когда смута закончится, вернёмся. Только прятать надо в разных местах, серебро — отдельно, золото — отдельно. Да серебра у нас и немного, а вот золота наши дед с прадедом прикопили хорошо.

— Не говори об этом. Не хуже меня знаешь, сколько крови на том золоте.

— Не чистоплюйничай, деньги не пахнут. Тебе, прокурору, как об этом не знать.

— Ладно, спрячем, а если найдёт кто?

— Думал я об этом. Фёклу, колдунью, позовём. Пусть она заклинанья страшные наложит на богатство деда нашего. Она ведь тебя боготворит. Ты же не посадил её в тюрьму, хотя доносы на неё писали. И дочка её у тебя в доме прислугой работала.

— Всё равно опасно. А вдруг скажет кому-нибудь?

— Не скажет. Мы её дочь с собой заберём и вернём, если клады целыми сохранятся. Как стемнеет, пошли за колдуньей.

Вечером Фёкла выслушала братьев Семибратовых.

— Заклятье наложу, но дочь вам не дам. Я ей свой дар должна передать. И не бойтесь, мне ваше золото ни к чему. Другим живу. Дар мой пропадёт, если его себе на выгоду пользоваться буду. Если хотите, чтобы чужая рука не прикоснулась к сундукам, в огороде выкопайте две ямы, подальше друг от друга, в одну положите золото, в другую серебро и сразу посадите на эти места дуб и ель. Дуб — на золото, ель — на серебро. Они корнями обовьют ваши сокровища, никто ввек не догадается. А я заклятья прочитаю.

— Ну, Фёкла, смотри, если что не так. На вот, возьми за труды свои, — Юрий Петрович протянул ей несколько ассигнаций. — За домом присматривай, ключи тебе оставим. Твоя дочка у нас работала, поэтому скажешь всем, что велели братья следить тебе с ней за домом. А вернёмся — забот знать не будете.

Фёкла с поклоном взяла деньги.

— Вот, а говорила — другим живёшь. Деньги всем нужны.

— Смотря какие деньги, — отвечала Фёкла, — для нужды — это можно, если, конечно, не красть, а вот для возвеличивания, обогащения или гордыни — брать нельзя.

— Не так ты проста, Фёкла, да ладно, сделаем всё, как ты сказала, а там как бог даст...

Фёкла слово сдержала, присматривала с дочкой за домом, даже во дворе подметали, пока новая власть дом прокурорский не национализировала. А братья Семибратовы как в воду канули. Не было от них никаких известий. И вот точку в этой истории надлежало поставить Ирине, что она и сделала.

Ирина лежала в больнице, в отдельной палате (Таранов постарался, позвонил главному врачу и договорился об индивидуальном уходе). Прошла неделя, но Виктор Васильевич заглянул только один раз — убедиться, что за ней соответствующий уход.

«Не до меня ему сейчас, — подумала Ирина. — Может, зря на него такой груз повесила. Сдалось это золото. Но маме обещала. Ладно, дело сделано».

Таранов и в самом деле был занят: днём — работой, вечером — попытками как-то осмыслить происходящее с ним в последнее время:

— А если и в самом деле под дубом закопан клад с золотом? Это ведь не серебро. Реальное может быть богатство на десятки, а то и сотни миллионов.

Виктор Васильевич святым не был, создавая свой бизнес, особенно в первоначальный период, когда он был совсем молодым и рисковым. Тогда всякие методы были в ходу. Ни себя не щадил, ни партнёров, ни конкурентов. Правда, явно-го криминала формально за ним не было, но грешки открытые водились.

«Вырыть клад, воспользоваться случаем. Многие просто мечтают так обогатиться. А если там ничего нет? Легенды всегда обрастают всякими небывицами».

И Таранов решился. Он бензопилой спилил старый, так и не ставшим могучим дуб, причём пенёк оставил высоким. Лебёдка в его хозяйстве была, пользоваться ею он умел и однажды, ближе к вечеру, самостоятельно, с помощью лебёдки выкорчевал пенёк, оставшийся от дуба.

Много времени это не заняло, но под пеньком ничего не оказалось. Таранов взял лопату и начал углублять образовавшуюся яму, обрубая при этом топором торчащие в земле корни. Наконец, под лопатой что-то глухо стукнуло. Это были явно не корни. Виктор Васильевич с удвоенной энергией продолжал выгрывать грунт и вскоре освободил от земли крышку сундука. Сундук был гораздо больших размеров, чем первый — с серебром. Таранову пришлось хорошо постараться, прежде чем он смог открыть крышку сун-

дука, не доставая его целиком. И вот наконец Таранов не без труда сначала приоткрыл крышку, а затем и полностью поднял её. Он знал, что такое оцепенение, но по-настоящему испытал это ощущение впервые. Не надо быть экспертом, чтобы понять: перед ним килограммы золота в старинных российских монетах. Это больше, чем целое состояние.

Виктор Васильевич сел на край вырытой им ямы и молча смотрел на открывшееся как в сказке сокровище. Вся его жизнь последних лет состояла в том, чтобы иметь как можно больший доход. Деньги — вот была основная цель. Ради развития бизнеса он многим жертвовал. Но сейчас, когда, казалось, судьба дарит ему то, к чему он всегда стремился, он не испытывал радости. Таранов вдруг вспомнил о той давнишней находке с серебром. Теперь он точно звонить никому не станет и сообщать о случившемся тоже не будет.

Таранов решительно поднялся, закрыл крышку сундука и стал забрасывать его землёй. Закончив работу, он оттащил подальше пень: «Потом сожгу». И выровнял место, где только что была яма.

— Не тобой положено, не тебе и брать, — с какой-то внутренней гордостью вслух произнёс Виктор Васильевич и пошёл убирать в кладовку лебёдку и инструменты.

Ему стало легко и свободно. Он впервые за несколько дней не был удручён изматывающими мыслями. Таранов стоял под вечерним небом, смотрел на вечные звёзды и вдруг почувствовал, что проголодался. После ужина он долго стоял под душем, ощущая, как потоки воды смывают с него невидимую паутину, до сих пор мешавшую ему быть по-настоящему свободным в своих стремлениях.

Утром, когда Виктор Васильевич проснулся, в окно лились яркие солнечные лучи. На душе чисто, мысли ясные, и, самое главное, он был совершенно спокоен. Он знал, что делать дальше.

Поехал в офис, а ближе к обеду — в больницу, к Ирине. Он вошёл к ней в палату с огромным букетом цветов. Ирина улыбнулась и первая спросила:

— Как ты?

— Всё просто замечательно. Я всё правильно сделал, даже если не по правилам. Тебе не надо больше беспокоиться. А что тебе доктора говорят?

— Уверяют, что ситуация под контролем, и просят не бояться операции. А я и не боюсь.

— Скажи, Ирина, а кто отец твоего сына? Как у него отчество?

— Я знала, что ты догадаешься. Ты слишком умный, всегда слыл аналитиком. Какое отчество? Викторович! Какое ещё?

— Сколько лет молчала! — Таранов взял руку Ирины и прижался к ней губами. — У меня есть сын. Что может быть дороже! Расскажи мне о нём. И познакомь нас как можно скорее.

Через час Виктор Васильевич, несколько ошалевший от полученного известия, снова ехал в машине. Раздался звонок сотового телефона. Звонила секретарша из его приёмной:

— Виктор Васильевич, звонили из Московской государственной компании, они заинтересовались вашим проектом по строительству порта. А ещё губернатор вас спрашивал. У него приятные известия по этой же теме.

Таранов остановил машину и опустил боковое стекло «Мерседеса». Солнце было в зените и осыпало землю золотом своих лучей.

СИНДРОМ КИССИНДЖЕРА

С годами время ускоряет свой ход. Это известная истина и с ней Анатолий Аркадьевич не мог спорить. Он перешагнул тот возрастной рубеж, после которого хватает мудрости жить своей жизнью, принимая её и своё окружение такими, какими они есть на самом деле. Анатолий Аркадьевич Никольский был известным в городе и области писателем, его произведения печатали не только местные издания, но и толстые литературные журналы, издаваемые в Москве. Писатель совмещал своё творчество с работой в двух театрах в качестве литературного консультанта и вел радиопередачу на местном канале. Ему было за пятьдесят, но он был подтянут, хорошо одевался, а потому всё еще нравился молодым женщинам. Последнее обстоятельство его, казалось, не трогало. У него была бурная молодость, с множеством романов и приключений, но женившись, он стал хорошим семьянином и примерным отцом.

Друзья и приятели Анатолия Аркадьевича иногда мягко иронизировали по этому поводу, а один из них Борис Васильев, с которым Никольский дружил еще в студенческие годы, высказался и вовсе определенно:

— Наступит время, клюнет похоть в темя.

Жена Никольского, Анна Леонидовна, преподавала в колледже и дополнительно занималась репетиторством. Согласно распространенному мнению о том, что противоположно-

ти притягиваются, при разных характерах и привычках у них на удивление была крепкая семья. Аня, как называл жену Анатолий Аркадьевич, была воплощением семейной заботливости. Даже когда у них дети были еще маленькие, она находила возможность заботиться не только о них, но и не забывала уделять внимание любимому мужу. При этом иногда она была излишне категорична и обидчива. А эти качества легко переходили в противостояние, что, в свою очередь, приводило к ссорам. Однако в силу личного душевного притяжения, которое людям даётся как дар, эта пара с самого начала была гармоничной, что позволило ей пережить все жизненные невзгоды. Дети выросли и покинули родительский дом, то бишь уютную трёхкомнатную квартиру в городском спальном квартале. Анну Леонидовну назначили заместителем директора колледжа по учебной части. У нее стало больше работы и от репетиторства пришлось отказаться. Анатолию Аркадьевичу тоже предлагали различные должности: от главного редактора журнала до начальника отдела в департаменте культуры, но он предпочёл остаться «свободным художником», объяснив это тем, что на своей карьерной лестнице он успел побывать на руководящих должностях и теперь хочет посвятить свою жизнь творчеству. Писатели — народ особенный, не всегда руководствуются обычной логикой и смыслом, а потому семья и близкие знакомые приняли выбор Никольского с пониманием.

Анатолий Аркадьевич чувствовал, что начинается очередной подъем его творческого вдохновения. Такие периоды уже бывали в его жизни. Это когда писатель просыпался утром и знал: он будет работать над рассказом не потому, что надо закончить начатое повествование, а потому, что он хочет быть внутри этого созидательного процесса, вместе с героями переживать и действовать. Только в этот раз всё было так же и одновременно по-другому. Он с какой-то иронией понимал, что если раньше его герои послушно действовали согласно заданной первоначальной идее, то сейчас они необъяснимым способом отступали от его замыслов и приводили рассказ совершенно к другому финалу. Отдельные эпизоды были, как и раньше, в его власти, но целиком рассказ мог совершенно изменить развитие и заканчивался не так, как задумал автор, а как захотели персонажи произведения.

Никольский шуточно жаловался Ане:

— Представляешь, герои моих произведений начинают жить своей жизнью. Мне кажется, я не всегда могу управлять ими.

Анна Леонидовна, улыбаясь, советовала:

— Пусть живут, как хотят. Лишь бы они не вмешивались в нашу жизнь. Ты их в гости к нам не приглашай. Вдруг им у нас понравится, а мы привыкли вдвоём жить. И журналистам, когда интервью даёшь, об этом не распространяйся. Могут неправильно понять.

В этот благоприятный для писателя период Анатолий Аркадьевич приступил к работе над повестью, которая называлась «У черты». Сюжет родился сам собой. За основу повести был взят жизненный путь автора с добавлением эпизодов, происходивших с его друзьями и коллегами.

Не все посвященные одобрили это начинание. Борис Васильев со свойственной ему иронией убеждал Никольского, что рано ему писать произведения, основанные на собственной жизни.

— Ты же еще не полностью раскрылся как писатель. И в жизни твоей, возможно, всё самое интересное еще впереди. Ты как повесть заканчивать собираешься? То, что было, изложишь литературным слогом, а дальше? Может, не будешь торопиться. Жизнь твоя — не девка на выданье, от прожитых лет не перезреет.

Но Никольский уже был весь в работе. Буквально за два месяца были написаны первые три главы повести, в которых в легком романтическом стиле были представлены главные герои и второстепенные персонажи с их приключениями и переживаниями. Автор рассказал о себе, обществе и времени, в котором жил с юношеских лет до нынешних дней. Но книгу в таком виде заканчивать не хотелось. Да и невозможно это было, герои хотели жить дальше, и писатель, поддавшись соблазну нарисовать картину будущего своих героев в наше время, продолжил повествование.

Книга получилась живой, динамичной и познавательной. Она была быстро издана, а кроме того, размещена в Интернете, где автор с удовольствием читал хвалебные отзывы о его повести. Анатолий Аркадьевич принимал поздравления и раздавал интервью представителям местных медиа. И только Борис Васильев с присущим ему нигилизмом подливал деготь в бочку мёда:

— Ты знаешь, я много лет работал в ГАИ и ГИБДД, в том числе руководителем этого областного ведомства. Могу тебе на основании безжалостной статистики сказать, что самые страшные аварии случаются не потому, что машина движется с большой скоростью, а чаще всего потому, что она движется на подъем, где обзор очень ограничен, и пошла на обгон, то есть выехала на встречу.

— При чем здесь это? Я писатель, а не автогонщик.

— Ты сейчас на подъёме. Успех, тщеславие, известность. Но ты обгоняешь время. Время обгонять нельзя. Надо жить в своём времени. Есть такая поговорка «Если время обгонять, демоны погонят вспять». Ведь ты же не фантастику пишешь, а прозу жизни.

— Повесть уже написана и издана, ничего изменить нельзя. Ты мне друг, но всё имеет свои границы.

И снова всё шло своим чередом. Но сначала незаметно, а затем и явно жизнь Анатолия Аркадьевича стала меняться. Она стала насыщенной, у него появились новые знакомства, как в своём городе, так и в Москве. Теперь его приглашали не только на встречи с читателями и студентами вузов, но и на различные официальные мероприятия, иногда с участием губернатора. Возможно, это было связано с тем, что теперь писатель Никольский был членом общественной палаты региона, а может, по каким-то другим причинам.

Однажды в одной компании его представили симпатичной молодой женщине. Когда познакомились, девушка подала руку и сказала:

— Марина Эдуардовна.

Они разговорились. Оказалось, Карманенко Марина Эдуардовна — балетмейстер по образованию, работает в музыкальном театре.

С этого дня жизнь писателя Анатолия Аркадьевича пошла совсем по другому руслу. Казалось, он вернулся в далёкую юность, где испытал первую влюблённость.

Марине Эдуардовне было чуть меньше сорока, но она была настолько утонченной внешне и внутренне, что, казалось, это не женщина с определенным жизненным опытом, а молодая девушка-тростинка интеллигентного воспитания. Её внешность полностью соответствовала балетному искусству, более того, сама её фигура, лицо, глаза были словно произведение искусства, настолько тонки были её черты лица. Волнистые тёмные волосы придавали её образу несколько томный, нежный вид, что Никольскому казалось: ей нужна опора и защита. Правда, от кого следует защищать милое создание, мужчина не знал. Но чувствовал, что ему просто необходимо быть в музыкальном театре каждый день, где он встречал Марину Эдуардовну после репетиций, которые она проводила с артистами балета. Им не надо было искать темы для разговора, но что удивительно, они вели не только интеллектуальные беседы, а могли разговаривать о всяких пустяках и неурядицах, причем иногда даже перебивая друг друга. У Маришки, как называл её Анатолий Аркадьевич, когда они были наедине, была отдельная двухкомнатная квартира,

и они в ней наслаждались друг другом, не замечая не только времени, но и забывая о каких-либо других делах и заботах. Их идиллия с каждым днем расцветала красками, взаимным чувством и радостью встреч, без которых они уже не могли представить свою жизнь. Но одновременно с развитием отношений с Мариной Эдуардовной писатель начал испытывать грусть и тревогу. И понять происходившее с ним он не мог, а может, просто боялся признавать очевидные факты.

Он жил со странным ощущением, что, несмотря на яркие взаимные чувства к Марине Эдуардовне, он не перестал любить свою жену и задавался вопросом: «Разве можно любить двоих сразу»? Понимая, что рано или поздно о его связи с другой женщиной будет известно жене, он всеми фибрами души отвергал это и не мог с этим смириться, потому что искренне не хотел принести Анне Леонидовне какое-либо страдание. Мысль, что в конце концов надо будет делать выбор между двумя любимыми женщинами, претила ему, он её тоже отторгал. Кого бы он ни выбрал, другой будет больно, он это прекрасно осознавал. Жена и семья для него — святое. Но оставить Марину Эдуардовну он тоже не мог. Всё это смешивалось с пониманием, что его жизнь проходит в последнее время по сценарию, который он сам изложил в повести «У черты». Только всё это уже было не придумано, а происходило на самом деле. Получалось не «У черты», а «За чертой». Наконец, он решился откровенно поговорить об этом со своим старым другом Борисом Васильевым.

Однажды Никольский пригласил Бориса в кафе, и когда они расположились за столиком в вип-зале (чтобы никто не мешал разговору), начал непростой разговор:

— Только давай без этих твоих приколов-подколов. Мне надо с тобой поделиться.

— Новые впечатления от нахлынувшего романа?

— Подожди, Борис. Кроме тебя я ни с кем не могу об этом поговорить.

— Почему?

— Могут подумать, что у меня крыша поехала.

— У тебя её и так снесло с этой балериной.

— Она балетмейстер, а не балерина. Но выслушай сначала.

— Ну, если ты меня определил духовником и хочешь исповедоваться, действуй. Только учти, я грехи отпустить не могу. Не уполномочен.

— В последнее время мне казалось, что у меня всё замечательно. Движение, динамика, кураж. Только начал я замечать, что многие события, которые со мной происходят, описаны в повести «У черты». Ты же читал книгу. Помнишь, я

описывал поездку в Европу и приключения с одной парижанкой. Так вот, всё произошло именно так и на самом деле. Даже некоторые детали совпали. В книге я описал, как мой герой и парижанка провели двое суток в доме у моря, причём крыша в спальне была стеклянная, и через неё видны были звезды на небе, а через окна можно смотреть на море. Всё так и было со мной и настоящей парижанкой, не выдуманной.

Потом я тебя приглашал на презентацию книги в Малый зал Центрального дома литераторов в Москве. Ты, правда, не поехал, но там тоже всё происходило так, как описано в повести. И самое главное — Марина Эдуардовна. В повести об этом романе подробно изложено, хотя, конечно, там имена у героев другие. И она в повести — не балетмейстер, а искусствовед художественной галереи. Остальное во многом совпадает. Получается, я живу по конспекту моей книги и совершаю всё то или почти всё, что в повести совершает основной персонаж.

— Что тебя не устраивает? Ты, похоже, сам этого хотел?

— Мне страшно. Там по книге моя жена, то есть жена героя повести, флиртует с одним мужчиной, затем у них роман. Развода герои книги избежали, но чего это стоило? Там такие разломы дальше идут.

— Из меня психолог неважный. Но понял я одно: если ты сейчас во всём этом не разберешься, тебе понадобится, чуть позднее, психиатр.

— Что мне делать?

— Одному не справиться. И психологи нынешние могут не понять. Надо ехать к старцу.

— Ты серьёзно? Он что, в пещере живёт?

— Старец Никодим живёт не в пещере, но не близко. Если с утра выехать, к обеду будем у него. Придётся там ночевать. Получается, за два дня управимся. Я сам тебя к нему отвезу.

— Так сразу и ехать?

— Если хочешь разобраться, тянуть нельзя.

Через два дня друзья отправились в путь. Они благополучно преодолели около пятисот километров по трассе, затем три десятка километров ехали по местной асфальтовой дороге до деревни, что была ближайшей от дома старца, дальше дорога была грунтовая, кое-где вымощенная булыжником.

— Если лесная дорога в порядке, значит к Никодиму люди приезжают, — заметил Никольский.

— У русских людей почитание святых и старцев принято на генетическом уровне. Когда припрёт, то народ не всегда к докторам идёт, а направляется в церковь, к старцам или к колдунам и гадалкам.

Домик старца не выглядел обветшалым: крыша из профнастила, добротные окна с наличниками. Рядом колодец, теплицы и грядки. Заборов и оград не было. Друзей удивило, что у самой крыши была расположена спутниковая телевизионная тарелка. Значит, старец с цивилизацией дружит. Дверь в жилище была не заперта. Гости, как и положено, постучали и, получив разрешение, вошли.

Никодим был преклонных лет, выглядел он, как и положено старцу, в длинной белой рубахе и с бородой. Взгляд хозяина дома был открытым и добрым.

«Я ведь не предсказатель, а обычный отшельник. Если хочешь, чтобы помог, нужно тебе рассказать всё, без утайки. С самого детства и до сегодняшнего дня», — сказал Никодим, когда гости поздоровались, представились и Анатолий Аркадьевич сказал, что приехал за помощью, — «Друг твой пусть в доме отдыхает, а мы с тобой на речку пойдём, там и поговорим».

По извилистой тропинке они прошли к берегу небольшой реки, оба берега которой были словно укутаны густым кустарником и невысокими деревьями. Стволы деревьев выглядели причудливыми по своей форме: они были искривлены, с наклоном, а некоторые даже переплелись друг с другом. Среди них на открытой лужайке стояла широкая, деревянная скамейка на которой и расположились мужчины.

— Когда есть свободное время, прихожу сюда, — начал разговор Никодим. — Здесь душа человеческая в гармонии не только с природой, но и с собственным телом и мыслями. Вот ты удивляешься, что у меня в доме телевизор, холодильник и прочие предметы современной жизни. Так ведь сами по себе элементы цивилизации нужны и полезны. Люди всегда хотели жить лучше, комфортнее, забывая часто о душе и святости. Я тоже не старцем известным родился. Испытал земные радости и потери. В научно-исследовательском институте работал, кандидат наук. Только так жизнь повернула, что понял: не только близких теряю, а самого себя в первую очередь. Здесь, вдали от людей, с годами и верой успокоился, дух свой очистил, но возвращаться в общество не стал. Почувствовал, что могу другим людям помогать, и теперь люди сами идут и едут ко мне. В этом есть моё предназначение. Получается, исцелив себя, могу исцелять других.

Никодим говорил неторопливо, а гость его внимательно слушал и словно проникался благодатью окружающей природы, святостью старца и его простым словам. А потому, когда пришло время рассказывать ему о своей жизни, то приводил

не просто факты, но и делился своими сомнениями и переживаниями.

Анатолий Аркадьевич долго рассказывал о своём жизненном пути, но старец его ни разу не перебил и не задавал вопросов. Под влиянием естественного обаяния Никодима Никольский поведал ему все свои сомнения и страхи. Он закончил свой монолог словами:

— Мне страшно не только за себя, но и за свою жену. Она ни в чём не виновата и не подозревает, какой зигзаг может преподнести судьба.

— Страх — это чувство природное, естественное, и хорошо, что ты о нём говоришь, не скрываешь. А вот с судьбой — сложнее. Судьба — это предначертание для человека. И если по каким-либо причинам предначертание это меняется, душа человека остаётся в смятении и беспокойстве. Много лет ты жил с женой в согласии и благополучии, но внутри тебя жило тайное желание разврата и прелюбодеяния. Ты оставался порядочным человеком и верным мужем в жизни, но как только представилась возможность нарисовать будущее в своей книге, ты опустил вожжи и подался во все тяжкие. Иногда сильное желание, озвученное каким-либо образом, меняет код судьбы. Это как молитва искренне верующих или обращение к святым, которые могут помочь человеку. Независимо от твоей воли, но в соответствии с твоими посылками, раскрытыми в повести, код твоей судьбы поменялся, и ты живёшь согласно новому заданному алгоритму. Получается, в программу судьбы ты сам внёс изменения. Сейчас ты хочешь вернуть ту настоящую жизнь, но и нынешняя жизнь — это реальность, и от неё просто так не уйти.

— Но жена для меня — святое. Терять или приносить ей страдания я не могу.

— Изменить судьбу извне — невозможно, даже если ты предполагаешь или знаешь, как будут развиваться события. Это называется синдромом Киссинджера. Был такой государственный секретарь в США. Очень влиятельная личность планетарного масштаба. От него зависела не только внешняя политика Соединенных Штатов, но и других государств. Когда он отошёл от дел, к нему долгое время приезжали государственные мужи за советами. Потом он состарился (ему скоро сто лет исполнится), и бывший политик теперь мало с кем встречается из сильных мира сего. Он в силу уникального опыта обладает даром предвидения. Но если двадцать-тридцать лет назад он действительно мог что-то изменить или повлиять на текущий ход событий, то ныне может предсказать, но реальных рычагов изменить что-либо у него нет. По-

лучается: знает, но повлиять не может. Это твой случай. Синдром Киссиджера. По тексту своей повести ты знаешь, что последует дальше, и изменить это очень проблематично. Рубить с плеча здесь нельзя. Лишь усугубишь ситуацию. Нужен тонкий и неразрушающий подход. Только соединяясь с судьбой и гармонично расставляя приоритеты, можно спасти ценности не только своей души, но и отношения с близкими людьми. Однако как это сделать конкретно — решать тебе. Даже не решать в обычном понимании слова. Должно прийти озарение, и ты спасёшь себя от нахлынувшей страсти и не принесёшь страданий жене. Помни одно: своими похождениями ты не только жену предал, но самого себя. Сможешь переформатировать себя, значит и нить судьбы будет спокойная и надёжная.

В дом Никодим и Никольский вернулись уже вечером, поужинали, и все легли спать. Утром старец провожал гостей. От денег, предложенных ему Анатолием Аркадьевичем, Никодим отказался, а вот подарки, купленные заранее по совету Бориса: муку, колбасу, масло он принял ещё накануне.

Через несколько дней, как-то вечером, Анна Леонидовна обратилась к мужу:

— Анатолий, я с воскресенья начинаю ходить на курсы бальных танцев, в группу для взрослых. Мне уже и партнёра нашли. Он раньше танцами занимался, поэтому легко научит меня.

Никольский оцепенел. По книге флирт, а затем и увлечение жены героя повести были с партнёром по танцам.

— Толя, ты меня слышишь? — спросила Анна Леонидовна.

— Да, да, конечно, — наконец промолвил тот.

Мужчина оделся и вышел на улицу. Стоять или сидеть он не мог, поэтому бродил по улицам, не выбирая маршрута. В голове стучало: «Не помог совет старца. А ведь он эти дни не отходил от жены. Пылинки с неё сдувал. Сейчас делать резкие движения, типа запретить ей ходить на курсы танцев бесполезно. Согласно повести она всё равно с ним познакомится. Ладно, пусть, главное чтобы знакомство не переросло в нечто большее. Никодим говорил: «...соединиться с судьбой и гармонично расставить приоритеты...»

И здесь Анатолий Аркадьевич остановился, как вкопанный. «Вот оно озарение. Это же просто».

Он почти бежал домой, но, зайдя в квартиру, взял себя в руки. Затем подошёл к Анне Леонидовне и с улыбкой, которая полностью отвечала состоянию его души, сказал:

— Аня, откажись от партнёра. Скажи, что у тебя уже есть партнёр. Мы будем ходить на курсы вместе и станем прекрасной танцевальной парой.

— Милый, я так рада. Не думала, что ты согласишься. Мне казалось, что тебе это не интересно.

— Интересно, ещё как интересно!

Через две недели ему позвонила Марина Эдуардовна:

— Может, и правильно, что ты ушёл без объяснений. Я догадывалась, что семья для тебя важнее, но я о другом. Уезжаю в Москву. Предложили работу в Большом театре. Не знаю как, но, кажется, всё взаимосвязано. Я мечтала работать в Большом и выслала туда своё резюме. Получила приглашение. Спасибо за всё. Прощай.

Спустя полгода чета Никольских гуляла в зимнем парке, запорошенном снегом, но дорожки парка были расчищены. Анна Леонидовна держала мужа под руку и что-то рассказывала. Вдруг он неожиданно спросил:

— А помнишь, ты говорила о мужчине, которого тебе «сватали» в партнёры по танцам? Ты его видела? Он вообще танцует сейчас?

— Да, он занимается в другой группе с женщиной, с которой у них скоро свадьба. Мне подруги рассказали. Представляешь, ещё полгода они не знали друг друга, а теперь свадьба. Значит, судьба.

— Синдром Киссинджера. Если соединиться с судьбой, то можно изменить даже то, что изменить нельзя.

— Ты это о чём? Загадками говоришь.

— Да нет. Просто вспомнил очередной прикол Бориса. Кстати, мне нужно будет отлучиться с ним на пару дней. Хочу навестить Никодима.

— А кто этот Никодим? Ты раньше о нём не рассказывал.

— Великий человек. И мудрый, как Генри Киссинджер.

ВАСЯ МАТАНЯ

Вася Матаня слыл среди округи мужиком чудаковатым, но добродушным. Жил он в доме, доставшемся ему от отца, вместе со своей женой Федорой, которая была старше его лет на десять, а может, и больше. В ближайших деревнях Васю знали все, он любил побалагурить, а если выпьет, то обязательно брал свою потрёпанную тальянку, играл на ней незамысловатые мелодии и пел частушки. Петь Вася мог и без музыкального сопровождения, когда шёл на конюшню за лошадью или ехал в поле, летом — на телеге, зимой — на

саях. Исполнял он не только всем известные деревенские частушки, но и песни, сочиняемые на ходу, из серии: что вижу, о том и пою. Не всегда можно было расслышать, о чём поёт Вася, но различить его настроение по исполняемым песням было несложно. У него все мелодии делились на две категории: грустные и весёлые. Причём в меру грустные и в меру весёлые. Василий был невысокого роста, с голубыми глазами, которые он прищуривал при разговоре, и русыми волосами. Волосы Василий подстригал регулярно, а не от праздника к празднику, как это делали другие деревенские мужики. С ним любили играть дети, те, что помладше, а те, что постарше, могли над ним подшутить, причём иногда небезобидно. Своих детей у Васи с Федорой не было, но иногда к ним навевались племянники, которые, бывало, гостили по нескольку дней.

Матаней Васю прозвали с юности, когда он каждую милостивую девушку называл «матаня», то бишь подружка его. Прозвище это настолько закрепилось за ним, что впоследствии Вася стал на него откликаться. Надо сказать, девушек он очень любил, да и вообще охоч был до женского пола.

В бытность его молодости, когда парни и девушки собирались на игрища, он гулял и плясал вместе со всеми, но при каждом удобном случае норовил потрогать грудь потерявшей бдительность девушки, оказавшейся рядом с ним. Если вечером он куда-то шёл, и его односельчане спрашивали: «Эты куда, Вася, на ночь глядя, собрался?», он так и отвечал: «Девкам титьки мять». Отец его погиб на войне, мать хоть и была женщиной набожной, на его шалости особо не реагировала, а потому вырос Василий таким бабником и распутником, но скорее бабником по репутации, потому как все девки в округе знали о его повадках и не жаловали его своим вниманием.

Была ещё одна особенность у Василия. Он не участвовал в драках и потасовках, которые случались на деревенских праздниках и игрищах. Если начиналась подобная заварушка — а, как правило, свои деревенские парни дрались с парнями из других деревень — Василий становился каким-то незаметным, а то и вовсе куда-то исчезал. Но как только драка заканчивалась, он снова появлялся.

В армию его не взяли. В то время в деревнях считалось, что каждый парень должен отслужить в армии свои два года, а если на флоте, то и три. В противном случае женихом он считался незавидным. С Василием при призыве в армию произошла такая история: на призывном пункте, в районном центре, куда призывники прибыли для сбора и последующей

отправки в воинские части, все парни проходили медицинский осмотр. Зайдя в очередной кабинет, где принимала молодая женщина — врач с пышным бюстом, — Василий, который, кстати, был в одних трусах, буквально онемел, увидев её грудь. Грудь выпирала из белоснежного халата и буквально манила его своими пышными полушариями. Он не смог назвать даже свои имя и фамилию, когда врач спросила его:

— Вы меня слышите? С Вами всё в порядке? — участливо спросила доктор. Вася молчал и только сопел носом. Женщина встала из-за стола, подошла к парню и помахала ладонью перед его глазами: — Аллè, гараж! — И здесь произошло то, что в медицинских кругах называют мудрёными терминами, но доктора могут объяснить и просто — переклинило. Василий всей своей потной рукой влез в бюстгальтер, прикрывающий, но не закрывающий восхитительную грудь, и жадно начал трогать голое тело молодой женщины. Он не чувствовал, как она отбивалась, как пыталась молотить своими ладошками по его лицу, он одной рукой держал её за талию, прижимая к себе, а другой мял её груди. Женщина закричала, и в кабинет вошли стоявшие в коридоре призывники. Они силой вытащили Василия в коридор. Когда в кабинет незадачливого специалиста подошли другие врачи, то докторша, на которую было совершено такое посягательство, потребовала, чтобы психиатр сделал соответствующее заключение о психическом состоянии Василия. — Он же больной, ненормальный, псих, маньяк, его лечить надо!

Одним словом, весь этот переполох закончился тем, что Васю признали негодным к воинской службе или, как говорили тогда, «выдали белый билет». В милицию заявлять никто не стал, так как Вася ничего, кроме грудей, у молодой женщины не трогал и ни на что больше не посягал. Странным образом получилось так, что односельчане Василия, обсуждая этот случай, обвиняли во всём докторшу, но никак не Васю. И никаких обидных слов на предмет того, что Вася так и не пошёл в армию, ему никогда никто не высказывал. Более того, вдовушки и старые девы — их, правда, было немного — начали оказывать Василию определённые знаки внимания, и тот пошёл по рукам. Прозвище Матаня приобрело некий другой смысл, то есть Вася стал другом некоторых одиноких женщин, независимо от их возраста. Но Василий был моралистом, он никогда не смотрел в сторону замужних или тех одиноких женщин, у которых появлялся ухажёр. А появилась эта нравственная устойчивость после того, как один из парней, из другой деревни, заметил, что Матаня пытается заигрывать с его девушкой. Парень долго не разбирался с

доморошенным казановой. Поймал Василия у реки и притопил голову соперника со словами: «Ты, Матаня, не пескарь, хоть и похож. Враз захлебнёшься, если ещё раз взглянешь, сам знаешь, на кого».

Женился Василий по подсказке своей матери на одинокой женщине немолодых лет — Федоре. Мать, видимо, понимала, что видная девка за него не пойдёт, а одному мужику оставаться нельзя. Мать вскоре умерла, заботы по хозяйству легли в основном на Федору, а Василий работал в колхозе.

Жена Василия давно перестала реагировать на шалости мужа. Она состарилась и почти всё время проводила на приусадебном участке, во дворе и хлеву. Выделялась она среди односельчан лишь тем, что единственная в те годы держала козу, тогда как все остальные жители деревни не представляли своей жизни без коровы. Василий с годами тоже стал далеко немолод, его походы на сторону стали не так активны, но привычки остались.

Вечерами, возвращаясь от своей зазнобы Аннушки, что жила в соседней деревне, он негромко распевал:

*У Матани сердце сжало,
Дайте рюмочку вина,
Моя дролечка прознала,
Ночевал я где вчера.*

Аннушка красотой особой не выделялась, но была бойкой, весёлой и работающей. Когда-то она была замужем, но муж уехал на заработки, как тогда говорили — «на города», и пропал, ни слуху ни духу. Василия она всегда встречала с улыбкой, угощала блинами, оладьями и совсем не смущалась перед односельчанами из-за своего любовника.

А Василий оставался самим собой: мальчишек старшего возраста он наставлял: «Когда пойдём косить на луг, за рекой, вам надо заранее перейти вброд реку и спрятаться на том берегу, в кустах. Сначала реку переходят мужики, как только они отойдут от берега, пойдут через реку вброд бабы. А они переходят как? Сарафаны поднимают, чтобы не замочить. Вы тогда всё их богатство на передке и высмотрите».

Его дом обходили цыганки, которые традиционно спрашивали у деревенских жителей молока, масла и яиц. Одно время Василий работал в колхозе конюхом, и к нему обратилась молодая цыганка с просьбой дать ей сена для лошадей, на которых цыгане путешествовали по сёлам и деревням, наслаждаясь свободой и одурачивая местных жителей гаданиями и предсказаниями.

— Конечно, дам, отчего не дать. Сена хватит. Пойдём на скотный двор, там возьмёшь сена столько, сколько унесёшь.

Когда они пришли на место, Василий сказал:

— Я тебе помогу сена набрать и завязать верёвкой, только сначала и ты дай.

С этими словами он повалил цыганку на сено, не скрывая своих намерений, но та вырвалась и, ругаясь, убежала. Стой поры цыганки не приближались к дому Василия.

Однажды на дальнем сенокосе Володька Лапшин, заводила среди мальчишек, сказал, что в обед устроит Васе Матане «концерт». «Концертом» он называл какую-либо выходку якобы в шутливой форме. Бабы и мужики расположились на обед в тени деревьев. Сидели на траве семьями, расстелив перед собой небольшие скатерти или платки, взятые с собой специально для этого. Рядом ставились корзины с хлебом. Обед на всех готовил на костре в больших металлических вёдрах назначенный на весь сенокос молодой парень — Степан, имевший не по годам серьёзный вид, которого все за глаза называли «Косой». Причём не за косоглазие, его у него не было, а скорее за высокий рост и худощавость. Степан, когда разговаривал с кем-либо, немного наклонялся вперёд, наверное, предполагал, что иначе его не расслышит собеседник, получалась такая кривая фигура, из-за которой ещё в детстве его и стали называть «Косой». Готовил он хорошо, суп из колхозной говядины и пшённая каша были отменные, и даже самые придирчивые бабы, которые все сами были хозяйками, могли только поблагодарить повара, иногда называя его по отчеству: «Спасибо, Степан Гаврилович». А возвращаясь с работы, беседовали между собой: «Если уедет Косой на чужую сторону, на заработки, кто обеды готовить будет? Только если Матаня, но он больше поёт, чем работает».

Володька Лапшин, готовясь к «концерту», заранее изловил лягушку, — а их было великое множество в болотистой траве — у берега маленькой речушки, больше похожей на ручей, которую называли Миляш. Как только Василий сел рядом со своей корзиной, готовясь к обеду, Володька подошёл к нему со спины и отпустил мокрую лягушку Василию за шиворот. Рубаха у Василия была заправлена в брюки, перетянутые ремнём, и лягушка никоим образом не могла оттуда выбраться, несмотря на дикие крики перепуганного Василия, его подпрыгивания и метания во все стороны. Он не понимал, что ему запустили за шиворот, может, ящерицу, может, змею, но что-то живое, шевелящееся, мерзкое и липкое. Наконец, он смог расстегнуть ремень и вытряхнул лягушку.

Пока испуганный Василий пытался освободиться от прикосновений земноводного животного, крича от ужаса, никто из присутствующих не смеялся, что поставило в тупик Володьку. Он ведь рассчитывал на хохот и шутки. А номер не прошёл. Лапшин осознал, что сценарий идёт не по плану, и на всякий случай отошёл подальше. Василий с криком, но уже другим по смыслу и значению, схватил воткнутые в землю деревянные вилы-трёхзубцы и бросился за Володькой, который, удирая от разъярённого мужика, перемахнул одним прыжком через Миляш и скрылся в лесу. Василий тоже хотел перепрыгнуть ручей, но не смог, оступился и плюхнулся во весь рост в воду и траву, затем выполз на берег, но встать сразу не смог. К нему подбежал Косой и помог подняться. Все забыли об обеде. Бабы велели Василию снять рубаху и штаны, затем закутали его в старое покрывало, находившееся в кузове грузовой автомашины «ГАЗ-53», на которой все и приехали на сенокос. Косой подбросил дров в костёр и усадил Василия поближе к огню. Мужики говорили, что надо бы Матане сто грамм, на улице не жарко, как бы он не простудился, да где их взять эти сто грамм. Володька, наблюдавший за всем происходящим из-за кустов, слышал, как его мать грозила в его сторону:

— Пусть только покажется, опалысок этакой. Ремня от батьки как пить дать получит.

Потихоньку все успокоились и стали обедать, а потом пить чай, приготовленный тоже на костре из кустов смородины. Через какое-то время мать Володьки крикнула в сторону кустов, где скрывался виновник инцидента:

— Володька, иди, поешь — и за работу. А то хуже будет.

Через пару дней об этом случае все забыли, и только Володька опасался, как бы Матаня не отомстил ему за опрометчивый поступок на сенокосе.

Вскоре Володьке как старшему среди деревенских пацанов-школьников доверили возить на лошади с телегой по утрам фляги с молоком от местной фермы на центральную усадьбу. Туда молоко свозилось со всей округи, переливалось в цистерну, и её сразу отвозили в райцентр для переработки. Утренняя дойка заканчивалась на ферме, когда многие ещё спали, но Володьке приходилось вставать очень рано. Он спал на сеновале и заводил с вечера будильник, чтобы не проспять. Прошла неделя, Володька уже подсчитывал, сколько он заработает за утренние поездки с молоком, если все каникулы отработает на перевозке молока, плюс дневная работа в колхозе. Но однажды Володька проспал. То ли забыл завести будильник, то ли будильник не сработал. Про-

снулся он, когда уже цистерна явно была отправлена из центральной усадьбы. И всё же побежал на ферму, сам не зная, зачем. Но его никто не ругал. Пустые мытые фляги, опрокинутые вниз, как и положено, стояли на месте. Он подошёл к скотнику Валентину:

— Слушай, Валентин, а кто молоко отвёз? Я ведь проспал.

— Так Матаня отвёз. Он на конюшне в это время всегда. Увидел, что ты лошадь не забрал, сам её запряг и отвёз молоко. Незлопамятный совсем Матаня наш. Не стал тебе припоминать выходки твои паскудные. Случись так со мной, я бы тебя в бараний рог согнул, и разгибать не стал. Был бы у нас ещё один Косой.

Прошёл ещё год. Заканчивались восьмидесятые годы. В стране начинались изменения, которые население встречало с восторгом и надеждой, чтобы через десятилетие осознать, что надежды не оправдались, а восторг был недолгим. Но в деревне пока всё шло по-прежнему. Люди работали в поле, на ферме, держали домашний скот и обихаживали приусадебные участки. Василий похаживал только к одной зазнобе — Аннушке. Та жила в трёх километрах от его дома, но это расстояние надо было преодолеть через овраг и речку Каменку, которая разливалась весной всегда и осенью иногда, если шли дожди. Никого не удивляло, что Василий почти каждый вечер поздно возвращался домой от Аннушки. Иногда он оставался у неё ночевать, но беспокоился о Федоре, которой якобы трудно одной истопить утром печь, и старался после ужина с Аннушкой и душевными беседами возвращаться домой. Однажды осенью, уже затемно, он переходил овраг и вдруг услышал, что его кто-то окликнул. Василий перекрестился.

— Не дай бог нечистый шалит.

— Василий, подойди. Это я — Володька.

У дороги, в темноте, лежал человек.

— Кажись, ногу сломал. Хотел с разбегу Каменку перепрыгнуть, да в темноте на камень прыгнул и упал. Придёшь в деревню, скажи отцу, пусть лошадь запряжёт и приедет, заберёт меня.

— Курица — не птица, не улетит, Каменка — не Миляш, не перепрыгнешь. Так вот, да ладно. Пока я до деревни дойду, пока отец лошадь запряжёт и приедет сюда, часа полтора, а то и два пройдёт. Ты здесь околеешь. На вот бушлат, подложи под себя. Я сейчас.

Василий снял бушлат, засунул его под лежащего парня и направился к стоящим рядом осинам. С трудом выломал две большие ветки, пришлось повозиться, но у него был перо-

чинный нож, и с его помощью он сумел не до конца отломившиеся от его усилий ветки отделить от дерева. Подошёл к Володьке:

— Перекатывайся на ветки, придётся тебя прокатить.

— Ты что, меня на ветках повезёшь?

— Да, ты ведь не девка, чтобы тебя на руках носить. Да я сейчас и девку-то не унесу. Не то что раньше. Любую молодуху за километр мог отнести, лишь бы согласилась.

Ташить Володьку пришлось нелегко. Парень был уже повзрослевшим, тяжёлым. Василий, согнувшись, упорно таскал ветки с Володькой, а чтобы было легче — рассказывал:

— Была у меня одна молодка. Не буду говорить, из какой деревни. Деревня эта за рекой. Так вот, когда ледоход весной начался, я к ней по затору ледовому через реку перешёл. А когда возвращался — затора уже нет. А домой надо. Ни плота, ни лодки. Пришлось идти в ближайшую деревню, взял у знакомых топор и гвозди, срубил пару деревьев, сделал из них типа плотика, и переплыл реку, уклоняясь от льдин, которые плыли по реке. Как не утонул, сам не знаю.

*Не страшна мне непогода
Даже в дождь или в пургу.
Как награду, все объятья
Я от милочки приму.*

Так Василий за разговорами и частушками притащил Володьку к конюшне. Запряг лошадь и повёз его в больницу, что находилась за десять километров от их деревни.

— Родителей будить не будем. Утром скажу, что ты в больнице. А сейчас что их беспокоить? Я сам тебя отвезу.

Через несколько месяцев Володька закончил школу и решил поступать в высшее военное училище в Ленинграде. До автобусной остановки его на телеге повёз Косой. Телега была старой, скрипучей, лошадь тоже не шибко бойкая.

— Правильно делаешь, что уезжаешь. В колхозе молодым делать нечего, — говорил Степан. — Перестройку объявили, но пока ничего не меняется, одна болтовня. А что дальше будет, не знаю. Наверное, тоже уеду, надоело в навозе копаться. Жена моя, Надька, согласна, хоть завтра, говорит, уедем.

На трассе, у автобусной остановки, Володька остался ждать автобус, а Косой вернулся в деревню, где его ждали привычные дела и заботы. Но теперь у него появилась надежда на переезд в город и новую жизнь, в которой зарботки большие, выходные регулярные и отсутствие деревенской грязи, с которой он вырос и провёл молодость.

Через несколько лет, в девяностые, перемены пришли и в колхозную жизнь. Колхозы постоянно реформировались. Каждый житель деревни надеялся на лучшее. Но недаром говорят: «На бога надейся, а сам не плошай». Василий Матаня новые времена встретил по-своему: если в очередной раз в стране происходит ломка старого и приветствие нового, он в своей жизни тоже кое-что поменяет. В один из дней ушёл к Аннушке, а вечером домой вернулся не один, а вместе со своей ненаглядной и её коровой, которую та вела на поводке. А ещё через день перевёз на телеге все пожитки Аннушки к себе в дом. Федора была уже совсем старушка, целыми днями, считай, на печи лежала. Козлуху и другую живность они уже не держали, а тут — корова. Оказывается, Василий терпеть не мог козьего молока, а вот коровье молоко с удовольствием употреблял. Чего только не готовила из молока Аннушка: простоквашу, сметану, творог. С молоком замешивала тесто и выпекала белый хлеб, на молоке варила пшённую кашу и даже ягоды, собранные для Василия, ставила на стол в алюминиевом блюде с молоком.

Деревенский народ, на генетическом уровне, в течение столетий впитавший, казалось, незыблемые законы нравственного поведения, воспринял новость о переселении Аннушки в дом к Василию, в котором ещё жила Федора, как-то совершенно спокойно. В деревнях любое прелюбодеяние было как бы под запретом, а о многожёнстве и слыхом не слыхивали. А поди вот, Матане можно.

Аннушка навела порядок в доме, возродила зарастающий огород Василия, завела в хлеву поросёнка и курей.

В это время как раз Степан Косой гостил у родителей. Он теперь жил в Республике Коми, работал на шахте, но каждый год летом приезжал к родителям со всей своей семьёй. Отпуск у него заканчивался, и он перед отъездом зашёл к Василию попрощаться. Поговорили немного, затем Косой встал с лавки и, уходя, попросил Аннушку закрыть за ним калитку. Выйдя из дома, Косой сказал Аннушке:

— Слушай, Аннушка, ты теперь не только за Васей ухаживай, а ещё больше за Федорой. Не дай бог, помрёт, скажут: загубила старушку, голодом заморила. Сама знаешь, с Василия — как с гуся вода. Он у нас вроде неприкасаемого, а тебя люди осудят.

Аннушка взялась за Федору со свойственным русской женщине задором и энергией. Затопила баню, помыла старушку, усадила за стол пить чай и объявила, что завтра повезут они её в больницу. Федора сначала отнекивалась, говори-

ла, что умрёт и без больницы, но поняла, что Аннушка настроена решительно, и больше не сопротивлялась.

В больнице никаких особых болезней у Федоры не нашли, но доктор посоветовал ей хорошо питаться, бывать на свежем воздухе и самое главное — положительных эмоций.

«С воздухом и питанием проблем не будет, но где взять для Федоры положительные эмоции? Она хоть и старая, но из ума не выжила и понимает, что полюбовница Василия при живой жене в их доме живёт», — так или примерно так думала Аннушка.

Думала, думала и придумала. Нашла адреса племянников Федоры, которые уже взрослые и семейные проживали в областном центре, и пригласила их в гости. Племянники приехали, один — с женой и детьми, второй — просто с женой. Сначала был лёгкий переполох и непонимание: что за Аннушка такая? Но увидев, какой в доме порядок, что Федора сытая и хорошо одетая, не только лежит на печи, но и сидит за общим обеденным столом, выходит на улицу посидеть на лавочке, за ней ухаживают, холят и заботятся, приняли случившееся в духе непознанной русской философии: так лучше и быть не может, ведь без Аннушки загнулась бы уже их тётка-старушка. На какое-то время Федора стала центром внимания, оживилась и объявила, что когда помрёт, её самовар с медалями и серебряный поднос надо отдать одному племяннику, а все накопленные облигации — другому. Объяснила это тем, что Аннушка пришла со своим самоваром, облигаций у неё и Василия своих хватает, а племянникам память будет.

Два дня гостили племянники у Василия. За это время почти вся деревня побывала в гостях в его доме, что раньше не замечалось. И всех Аннушка встречала и угощала в лучших деревенских традициях.

А через неделю в деревню подъехал уазик, из него вышел председатель сельсовета — теперь его называли главой сельской администрации — и решительно направился к дому Василия.

— Никак Матаню арестовывать приехал за многожёнство. Но один, без милиции. Может, просто Аннушку выгонять? — загудела деревня. Все, кто не был занят работой, стали собираться у дома Василия, но в дом не заходили, пока там начальство. Через какое-то время из дома вышел председатель в сопровождении семенившего рядом Василия.

— Так ты его, председатель, куда? — спросил один из мужиков, стоявший ближе всех к калитке, — если арестовывать, то мы, это, против, не позволим, значит. Да и не можешь ты его арестовывать, власти такой у тебя нет.

— С чего вы взяли, что его арестовывать надо? Никто и не собирался. Я с ним воспитательную работу проводил. Сказал, чтобы он с Аннушкой Федору не обижали. Слухи до районной администрации дошли, что у вас тут шведская семья, вызывали меня. Я сказал, что Аннушка их дальняя родственница, если кто ещё придет, так и говорите — родня, мол. Хоть и не поверят, но и проверять не будут. Лишь бы газетчики из центра не нагрянули, те раздуют так, что мало не покажется. Жёлтая пресса это называется.

Федора умерла через три года. Вскоре закончились и различные преобразования бывшего колхоза, когда-то крепкого хозяйства, от которого остались только опустевшие фермы и конюшни, а в деревне остались жить в основном пенсионеры. Остальные жители разъехались. Больницу и школу закрыли при оптимизации. Бывшие колхозные поля и луга заросли кустарниками, а то и лесом, и только реки, речки и ручьи всё так же разливались по весне. Василий с Аннушкой сдали корову на мясо, хотели продать, да кому в такое время корова нужна. Поросят тоже перестали держать, но курей оставили.

В деревне больше ничего не менялось. Лишь в летний период приезжали к старикам их дети и внуки, но ненадолго, всем хотелось свой отпуск провести в Египте или в Турции. Так прошло ещё несколько лет.

Но однажды деревня оживилась. К дому родителей Володьки Лапшина подъехал «джип», и из него вышел офицер с погонами подполковника. В доме этом давно никто не жил, но народ понял — приехал Володька. Теперь — Владимир Яковлевич. Подполковник посмотрел на родной дом, немного постоял, здороваясь с соседями, и направился к дому Васи Матани.

Ближе к вечеру все земляки, захмелевшие от выпитого (Владимир крепко угостил всех, кто остался в деревне), вышли из дома Василия. Хозяин дома присел на лавочку и запел:

*Подхожу к родному дому —
Дом невесело стоит.
Заготовлена котомочка,
На лавочке лежит.*

Подполковник предложил:

— Василий, так, может, тальянку возьмёшь, сыграешь. Под неё петь интереснее. Я ведь некоторые твои частушки до сих пор помню.

— А я многое забыл. Да и тальянки нет, играть не на чем. Переночевав в своём доме, подполковник Лапшин уехал. Вернулся он снова через два года. Теперь он был в погонах полковника, а в руках держал новую тальянку.

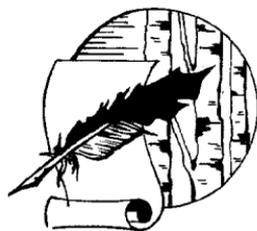
— Для Василия купил. Специально ездил в Суздаль, только там договорился. Редкий музыкальный инструмент по нынешним временам, — рассказывал он старикам-соседям, которые вышли по старой доброй традиции поздороваться с гостем.

— Так помер Матаня-то, ещё в прошлом году помер. А следом за ним и Аннушку похоронили.

Полковник Лапшин сидел на кладбище у двух могильных холмиков с деревянными крестами, рядом со зданием обветшавшей церкви. Он опустил тальянку на землю и вдруг так ясно вспомнил слова из частушек Матани, что неожиданно для себя тихо пропел:

*Выхожу с утра из дома —
А снежок-то свежий.
Вот и жизнь моя прошла,
Словно я и не жил.*

г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

Александр ПОТАПОВ

Хорошие стихи по своей размышлительной позиции, по человечности, по обязанности поэта и по чувственности прочитали мне друзья по телефону. Написал их Александр Николаевич Потапов. Он — автор многих стихотворных сборников и биографических книг о судьбе наших родных, прославленных тружеников слова: Сергея Есенина, Ивана Бунина, Якова Полонского, Афанасия Фета.

Стихи Александра Потапова покоряют своей доверительностью народу. Это как обязанность: не забывать, что ты говоришь народу и что ты перед ним всегда в ответственности. У него это есть. Поэт — в центре жизни своих земляков, в центре жизни отчего края, в центре бед и успехов России.

Бывают поэты, у которых в одной строке слово угнетает другое или всю строку, или идущее впереди слово. А у Александра Потапова наоборот — слово усиливает слово. Поэт зорек и внимателен, не хитрит и не изворачивается. И само слово, родная речь, родная природа, родная земля помогают ему. Так и должно быть!

Самое главное, у Александра Потапова есть моральная, психологическая ответственность совести не только перед тем временем, о котором он говорит, но и перед Родиной. Есть выделенность этого чувства. Он не возвышает себя, но в его стихах живёт хорошая, обычная, серьёзная ответственность — за слово и за смысл.

Александр Потапов очень красиво говорит о Рязанщине, в нём звучит есенинская вдохновенность, когда он рисует родной пейзаж, земляков, полевую дорогу, предосенний закат. Человек, который с такой святостью относится к Есенину, особенно поэт, он непременно будет вот этим чувством обворожён — чувством абсолютного влияния красоты слова, бесконечной любви к Родине есенинской. Поэт не минует этой тропы, если он искренне привязан к Есенину. А у Александра Потапова отношение к Есенину граничит со святостью.

Слушаешь стихи поэта, и сам вроде стоишь на холме над Окою!.. Спасибо Александру Потапову за это чувство возвращения к себе, за верность русскую, за честность и за любовь к родному слову.

Валентин СОРОКИН,

лауреат Государственной премии РСФСР им. А.М. Горького, Международной Шолоховской и премии С.А. Есенина

ОСЕННЯЯ ДУША

НА ПОРУБЕЖЬЕ

На степной порубежной черте
Наши предки врага поджидали.
И полынью туманились дали,
Где кочевник — на каждой версте.

Столько было за много веков
Русской крови в сраженьях пролито,
Что доньне ядрёное жито
Помнит силу её и любовь.

Ныне снова степной окоём
Дым пожаров и гарь застилает,
И оживший вандал протрясает
Смертоносным ракетным копьём.

Русь Святая!
Неужто опять
Повторяется лютое время?
Если так, то на варваров племя
Встанет новая русская рать.

Пусть дрожит новоявленный бес.
Сила — в правде, а правда — от Бога.
...И бежит под ногами дорога
Сквозь столетья — до самых небес.

РУССКОЕ ЭХО

Есть у русских завидное свойство —
Постоять до конца за других,
Проявлять о чужих беспокойство,
Как о близко знакомых, родных.

Если с кем-то случится несчастье
Или беды кому-то грозят,
К бедолаге проявят участие,
Обогреют его, приютят.

Сколько б недруги нам ни грозили,
Сберегли мы свои рубежи.

Знать, Господь благосклонен к России
За отзывчивость русской души.

Расстояния нам — не помеха
Руку другу в беде подадим.
И высокое русское эхо
Над планетою кружит, как дым.

* * *

Выпал сучок из сосновой доски
На обветшалом заборе...
Сердце как будто сдавили тиски.
Горе мне, горькое горе!

В дырку заборную грозно сквозит
Ветер польнных столетий.
Дымом и гарью сквозь годы разит.
Где я, на этом ли свете?

Средь многолюдства угрюмого дня
Мне, как в степи, одиноко,
Словно глазеет из мглы на меня
Потустороннее око...

Всадники мчатся на диких конях
Из половецкого поля.
Кровью пропах ископыченный шлях —
Вот она, русская доля!

В чёрном зрачке — злого прошлого зуд.
Видится эра иная:
Танки крестатые хищно ползут,
Дулами смерть изрыгая.

Ветер в заборную свишет дыру,
Пламя полощется гневно...
Если сегодня я здесь не умру —
Буду бессмертным, наверно.

Боль нестерпимая давит виски.
Господи, где твоя милость?
...Выпал сучок из заборной доски —
Время сместилось.

БЕЗЫМЯННАЯ ВОЙНА

Война пылает на Украине,
И в дымных далях вязнет взгляд,
Где русские герои-парни
Нацистских выродков гвоздят.

Война пугает грозным ликом,
Война безжалостна, но всё ж
Не назовут её Великой,
Да и Отечественной тож.

ПОД ЗАЩИТОЙ ПЕТРА И ФЕВРОНИИ

У влюблённых душа — птица вольная,
Счастье пестует ночью и днём...
Мы с тобою, как Пётр и Феврония,
Неразлучно по жизни идём.

Разыгралось в лугах лето красное,
В даль заокскую песней маня...
Ты, как девица родом из Ласкова,
От невзгод исцеляешь меня.

В нашей жизни чего только не было:
Горечь ссор, недоверия лёд,
Но любовь — то ли былью, то ль небылью —
Нас с тобою по жизни ведёт.

Ну а лихо надвинется хмурое
И захлещет злолютым дождём —
От Рязани доедем до Мурома
С древних пор проторённым путём.

Русь Святая!
Былинная родина!
Духа русского вечный редут!..
Благодарные Пётр и Феврония
Крепость русской семьи берегут.

* * *

Туман, как бородач беззубый,
Сжевал в полях последний снег.
Раскрыла роща почек губы,
Как женщина, впадая в грех.

В овраг бежит ручей весёлый,
И вышла Цна из берегов,
Глаза окон продрали сёла
Под пенье ранних петухов.

Кричат — тот громче, тот резвее, —
Хранят владения свои.
Но скоро, скоро их заменят
В садах скворцы и соловьи.

Какой простор!
Какая воля!
С небес нисходит благодать.
И о пугах тоскует поле,
Да землю некому пахать.

* * *

Густой туман с реки ползёт лощинами,
Закатная погасла полоса.
Заросший сад ушами лопушиными
Внимает соловьиным голосам.

Расчёсывает волосы туманные
Ограды гребень, старый, но прямой.
Живёт трудом, а не небесной манною
Полузабытый край глубинный мой.

Сельчан начальство предало и продало,
Разворовав колхоз и сельсовет,
И кормятся они лишь огородами,
А до властей им вовсе дела нет.

Упряталась в туман дорога длинная.
Как дальше жить?
Куда идти по ней?
... Звучат в деревне трели соловьиные
День ото дня всё горше и грустней.

* * *

Село в июле мирно засыпает.
Ручьями звуки катятся в реку.
И кажется, Всевышний рассыпает
В квашне небесной звёздную муку.

Лежу молчком на душном сеновале
И, словно в воду, погружаюсь в сон.
Давно гармошки здесь отгулевали,
Давно гитары оборвали звон.

Бытуют не хозяева, а гости
В селе, где вымер коренной народ.
И только память, колкая, как ости,
Сюда меня приводит каждый год.

Знать, в этом сельском омуте навеки
Моей душе остаться суждено.
...Уже закат смежил на небе веки,
Уже не светит ни одно окно.

Прохладный сумрак дотлевет в росах,
И слышу я, куда не засну,
Как зубьями подгнивших, тёмных досок
Пила забора точит тишину.

ЗАБРОШЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

Затерялась в глуши деревушка
На просторах российской земли,
Где свой век доживают старушки
Да бедуют без баб бобыли.

Вряд ли сыщешь печальней картины...
Для старушек здесь — жизни оплот,
Бобылям же, продавшим квартиры, —
Неизбежный последний исход.

Жизнь течёт здесь ни шатко ни валко,
Повседневных хватает забот.
Хлеб да соль привезёт автолавка,
Ну а прочее даст огород.

Летом внуков в родную деревню
Сыновья на машинах везут,
А зимой, словно стражи, деревья
Деревушку от бед берегут.

Бобыли на судьбу не пеняют
За жестокий её поворот,

Но тоска вдруг накатит такая,
Что и водка уже не берёт..

До старушек властям дела нету,
Бобыли же — чужой контингент.
Написать бы в Москву президенту,
Да ответит ли им президент?

Осыпаются листьев полушки,
Потянулись на юг журавли.
Остаются без внуков старушки,
Остаются без баб бобыли.

* * *

Жируха-осень входит в терем августа,
Заладили унылые дожди,
И только георгины головастые
Взирают с клумбы гордо, как вожди.

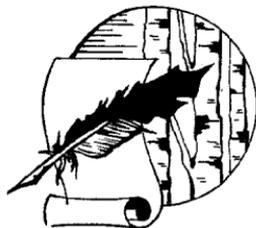
Ползут туманы вдоль реки простуженной,
И пестрядь леса блёкнет день за днём,
А стаи галок в мутном небе кружатся
И тянутся за дальний окоём.

Осока рубит стынью ударом сабельным,
Густеют тучи, влагою дыша,
Но светлым ожиданьем лета бабьего
Живёт моя осенняя душа.

г. Рязань

Редакция «Молодой гвардии» сердечно поздравляет известного рязанского поэта Александра Николаевича Потапова с 70-летним юбилеем! Александр Потапов — автор многих книг поэзии, прозы и публицистики, лауреат отечественных и международных литературных премий. Первая его книга стихов «По московскому времени» вышла в 1987 году в «Библиотеке журнала «Молодая гвардия».

Желаем ему долгой и плодотворной творческой жизни, отменного здоровья и новых пронзительных поэтических озарений!

Андрей ФРОЛОВ

БЕЛОЕ ЧУДО

ВЕСНА ВО ДВОРЕ

Весна шарахнула во вторник,
её уже заждался двор.
И дед Савелий, бывший дворник,
слезу неожиданную утёр.

Вразбег по пенящимся лужам
снуют весёлые лучи,
ворона скачет неуклюже
через проворные ручьи.

Играют в салки две девчонки,
и, словно принятый в игру,
наш новый дворник,
Саня Пчёлкин,
гоняет мусор по двору.

Скворец пальнул картечью трелей,
ему откликнулся другой!..
А на припёке дед Савелий
сердито топает ногой.

ИЮЛЬСКИЕ СТИХИ

Ночь

Вышла из-за облака луна,
озарив округу бледным светом.
Крикнешь, и ночная тишина
выстрелит раскатистым дуплетом.

Ото сна встряхнёт речную гладь,
распував ватагу юрких бликов,
и сомкнётся наглухо опять —
до зари, до первых птичьих криков...

Утро

Старый пруд, затерянный в глуши.
У воды ракиты прикорнули.
Браво: в три шеренги, камыши
замерли в почётном карауле.

Резкий взмах пружинистой удой —
чуть с оттяжкой влево, как учили, —
снасть несётся пулей над водой
и, блеснув, скрывается в пучине.

Гаснет рябь от лёгкого шлепка.
Жду, волнуясь, первого успеха.
Тишина настолько глубока,
что не возвращает даже эха.

ЗИМНЯЯ РЫБАЛКА

Тень от удочки кривая,
чёрной лунки мутный глаз...
Дробь зубами отбивая,
я рыбаку третий час.

В двух шагах приятель Колька
вмёрз по щиколотки в лёд —
напряжён, подобран...
Только
и у Кольки не клюёт.

Мимо нас, почти недвижных
и слепых от белизны,
пролетает бравый лыжник —
пар клубится от спины.

Резко вскидывая палки,
метки ставит на снегу...
Мне уже не до рыбалки,
я за лыжником бегу.

В АВГУСТЕ

В августе небо ближе к земле...
Липы листвою ложатся под ноги.
Будто в былом старикашка убогий,
ветер копается в рыжей золе.

В глади реки, как в зеркальном стекле,
зримей стократ неизбежность итога.
Чаще мольбы долетают до Бога —
в августе небо ближе к земле.

* * *

В период коротких закатов
кусается злее недуг.
Туман под деревьями матов,
а воздух холодный — упруг.

Ночная тревожная птица
клянёт ледяную росу..
И очень легко заблудиться
в себе, как в дремучем лесу.

ХРАМ

Храм рождался тяжело,
туже истины.
Собиралось всё село
возле пристани.

И стучали молотки
лето целое.
Поднималось у реки
чудо белое.

В небеса взметнулся крест
ярким всполохом.
Долгожданный Благовест
грянул колокол!

ЗАТИШЬЕ

Слабеющий зайчик
последнего солнца
с церковного купола
падает вниз
и между крестами
уныло плетётся,
и вязнет в пыли
позабывших гробниц.
Глядит исподлюбья
больная собака,
Прижав к животу
леденеющий хвост.
Мохнатым крылом
неминуемого мрака
склоняется небо
на тихий погост:
тревожно и медленно,
будто немилость
ниспослана Богом
на здешний приход.
И если ещё ничего не случилось,
то лишь потому,
что случится вот-вот...

СВАДЬБА

На два дома поделено счастье:
невзирая на серенький дождь,
шумно, весело едет венчаться
из обеих семей молодёжь!

Чинны сваты, задиристы сватьи,
поцелуи по-русски — взасос,
на невесте шикарное платье,
море радости, толика слёз!..

Всё путём, по обычаям древним:
пир горой...

Да ведь речь не о том.
В этой, Богом забытой, деревне,
почитай, уже есть третий дом!

ЕСЛИ О РУСИ

Если о Руси, как без поля
шириной не меньше Вселенной?
На Руси судьба — это доля,
каждый тащит крест тяжеленный.

Если о Руси, как без Бога?
Путь к нему долгонько топтали.
Веры сберегли пусть немного,
только та, что есть, крепче стали.

Если о Руси, как без песни?
Пой, душа, а я подыграю!
Если о Руси, как без «если»,
без «авось»,
без хаты, что с краю?

РОДИНА

Дойдешь до чёрного столба,
сверни направо:
твоя здесь скорбная судьба,
твоя держава.

Твой худо-бедный огород
в тени крапивы,
тебя заждались у ворот,
рыдая, ивы.

В лугах не кошена трава
четыре срока.
А мама?.. Всё ещё жива,
да одинока.

Ждёт обветшалая изба
тебя так долго.
Сверни у чёрного столба —
нет выше долга.

г. Орёл

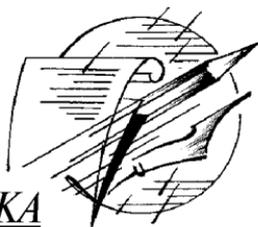
В ПЕРВОМАЙСКЕ И ПОПАСНОЙ

Путевые заметки

В середине ноября наш гуманитарный коновой выехал из Ферзиково и Тарусы в Первомайск, на Луганщину. Дорога длинная, долгая. Ехали всю ночь. Вначале оживлённо разговаривали. Знакомились. Главы соседних Тарусского и Ферзиковского районов — Михаил Леондович Голубев и Алексей Сергеевич Волков. Предприниматель из Калуги Сергей Анатольевич Дмитриев. Глава фермерского хозяйства из Ферзиковского района Владимир Александрович Козлов. Водители Александр Лукашов и Константин Дёмин. «Долюжитель» Первомайска Алексей Сергеевич Волков, он уже сбился со счёта, в который именно раз отправляется на Луганщину. Так что походным атаманом у нас был он. По разговорам было понятно, что не первый раз едут в Первомайск Дмитриев и Козлов. Утром, с восходом солнца, мы были уже на месте.

Позывной — «Добрый»

О нём стоит рассказать более подробно. И как о человеке, и как об офицере. Но для этого рядом с ним нужно побыть подольше. А пока — эскизно.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Заместитель командира тяжелого гаубичного артиллерийского дивизиона им. Маршала Г.К. Жукова, подполковник, в настоящее время исполняющий обязанности командира дивизиона. Его позывной — «Добрый». Таким он мне и показался, пока мы разговаривали, передавали его солдатам гуманитарные грузы, потом завтракали. Вскоре он с нами расстался, пояснив, что должен сделать кое-какие служебные дела. Вечером, после нашей поездки в Попасную и на полигон, снова приехал и проводил нас в обратный путь, в родную Калугу. «Добрый» тоже калужанин, как и большинство его подчинённых.

Встретил он нас в Первомайске на площади у памятника Ленину. Подъехал на тёмно-зелёном уазике «Патриот». Кстати, «Патриоты» и «буханки» ценятся здесь особо. Правда, часто ломаются, так что к ним всегда требуются запчасти, особенно части ходовой. Но война выбрала именно эти машины. На них перевозят, спасают раненых, доставляя их на стационарные и хорошо оборудованные пункты медицинской помощи. На днях сообщили, что в Питере такой фронтальной машинёнке поставили памятник. Надо заметить, заслуженно. Эти тёмно-зелёные, латаные-перелатаные труженицы каждый день доставляют на позиции всё необходимое. На них воюют. Видимо, поэтому у нас в глубине России так подскочили цены на б/у «буханки», наверное, раза в четыре, а то и в пять. Но это уже другая тема, под названием: кому война... И в Попасную он нам сразу посоветовал ехать не на своих машинах, предложил как раз «буханку» и «Патриот». «Буханка» — калужская, её переправили сюда ещё летом. Бегаёт, служит исправно.

В этот день было ещё тепло, солнечно, и «Добрый» всегда был без головного убора. Выглядел как настоящий офицер: гладко выбрит, хорошо подогнанная форма без знаков различия, немногословен, уверен в себе. Приказы своим подчинённым отдавал тем же спокойным тоном, изредка что-то уточнял, чтобы результат был таким же точным и исчерпывающим. Заметил: знаками различия здесь не щеголяют. Офицеров можно распознать по уверенному тону и, пожалуй, по умению носить форму.

Когда заговорили о наших потерях, «Добрый» сказал, что они, дивизион им. Маршала Г.К. Жукова, за всё время боёв потеряли девять человек. Весной этого года — сразу шестерых. Сказал и некоторое время молчал.

— Мы тогда стояли в районе железнодорожной станции. Заняли пристанционное здание. До этого — всегда в землянках. Может быть, это и было нашей ошибкой. Прилетели два

«хаймерса». Одна ракета упала шагах в десяти от угла здания, другая — точно в цель. Бетонные блоки и плиты буквально сложились. Шесть человек... Целый расчёт... Ребята из Боровского района, из Сухиничского, из других.

Заметил: тема погибшего расчёта для «Доброго» тяжёлая.

В этот день мы побывали там. Выбрались из растерзанной Попасной и помчались вдоль искромсанной лесополосы, справа за которой виднелась насыпь, рельсы и подвижной состав. Вагоны разного калибра и назначения теснились на путях. Их было много. Некоторые расцеплены и опрокинуты. Там и тут огромные воронки. Вначале ехали по узкой дороге, захламлённой разным военным мусором и кусками изрубленных во время артобстрелов деревьев. Водитель, сержант из дивизиона, умело маневрировал среди препятствий. Заметно было, что эту дорогу он знал хорошо. Вскоре резко повернули вправо, остановились. Вот она, последняя «казарма» гаубичного расчёта «Пихты» и его товарищей.

Как рассказал «Добрый», «Пихте» было пятьдесят восемь лет. Возраст и близко не призывной. На войну вырвался добровольцем, после нескольких неудачных попыток убедить, уговорить работников военкомата в том, что именно он, старый артиллерист, там нужнее других.

Сержант-водитель рассказал:

— Я стоял на противоположном углу, вне здания, когда упал первый «хаймерс». Меня смело взрывной волной. Может, поэтому и не зацепило, когда упал второй. Точно в нашу казарму. Она буквально сложилась. Когда я открыл глаза и начал вставать и осматриваться, мне показалось, что я нахожусь где-то в другом месте — здания не было. Дымились осколками блоков и бетонных плит. Начали вытаскивать тела убитых, выносить раненых. Раненых было много.

Казармой это пристанционное здание артиллеристы называют условно. Обычная советская постройка из силикатного кирпича, блоков и плит перекрытия. Её-то и облюбовали гаубичники для постоя и короткой передышки после изнурительных боёв за Попасную.

Подполковник «Добрый»:

— Конечно, без наводки с такой точностью они отстреляться не могли. Когда попали, стрельбу сразу прекратили. Видимо, долго ловили нас. Крови мы им много попортили во время боёв за город и станцию.

На обломках плит светятся алые гвоздики. Я сказал водителю, указав на них:

— Цветы. Кто-то приезжал. Может, родственники?

— Да нет, — ответил он, — это наши ребята положили.

Боевое братство — категория прочная. Прочнее бетонных плит. И никакие «хаймеры» разрушить её не в силах.

Первомайск

Первомайск — районный центр Луганской Народной Республики.

До 2014 года в Первомайске проживало около 77 000 человек. После 2014-го едва насчитывалось 2000. Но, как пояснил мэр города Сергей Александрович Калягин, народ возвращается. Уже начинают работать предприятия, а значит, появилась работа. Требуются строители. Город и район восстанавливаются. В городе сейчас около 28 000 жителей.

Первое впечатление о Первомайске, соседнем Стаханове, Ирмино, Новоалександровке, Кировске, а также деревнях и сёлах, которые открывались перед нами справа и слева от шоссе: такой была средняя Россия в конце 80-х, начале 90-х годов. Неухоженность, заброшенность. Конечно, свою разрушительную работу провела здесь война. Ландшафт такой: владеющий грядой стратегически важных высот при достаточном количестве боеприпасов может диктовать свои правила всей округе на 20—30 километров. Люди бросали жильё, клочки своей кормилицы-земли и бежали от обстрелов куда глаза глядят — кто в Россию, кто на запад, за родные холмы...

Но освобождённый край уже восстанавливается, оживает. Нацистов отогнали от Первомайска. Хотя дальнобойные ракеты сюда время от времени прилетают.

Когда мы вышли из машины на площади возле памятника Ленину, к нам тут же подошли люди в гражданском. Оказалось, строители. Да ещё и земляки. Строители на Луганщине — особый и очень важный род войск.

По возвращении в Тарусу я получил из Министерства строительства и ЖКХ правительства Калужской области за подписью Вячеслава Вячеславовича Лежнина такую справку:
«Городской округ «Город Первомайск», ЛНР.

В 2022 году в полном объёме восстановлены 56 объектов, в т.ч.:

- 3 школы;
- 3 сада;
- 27 многоквартирных жилых домов;
- 10 котельных;
- 9 кабельных линий электропередачи;
- 1 объект водоснабжения;
- 1 досуговый центр;
- 1 больница;
- 1 детская школа искусств.

В 2023 году планом предусмотрен ремонт 48 объектов (завершено 46), в т.ч.:

- 35 многоквартирных домов;
- 2 образовательные организации (центр внешкольного образования, спортивная школа);
- 1 учреждение здравоохранения (отдельные кабинеты);
- 1 помещение под размещение многофункционального центра;
- 7 объектов коммунального хозяйства (1 газовая котельная, 3 трансформаторные подстанции, 2 участка тепловых сетей, 1 участок сетей водоотведения);
- 2 объекта культуры».

Объём работ огромный. Восстановить послевоенный Первомайск — это всё равно что восстановить наше Людиново или Боровск. Кроме бригад калужского минстроя, трудятся здесь и волонтеры. О них расскажу в другой раз.

Первомайск типичный прифронтовой город. Безлюдно. Редкие машины — военные. Пронесются, размахивая крыльями камуфляжных сеток. «Уралы», «КамАЗы», «Уазы». Вот и пригодились родные, отечественные марки автомобилей, а сколько и как ругали их. Их, правду сказать, и теперь ругают, и есть за что. Но, представьте, что их бы теперь, когда клюнул жареный петух, не оказалось...

Как свидетельствуют справочники, история Первомайска восходит к основанию посёлка Александровка, входившего тогда в состав Славяносербского уезда Екатеринославской губернии. Во второй половине XIX века здесь началась добыча каменного угля, в 1872 году открыт Петро-Марьевский рудник. Постепенно рудник и его посёлок поглотил Александровку. В 1920 году Петро-Марьевку переименовали в Первомайск. В 1938 году рабочий посёлок получил статус города районного подчинения.

В Великую Отечественную войну Первомайск был оккупирован немецкими войсками. Произошло это в июле 1942 года. Оккупация длилась год и два месяца. На здании администрации города мемориальная доска: «3 сентября 1943 года частями 266-й стрелковой дивизии 3-й гвардейской армии Юго-Западного фронта был освобожден г. Первомайск от немецко-фашистских захватчиков». 266-я стрелковая дивизия третьего формирования из числа Сталинградских. Формировалась в Куйбышеве и Сызрани. Именно там, на Волге, она начала свой боевой путь. Завершила в Берлине у рейхстага. Имела почётное наименование Артёмовско-Берлинской Краснознамённой, ордена Суворова. Отличилась в ходе Никопольско-Криворожской наступательной операции, во

время форсирования Днепра, затем Днестра, в дни боёв весной 1945 года на Кюстринском плацдарме.

Вокруг мемориальной доски пулевые пробоины, сколы кирпича. Следы событий июля 2014 года. Тогда Украина пыталась восстановить контроль над шахтёрским русским городом. Но казачий полк атамана Николая Козицына отбил все атаки ВСУ. Комендантом города был назначен Евгений Ищенко, который умело руководил обороной Первомайска, поддерживал здесь порядок, следил за исправной работой инфраструктуры. Личность неординарная, противоречивая. Позднее он погиб на трассе Первомайск—Лисичанск: его машину обстреляли неизвестные 23 января 2015 года. Об Ищенко в Первомайске рассказывают легенды.

Во время обороны в 2014 году город находился на линии огня и подвергся значительным разрушениям. Но оккупантов и нацистов из ВСУ шахтёры и казаки в свой дом не пустили. Пострадали жилые дома, здания городской инфраструктуры, предприятия. Их-то сейчас и восстанавливают калужане. В дни боёв 2014 года частично разрушены 285 многоквартирных домов; 80 — полностью. Характерно то, что артиллерийский огонь со стороны ВСУ особенно интенсивно вёлся по школам, как будто расчёты на той стороне получили приказ загнать детей Первомайска в подвалы и не выпускать их оттуда, и приказ этот ревностно исполнялся. Во время тех обстрелов погибло около 700 мирных жителей. Точной цифры пока ещё нет. Были дни, когда город оказывался под перекрёстным артиллерийским огнём. После подписания в феврале 2015 года Второго минского соглашения, которое в народе справедливо называют *позорным*, один из участков линии разграничения сил в Донбассе проходил по северо-западным предместьям города.

По данным последней «всеукраинской переписи населения», проведённой в 2001 году, население Первомайска составляли: 65,9 % — украинцы; 27,3 % — русские; 1,1 % — белорусы. Первомайск стоит на реке Лугань. Через город проходит ветка Дебальцево—Попасная Донецкой железной дороги. Той самой, где погибли подчинённые подполковника «Доброго» — старый артиллерист «Пихта» и его боевые товарищи.

Фронт от города недалеко. На северо-западе и западе тяжело погромыхивает. Идёт бой. Наши войска сдерживают атаки нацистов. На некоторых участках сами пытаются атаковать. Но пока, чтобы избежать излишних потерь, осторожно, локально.

Мёртвый город

Говорят, что некая комиссия специалистов, осмотрев разрушенный город Попасная, пришла к выводу, что восстановлению он не подлежит. Но как можно загадывать? Вернутся люди, и надо будет где-то жить, работать. Должна заработать и железная дорога, рельсы которой пока покрыты ржавчиной, а в тупиках разбитой станции стынут вагоны.

Не выходит из головы история погибшего гаубичного расчёта из дивизиона им. Маршала Г.К. Жукова. Подполковник «Добрый» рассказал, что в те дни старый артиллерист «Пихта» уже готовился к отправке домой. Из штаба объединённой группировки пришёл приказ: всех, кому исполнилось пятьдесят лет, демобилизовать и отправить по месту призыва. Но домой солдат так и не попал.

— Всё, что от него осталось, вместилось в пакет «Пятёрочки»...

Там же, возле воронки, оставленной первым «хаймерсом», в бетонном круглом колодце, лежит труп украинского солдата. Прележал он здесь больше года и, видимо, превратился в мумию. Головы не видно, одна нога в чёрном носке...

«Добрый» сказал, что убитых ВСУшников они прикапывают, где придётся, чтобы не сводили с ума трупным запахом. Запах разлагающейся человеческой плоти — это ещё один ужас войны. Он проникает всюду, пропитывает всё: воздух, листву лесополос, одежду, даже поверхность земли.

Когда мы остановились в центре Попасной, кто-то спросил одного из водителей, указав на груды кирпичей и бетонных плит, разбирали ли завалы, когда сапёры работали по извлечению мин, растяжек и других взрывоопасных предметов?

— Кто их будет сейчас разбирать? — ответил солдат. — Не до этого.

— Выходит, там, под обломками, могут быть погибшие?

— Не просто *могут быть*, а наверняка есть.

Потом нам сказали, чтобы ни в коем случае не сворачивали с дорог и тропинок в лесополосы, так как там могут быть мины.

— Одна растяжка осталась там, недалеко от казармы, где погибли наши, — сказал водитель. — Некогда её было снимать, к тому же поставлена она как-то хитро.

Да, разминировать освобождённую местность ещё предстоит. Хотя Попасная и станция считаются очищенными от мин. Но это, надо понимать, относительно. Возле руин казармы валяются два выстрела от ручного гранатомёта. Они

выпущены, хвостовое оперение раскрыто, но почему-то не взорвались, не сработали. Рядом снаряд от малокалиберной пушки. Наверняка полно всего собранного по территории и сваленного в колодец, где лежит тело украинского солдата. Придёт время и тело предадут земле, колодец очистят, взрывоопасные предметы соберут, обезвредят, лесополосы очистят. А пока идёт война. На западе гремит канонада.

Город Попасная — мёртвый город. Большинство домов в руинах. От некоторых остались одни фундаменты да часть первых этажей. Особенно сильно разрушен центр. Ожесточённые бои начались в марте 2022 года, когда наши войска пошли в наступление. В 2014 году, когда народ Донбасса восстал против «майдана» и бандеровщины, когда шахтёры и казаки взяли в руки оружие, город несколько раз переходил из рук в руки. В итоге нацисты всё же захватили Попасную. В 2022-м бои шли два месяца. ВСУ успели превратить его в крепость. Но дух, вооружение и боевая подготовка наступающих оказались выше. Оборону по обводу города, жилые кварталы, промышленные зоны и станцию атаковали вагнеровцы и чеченские формирования. Поддерживали их артиллерия и авиация наших вооружённых сил, в том числе и тяжёлый дивизион им. Маршала Г.К. Жукова.

Картина боёв ещё видна. Во дворах окопы, блиндажи. Окна первых этажей заложены кирпичом и блоками. Там и тут ДОУы, сложенные из артиллерийских ящиков, заполненных землёй. Россыпи стреляных гильз, они уже начинают покрываться ржавчиной.

Попасная и окрестности — место историческое. Здесь пролегал, как сказано в местных хрониках, «секретный казацкий шлях из Запорожской Сечи на Дон». Где-то здесь казаки прятали запасы продовольствия, «зелья» (пороха) и свинца. Вот почему так яростно за эти места дрались казаки атамана Козицына. Кровь своё берёт, у неё, у этой загадочной субстанции, долгая и глубокая память. Здесь же пролегал чумацкий шлях, откуда и название: в балке, прозванной Поповым Яром, чумаки во время перегонов распускали, пасли скот. *Выпас, попас* был вольным, хорошим. А ещё раньше, во времена Дикого Поля, по этим местам проходили в поисках лучших земель для проживания болгары, сарматы, скифы, печенег, половцы. «Сотни, если не тысячи лет, — говорится в тех же местных хрониках, — здесь проходили границы, которые объединяли и разъединяли народы, культуры и религии». Весной 2022-го «вагнеровцы» и подразделения Вооружённых Сил Российской Федерации в очередной раз в исто-

рии здешнего края смели границы раздора и погнали противника к Бахмуту, а потом закатали его в чернозём и кирпичный щебень и там.

Почему нацисты так упорно держались за Попасную?

Крупный транспортно-логистический узел, удобный для снабжения войск. Да и ландшафт для обороны выгодный — с холмов даль просматривается на десятки километров. Овладение Попасной открывало нашим войскам путь к окончательному освобождению Луганщины. Военные корреспонденты фиксировали обстоятельства весны 2022 года так: «Бандеровцами (при помощи спецов НАТО) населённый пункт был превращён в мощный укрепрайон, окружённый минными полями, с всевозможными инженерными сооружениями, железобетонными укрытиями на территории частных домовладений. Нашим приходилось вести сражения буквально за каждую улицу, каждый дом. Метр за метром». При этом накал боёв, их особенность, городскую специфику сравнивали со Сталинградом. Так и говорят: Сталинград Донбасса. Иногда: второй Мариуполь. И: город-призрак.

Полигон

Находится он в том самом Поповом Яру. Никаких сооружений. Балка, лесополоса и степь, изрытая оврагами. Линия условно поделена между подразделениями, которые дислоцированы здесь и время от времени отправляют подготовленные группы на передок. Стреляют здесь из всего: из автоматов, снайперских винтовок, гранатомётов, из пушек и пулемётов БМП и БМД. Гильзы на огневом рубеже лежат ковром. Под деревьями — трубы от гранатометов. Тренировки проходят энергично. Подошли, заняли огневой рубеж, отстрелялись и ушли. За их спиной уже другая группа. Тех, кто держал бы в руках автомат в первый раз, я не видел. Видимо, таких здесь вообще нет. Таких учат в глубине России, в областях.

Нас сменила небольшая группа бойцов из Белгородской области. Эти точно знают, за что воюют, зачем прибыли сюда. Человек шесть, точное их количество не запомнил. Автоматчики, пулемётчик, снайпер. У двоих или троих тубусы ручных гранатомётов за плечами. Нынешняя война сломала многие стереотипы. Уже не ходят в бой подразделениями: отделением, взводом, ротой. В основном действуют небольшими группами. Вот и эта, белгородская, должно быть, такая.

Спросил одного из них:

— Откуда?

— Из Губкина.

Город Губкин находится северо-восточнее Белгорода, но всё же недалеко отсюда. Бойцы, видимо, знают, что их родную землю, особенно западные районы — Валуйки, Шебекино нацисты обстреливают ракетами, разрушают дома, уничтожают инфраструктуру, убивают людей.

Передаю бойцу из Губкина свою книжку о своём земляке: командующем 13-й армией генерале Н.П. Пухове. Кратко поясню, о ком она. На его лице лёгкое удивление. Он листает её, благодарит пожатием руки. Возле машины я оглянулся, боец показал книгу своим товарищам и быстро засунул её в рюкзак. Ну вот, для такого, как он, она и издана. Пусть почитает о том, как отцы и деды разбирали в сорок третьем под Орлом на северном фесе Курской дуги немецкие моторизованные, пехотные и танковые дивизии. Как жгли «Пантеры» и «Тигры». Им, внукам и правнукам, тоже завтра в бой, и надо учиться, как половчее жечь «Леопарды», если те выкатятся на них.

Наши машины выбрались из Попова Яра и на скорости помчались по шоссе в сторону Первомайска. На полпути к городу остановились у блок-поста. Военная полиция проверяла документы и машины. Лица у проверяющих сосредоточенные, хмурые. Внимательно изучают наши паспорта и документы артиллеристов. Водителю задали несколько вопросов. Один из них:

— Что здесь нужно гражданским?

Мы пытались помочь артиллеристу, но на нас не обратили внимания. На лице офицера военной полиции в его резко очерченном профиле прочитывалось: вас, мол, не спрашивают. Потом спросили и нас. Вынесли наши мобильные телефоны. Они оказались отключенными. Я свой потом, до самого выезда домой, уже не включал. Телефоны здесь надо отключать, потому что ракетные удары нацисты очень часто корректируют, обнаруживая скопление мобильных устройств, даже если они не подают сигналы.

Перед тем, как вернуть телефоны, нас высадили, и мы шли мимо ДОТа, сооружённого на дороге бойцами военной полиции. ДОТ сложен из соснового кругляка, вверху в несколько накатов, и основательно засыпан землёй. Такой ни миной, ни снарядом не возьмёшь, разве что ракетой. И тут в одной из амбразур я увидел зелёное рыльце «Максима», характерный надульник. Вначале глазам своим не поверил. Кто-то из наших сказал:

— Смотрите! «Максим»!

Проходя мимо ДОТа, я заглянул в проём внутрь. Вот так дела! Музейная редкость к тому же была заряжена: из приёмника свисала лента с золотистыми патронами.

Говорят, где-то здесь были вскрыты армейские склады, где хранилось в том числе и стрелковое оружие времён Великой Отечественной войны. Мосинские винтовки, ручные пулеметы Дегтярёва, станковые «Максимы», противотанковые ружья, боеприпасы к ним. Один из ретро-пулемётов попал сюда. Видимо, полицейские изыали «трофей» у кого-то из лихих парней с передовой как сверхштатное и, по сути, неуставное оружие. В любом случае суровый вид «Максима», готового к бою, нас развеселил.

Полицейским я тоже оставил книгу о генерале Пухове. Вручил старшему наряда, как патрон, которого, единственного, как раз и не хватало в рожке его автомата. Не хлебом же единым... Он кивнул, хмурое его лицо расправила улыбка благодарности. Книга о командующем 13-й армией действительно — патрон. Служба у военной полиции напряжённая, нервная. Но не всегда же они будут торчать на блок-посту, сменятся, уедут в своё расположение, похлебают горяченького, сходят в баньку и на отдыхе, возможно, вспомнят, что на дороге какой-то чудак гражданский подарил им книжку-патрон...

Послесловие

Конечно, за один день невозможно увидеть и почувствовать и сотой доли той драмы, которая сейчас разыгрывается в Донбассе. Нельзя даже рассказать о всех встречах, о людях, с которыми довелось там, в Первомайске, в Попасной и на стрельбище в Поповом Яру познакомиться.

А ещё стоит рассказать о калужских строителях, о Курбане Ахмедове о том, как он восстанавливает православную церковь в Первомайске, как помогает инвалидам войны из местных наладить свой быт после возвращения из госпиталя, о Мхитаре Стамболцяне, которого все, в том числе и начальство, называют Михо, о Геннадии Селюжицком, который здесь с самого начала восстановительных работ и курирует все калужские объекты, где идёт стройка и ремонт.

Уже когда мы ехали от Ферзиково в Тарусу, Михаил Леонидович Голубев, словно чувствуя, о чём я напряжённо думаю, выдал такой монолог:

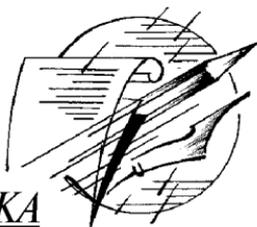
— Мы на правильном пути. Война рядом. Вся эта история длится с сорок первого года. И надо её завершать. Вы заметили: заехали мы на Луганщину чуть свет, а трубы заводов уже дымят — работают заводы! Оживает край! И огней в окнах домов стало больше. Будет победа! Будет!

Продолжение следует

ОСМЫСЛИТЬ ПРОИСХОДЯЩЕЕ В СТРАНЕ

В нынешнее тревожное военное время возникает естественное, дерзновенное желание обратиться к тому, что вечно, неповторимо, незаменимо, ценно и цельно. Угроза сохранению и развитию нашего государства существует сегодня ведь не только с внешней стороны. 13 миллионов населения Москвы на фоне запустения соседних областей центральной, исторической России создаёт очень тревожный дисбаланс, который в ближайшее время ещё отразится на экономике и экологии страны.

Лев Николаевич Гумилёв утверждал, что этнос — продолжение ландшафта. И верно, вся русская литература, музыка, изобразительное искусство — это тоже продолжение ландшафта, тональности, дыхания природы, воспитавшей (от слова «питать») национальный характер. Создано ли сегодня в русской литературе что-то подобное тому, что оставили нам «деревенщики» Николай Рубцов, Василий Белов, Валентин Распутин, Борис Можаев?.. О катастрофе урбанизации предупреждали нас мыслящие люди ещё в советское время, от философских киноработ Андрея Тарков-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ского до кинокартины «Деревья на асфальте» («Беларусь-фильм», 1984).

Куда бы я ни ехала, о чём бы ни писала, я смотрю на мир с той точки планеты, которая называется родовой землей, вотчина, отеческий край, родной кут... Для меня это Бельский и Ржевский уезды, где в XX веке на землях помещиков Олениных возник Оленинский район. На этой Смоленской и Тверской земле с десятком храмов, ведущих свою историю с XVII века, в ближайшем от нас старинном селе Молодой Туд — усадьбе Шереметевых — храм стоит на фундаменте литовской крепости. Рядом — родина «учителя века» С.А. Рачинского, чуть дальше — родина святителя Николая Японского, патриарха Тихона (Беллавина). Этим великих людей дала миру русская деревня, сельское пространство, неотделимое от храмовой культуры, соединявшей Небо и землю.

Этот западный край центральной России — ещё недавно кормилец и труженик — сегодня переживает не самые благополучные времена. Явный признак, симптом того, что происходит со всей страной, да и со всем миром.

Несколько лет назад Василий Стефанович Крылов, бывший руководитель Аграрной партии России, который всё понимал и знал о селе, приводил в своём докладе и в нашей беседе такие цифры: «Россия посеяла всего 50 тыс. гектар льна, а были годы, когда одна Тверская область сеяла 126 тыс. гектар».

По данным Росстата убыль населения России в 2021 году составила 945 тыс. человек, в 2022 году — 543 тысячи.

Можно сомневаться в цифрах статистических сборников, но есть пространство, для каждого своё, знакомое. Так вот, от 18 тысяч (в 1990 г.) населения Оленинского района Тверской области на 2021 год числится 11800.

Сегодня в Оленинском районе работает хозяйство СПК «Берёзка» и ещё три-четыре хозяйства из 25-ти крупных сельхозпредприятий, работавших до 1990-х годов. Не в укор местной власти, но лишь для представления реальной (общей для страны картины) перечислю, что в постсоветское время ликвидированы крупные, обслуживающие сельское хозяйство агропромышленные предприятия: Сельхозтехника, Агронаб, Сельхозхимия, Сельстрой, Сельэнерго, Межколхозстрой, крупнейшие в области Лыносемстанция и станция по травам, Козинское торфопредприятие. Из 4300 работающих в Оленинском районе в начале 1990-х годов в сельском хозяйстве осталось несколько сотен человек. По данным на 2017 год поголовье коров сократилось в 25 раз (по области в 16 раз), производство молока в 16 раз (по области в 4 раза). Мы

до сих пор не осознали, какое разрушение и какую демографическую проблему принесла ликвидация градообразующего Леспромхоза в Оленино — предприятия на 700 рабочих мест.

Ещё в дореволюционной психиатрии возникло понятие «скорбное бесчувствие» — это нечувствительность к тому или иному антигену, то есть к яду. Смотришь телевизор: хроника светской жизни, детективные сериалы, телешоу — всё это не имеет отношения ни к народной жизни, ни к военным событиям. А нам необходимо осмыслить и высказать свою трагедию — ведь что может быть страшнее запустения родовой земли. Внимая ужасам нынешней войны, понимаешь, как опасно ослабление России, как горят и осыпаются окраины страны, если ослабевает центр, сердце. И воюют сегодня за мир на Донбассе, как это было и в Великую Отечественную, и мои земляки.

Культурная политика идёт в этой же связи. Снова обращусь к сравнению. Моё поколение воспитывалось в 1980-е годы на самых лучших книгах мировой классики — Тютчев, Фет, Майков... Эта поэзия выстраивала душу, давала образное представление об истории Родины. А ещё каждый советский школьник знал Джанни Родари: «Чем пахнут ремёсла». Брошюры этих поэтов выходили миллионными тиражами в издательстве «Детская литература», и за копейки продавались во всех районных книжных магазинах. Кто-то может объяснить, ради чего сегодня даже из школьной программы исключают классику?

И, наконец, положение районных газет. Ещё в 1990-е, когда мне доводилось работать корреспондентом «районки», там обязательно были отведены страницы под очерки по истории края, творчество местных литераторов. Народ имел возможность переключаться на пространстве этих скромных СМИ, осмысливать себя и происходящее вокруг. Сегодняшние «районки», увы, переполнены до предела отчётами о работе чиновников. Отсюда — падение престижа профессии журналиста, сокращение и искажение культурного пространства в регионах.

Думаю, уместно будет привести пример соседних государств. Кто хоть раз за последние два десятилетия проезжал из Смоленской области в Витебскую и Могилёвскую, могли видеть разницу в отношении к сельскому хозяйству: засеянные поля Белоруссии и пустеющая земля Смоленщины. Бурьян и горы мусора на берегу Днепра в самом центре Смоленска и вовсе произвели на нас удручающее впечатление. Такое отношение к своей родине нам точно не простится ни на земле, ни в вечности.

По статистике с 1990-го по 2000-й численность населения в братской нам Белоруссии держалась 10 млн. Россия за это же десятилетие потеряла полтора миллиона из 148 млн. До СВО объём экспорта Белоруссии составлял 4 млрд. долларов, при сохранении качества продукции, как говорил мне в одной из наших бесед руководитель Аграрной партии России, уральский фермер В.А. Мельниченко. Приводил он и пример Польши, где в результате разумной аграрной политики страна не потеряла ни одного села, ни одной деревни, смогла сохранить пропорцию сёл и деревень. Не касаясь военной политики, просто возьмём на заметку, что в Польше за последние десятилетия создано два миллиона крестьянско-фермерских хозяйств, что позволило ей обогнать нас по производству сельскохозяйственной продукции.

В.А. Мельниченко так обозначает сферу локальной районной экономики: «В каждом районе завод по переработке молока, завод по переработке мяса, овощная база, в каждом районе МТС, которая обслуживает все крестьянские хозяйства, разработанный стандарт кормовой базы, разработанный стандарт молока и мяса, антибиотик только в крайнем случае, стимулятор роста запретить. Я практик и знаю, что могу поднять сельское хозяйство. В нашем посёлке в Свердловской области на 220 человек работала мельница, пекарня, сувенирный цех, цех подвесных потолков, цех выделки кож, литейный цех, мясокомбинат. У нас люди настолько были заняты делом, что полностью прекратилось пьянство, без помощи Чумака и Кашпировского».

Говоря о глобальных конструктивных предложениях для нынешней российской аграрной политики, нельзя не вспомнить выдающегося русского учёного — экономиста-эколога, общественного деятеля Михаила Яковлевича Лемешева (1927 — 2021) и сотни его научных статей, посвящённых решению важнейших социальных, экономических и экологических проблем развития России. Человеку, который первым выступил против «проекта века», намечавшего переброску части стока северных и сибирских рек, и смог поднять общественность, чтобы предотвратить зловещий замысел неслыханного разрушения природного и экономического потенциала России, нельзя не верить.

В наших беседах 2017 и 2020 годов Михаил Яковлевич подробно рассказывал о своём долго вынашиваемом проекте устройства 50-ти тысяч «экологических деревень», представляющих собой исторически оправдавшую себя систему расселения людей не в урбанизированных гетто, а на родной земле, веками дарившей человеку незаменимые блага жизни.

В частности, он говорил: «По замыслу предлагаемого мною проекта, в каждом таком поселении должно быть построено в среднем по 100 благоустроенных деревянных домов усадебного типа, общей жилой площадью не менее 100 квадратных метров, с русской печью, с баней, с подворьями. При каждом доме должен быть личный земельный участок размером 30 соток (0,3 гектара) для ведения огородного хозяйства, для возделывания плодового и декоративного сада, устройства цветников, газонных площадок...»

Реализация проекта, по расчётам М.Я. Лемешева, потребует 20 трл. рублей. По его проекту на эти средства должны быть построены «современные асфальтированные дороги от автомагистралей до каждой экологической деревни, а также внутрихозяйственная дорожная сеть; создана высококачественная жилищная бытовая и производственная инфраструктура, а также восстановлены промышленные и строительные производства, формирующие постиндустриальную материально-техническую базу АПК». М.Я. Лемешев предполагал срок строительства — 10 лет и ежегодное финансирование проекта в среднем в сумме 2 трл. рублей. Источником этих средств, по его мнению, которое разделяла депутат Государственной Думы Оксана Дмитриева, могло бы стать «введение прогрессивного налога на доходы незаконно разбогатевших так называемых олигархов и крупных чиновников, годовой бюджет которых составляет 24 трлн. рублей».

Михаил Яковлевич болел за нашу страну и видел в ней гарант стабильности не только для России. До своих 93-х лет он сохранял феноменальную память, стратегическое мышление, осведомлённость во всех вопросах экономики. Наша беседа от 28.09.2020 года, за три месяца до его кончины, так и называлась «Колонизация России приведёт к катастрофе всего мира».

Если российские власти не осмыслят, что происходит в стране, то это сделают другие люди. И наша история, наша земля не будет уже принадлежать нам. Не хочется в это верить.

КОЛЛЕКЦИОНЕР ВЕЛОСИПЕДОВ

РАССКАЗ

Мне надо было отвезти двоюродному брату в Степановку три дедовских улья. Это были глухие фанерные ящики с каркасом из тонких планок; в каждый помещалось по четыре рамки, сверху нахлобучивалась деревянная крышка. Они предназначались для перевозки пчёл. Меня удивляло, насколько старательно, расчётливо и точно всё было приложено. Каждую дощечку дед сам отмерил и выстругал, в каждой рамке проткнул шилом отверстия и вставил стальную проволочку, чтобы держалась вошина...

Всякий раз я молча сетовал, что ульи занимают слишком много места в гараже, и всякий раз мне казалось, что они хранят тепло его рук, что сделаны будто вчера, всякий раз вставало передо мной детство, а потому выбросить их не поднималась рука. Дед говорил, что «пчёликов» (так он часто выражался) в этих ящиках можно даже пересылать по почте, но, как помнится, никогда этого не делал. Сколько лет прошло, а внутри они ещё пахли воском, воскрешая облик дорого мне человека, а с ним — самые первые памятные годы жизни.

ПРОЗА

Только на старинных фотографиях увидишь мужчин с такими же усами, как у деда, когда их острые кончики закручивались вверх. Наверно, он их чем-то закреплял, чтобы держали форму. А ведь это был конец девяносто семидесятых. В восьмидесятом дед умер. Я как раз тогда пошёл в школу... Усы у деда были жёлтыми от махорки, лицо морщинистое, как расцарапанное, голова совершенно лысая... Дед любил крепкий табак, сам его сажал и сушил, но курил и папиросы. Он всегда что-то делал. У него всегда что-то было в руках: толстая иголка для валенок (ушло и это искусство — подшивать валенки), стамеска, молоток, складной метр, рубанок...

Словом, отдать эти переносные улы в «добрые руки» было единственным способом освободить место в гараже. Брат приспособит или кому-нибудь передарит. И я решил: найму такси, сбегрю их, переночую, почешу языком, дёрнем грамм по сто пятьдесят самогонки с дубовым листом (у брата всегда есть). Утром вернусь домой автобусом налегке. Сам я машину не водил. Отец построил гараж для мотоцикла с коляской, а заодно использовал как обычный хозяйственный сарай. Мотоцикл уже давно был продан...

Таксист был мужчина коренастый, крепкий, как мне показалось поначалу, скорей в груди, в руках, не в разлёте плеч (я готов назвать их даже узкими). Если ухватить его обеими руками за шею, не очень-то получится пригнуть, он сумеет распрямиться и вырваться. При неторопливых движениях в нём ощущался прочный запас физической силы. Выглядел он молодо; только потом, разговорившись в машине, я понял, что он почти мой ровесник, может, чуть моложе. Короткая стрижка, виски острым сапожком, открытый лоб, лёгкая седина, гладкое лицо — ну максимум лет сорок пять, а на деле, как выяснилось, пятьдесят с небольшим плюсом. Советское время он хорошо помнил... Наша юность пришлась на его закат.

Шофёра звали Михаил. Он помог мне погрузить ящики в багажник.

Люди делятся на две категории. Одни легко и непринуждённо умеют болтать с шофёром и всегда найдут повод и тему — рыбалка, футбол, отношения с родственниками... Я принадлежу ко второй. Я всегда молчу. Мы проехали минут пять, не проронив ни слова. Но тот вопрос, который Михаил мне задал, видимо, давно не давал ему покоя.

— Представьте, — спросил он ни с того ни с сего, — вы договорились с человеком, что продадите ему какую-то вещь. За тыщу. Тут появляется другой и готов её купить за две. Как вы поступите?

Признаться, я оторопел. Слишком неожиданный повод для разговора. Сказать «не знаю»? Вряд ли это лучший ответ.

— Я бы продал эту вещь тому, кто обратился ко мне первым.

Михаил цокнул языком.

— Мне в руки попали старые шахматные часы. Деревянный корпус, лаком покрыт, две кнопочки вверху... Я их починил. Решил продать. Это можно легко через интернет: выложил фото, подготовил описание, указал цену... Нашёлся покупатель, тоже коллекционер. А на следующий день пишет мне другой, откуда-то аж из Приморского края. Предлагает вдвое больше.

— И вы...

— Я отказал ему. Он написал мне, что я дурак. Ну, этого слова он, конечно, не употребил, но смысл был именно такой...

Наверно, таксисты тоже делятся на две категории: одни общаются с пассажиром на любую тему и совершенно свободно, другие держатся обычных рамок: ты — слово, тебе — слово, ты два, тебе два... Михаилу явно хотелось выплеснуть что накопилось на душе. Эта история с часами, должно быть, случилась недавно, может, вчера. Она его очень задела. Он носит её в себе. Я подумал, что надо выразить сочувствие.

— Тут есть какой-то элемент судьбы, — нашёлся я: — Значит, нужно, чтобы часы были у того человека, который отозвался первым.

Михаил оставался задумчивым. Было непонятно, согласен ли он со мной.

— Я давно осознал: не все люди такие, как ты, с принципом: если пообещал, сделай. Нужно поправочку помнить: хотя договорился с человеком, не факт, что будет именно так. Ты один, а он другой.

У меня запершило в горле. Двадцать пять лет дружу с хроническим фарингитом. Нет года без обострений. Но осень стояла ранняя, ещё тёплая, и все прелести этой болезни были впереди. Я достал из пакета бутылку воды и отпил глоток.

— Я вот так вожу людей уже лет пятнадцать, — продолжил Михаил: — вожу и думаю, какие они все разные. Вот недавно ездил в Ковригин. Звонит мужчина: «У меня есть велосипед». Приезжаю к нему домой. Старый ржавый велосипед. «Я хочу за него 50 тысяч».

— Ничего себе!

— Я понимаю человека. Деньги всем нужны. Но я... Когда комплектуешь велосипед, цены-то знаешь. И вот начинаешь общаться: как же, мол, так — дороговато? «А вот так» —

отвечает он. Без объяснений. Очень резко. Не хочешь — не покупай.

— И не продал?

— Согласился на пять.

— А просил пятьдесят. Что же его подвигло?

— Вот это-то и загадка. И он, когда просил пятьдесят, уже знал наперёд, что продаст дешевле. Поупираться надо. Некоторые это любят. Но что-то ещё за этим есть... Говорит вдруг: ты мне понравился, есть у тебя какой-то огонь. Не знаю, что он имел в виду. Я действительно азартный человек, когда дело доходит до велосипедов.

— Простите, а что вы с ними делаете?

— Коллекционирую. Старые советские велосипеды. Чаше всего их приходится собирать по частям. Далеко не всегда можно отыскать полностью сохранившийся велосипед. Нужно, чтобы все детали были аутентичные, что называется. Тех же лет. Дело вовсе не в том, чтобы, скажем, закрутить болтики, а в том, чтобы эти самые болтики были от такого же велосипеда. Их уже не купишь в магазине.

Я никогда не встречал человека с таким увлечением. Оно меня искренне удивило. Заметил ли это Михаил, не знаю, но вдумываясь в услышанный рассказ, я чувствовал, что надо ему дать понять, что я на стороне собеседника. Не находя слов, я выпалил, как мне показалось, глупость:

— То есть, совсем «убитый» велик тоже может пригодиться?

— Конечно. Предстоит ремонт. Всю ржавчину надо вывести. Это делается с помощью лимонной кислоты, растворённой в воде. Вы видели старый советский фильм «Серёжа»?

— Нет, не помню.

— Там играет Бондарчук-старший. Роль отчима... У него сын Серёжа. Он ему купил велосипед «Ветерок». Он предназначен для детей от пяти до восьми лет. Я нашёл такой же. Это был кусок ржавчины. Мне удалось его полностью восстановить. Случается, что вместо болта прежний хозяин вогнал гвоздь. А этот мужик из Ковригина... У него на велосипеде стояли покрышки начала пятидесятых годов. И он на них... Понимаю, что он обычный человек, что ему до этого нет дела, и я сам также отношусь к некоторым вещам. Он их взял и армированными нитками заштопал! И ездить умудрялся на них! Я говорю: «Что же вы делаете?! Этим покрышкам семьдесят лет! Неужели вы не могли их заменить?» Он рукой машет: «Да мне всё равно». Это был Харьковский велосипедный завод, ХВЗ. Женский велик, модель В-22. А их стали делать на ХВЗ только с 1947 года. И был порядковый

номер на раме. Их ставили подряд: один, два, сто тысяч один, сто тысяч два... На этой раме был номер 936. Если учесть, что в год их выпускали по сто тысяч, то...

— Это один из первых, — подхватил я.

— Именно.

— А как же вы людей находите, кто готов продать?

— Размещаю объявления, оставляю телефон. Звонят. Вот недавно приобрёл «Школьник», тоже пятидесятые годы. Человек разбирает хлам в сарае. В прекрасной форме велик. Купил за тысячу. Я говорю — люди разные. Другой мужчина звонит: ничего, мол, в велосипедах не понимаю, но вижу: это старый. Договорились встретиться вечером. Приезжаю. Трёхэтажный коттедж. Он подруливает на машине, белый джип «Ягуар». Если это новая машина, она стоит миллиона два с половиной. Но у него не новая модель... Открывает калитку. Велосипед лежит на траве, рядом одно колесо, но не от него. «Тебе нужен?» Я онемел. Это немецкий велосипед 1934 года! И тут же ещё колесо, оно подошло на наш советский МД. «Скажите, пожалуйста, откуда это у вас». — «Этот велосипед привез мой папа из Берлина. Берёшь?» — «Конечно!» — «Ну забирай». — «А по поводу денег?» И, не дожидаясь ответа, предлагаю наобум тысячу. Это мало. Это смешно. Он: «Как хочешь. Можешь даром взять». Ему всё равно, чувствую. Люди разные... Это был «Диамант», женский. Но наши люди после войны не придавали тому значения, и его папа на велосипеде с женской рамой катался. А прошло время, и на ХВЗ стали делать точь-в-точь такой же. Я видел военные фотографии, где целые горы велосипедов... Иногда находишь велик: шестерёнка от одного, сиденье от другого, руль вообще непонятно от чего. Надо было на чём-то ездить после войны.

Меня располагала его невозмутимость — свойство людей уравновешенных, от природы самодостаточных и мирных — которую вытеснял и побеждал тот кипучий азарт, с которым говорят о любимом деле. О деле, что переросло в страсть. Сыграть это невозможно. Мне тоже захотелось поделиться с ним чем-то очень личным. Когда-то я ездил на старом отцовском велике, но меня совершенно не интересовало, где он сделан. Впереди под рулём была какая-то блямба с эмблемой завода. Совершенно не помню, что там было изображено. У велосипеда проржавела рама — в самом низу у заднего колеса. Проржавела изнутри, и это стало заметно только тогда, когда железо треснуло. Наверно, опытный сварщик мог бы всё починить, но проще купить новый. Я отвёз велосипед к мусорным контейнерам. Сейчас, в дороге, эта уже не существующая двухколёсная машина стала той единственной

вещью, что нас объединила. Но, наверное, ещё и то, что я сам стал в каком-то смысле коллекционером. За годы я собрал хорошую подборку фотографий разрушенных церквей. Их в области много. Надо сдать её в архив. Может, возьмут...

И меня понесло.

Я рассказал о том, как в детстве дед взял меня с собой в деревню, где он родился. Там стоял разрушенный храм. Он запомнился мне огромным гнездом аиста на куполе со сбитой маковкой — символом чего-то неведомого, точкой, где сливаются воедино прошлое и настоящее, отжившее и начало чего-то нового... Когда мне стукнуло тридцать, я изучал карту области, стараясь отыскать дорогу туда, чтобы вернуться к памятным местам и детским впечатлениям. Я обратил внимание, что многие деревни и сёла, кроме обычных рассыпчатых черных квадратиков и прямоугольничков, обозначены крестиком. Это значит, что там есть церковь: или действующая, или разрушенная. Для туриста — важный ориентир. Если от села к селу идет тонкая черная змейка — это дорога без покрытия. Либо тропа. Свои обозначения существуют для асфальтовых, щебёночных, широких грунтовых дорог. Я подумал: прикинув по карте, как лучше проехать от одного села к другому, третьему, и составив маршрут, можно совершить интересную прогулку, взяв, разумеется, запас еды в рюкзак, воду и фотоаппарат. Потом за свой туристский опыт я убедился, что все общедоступные карты наших областей созданы для шпионов. И там, где обозначено роскошное асфальтовое шоссе, находишь порой такую тропинку, что она и вовсе теряется под велосипедным колесом. Едешь, не зная куда, выискивая на горизонте силосные башни, верхушки церковных колоколен или ещё что-то, говорящее о присутствии человека.

Возвращение к детству, стремление побывать снова на родине деда — это само собой. Но ещё, как понимаю сейчас, вело меня ощущение связи времен, возможность побыть один на один с прошлым, пусть минуту. Всё это — моя земля. Я здесь дома. Эти руины — мне в наследство. Влекло чувство тайной сопричастности с тем, что ушло и не вернётся. И тайна дорог, конечно, тех мест, где не бывал. И ещё одна тайна — старый вопрос о том, что свыше задумано о России? До него я дозрел, уже окончив аспирантуру, начав преподавать. Тут ответить можно (если вообще можно) только после многих дорог, проложенных по стране. Мои велосипедные дороги, мною намеченные и мною открытые, были дорогами ко мне, к познанию себя. Меня не удивляет, что мои студенты не задумываются над этим. Я не социолог, я биолог, диссертация у

меня была о нересте европейского угря. Дело в возрасте. Всё придёт с годами, если сердце открыто...

Словом, дедовскую деревню я отыскал, но кроме неё наметил ещё несколько маршрутов — от крестика к крестику. И за руль.

Я рассказал про первую поездку, как сошёл с электрички на серую полосу асфальта на станции Дяглёвка, где два человека едва могли поместиться, стоя плечо к плечу. Михаил слушал, не перебивая. В самом её конце, где закончился столетний шербатый асфальт, отыскалась тропинка, уходившая в поле. Я поехал по ней. В небе над горизонтом уже показалось солнце — кем-то забытая круглая красная лампа. Когда оно поднялось выше, начало беспощадно палить.

— Вот что я тогда не предусмотрел — велосипедные перчатки. Ладони, когда ты держишь руль, могут так обгореть, что кожа слезает...

Мне нужно было добраться до автотрассы на Москву, пересечь её и попасть в село Бокатово. Не прошло и часа — и я у маленькой кирпичной церкви. Под её окнами росла жимолость. Рядом оказалось кладбище. Деревенские дома чуть в стороне, будто прячутся за деревьями от этих руин, от прошлого... Из Бокатова по бетонке доезжаю до Куракина и там нахожу поворот на село Гришово. Вторая церковная точка маршрута. Дорога усыпана щебёнкой. Храм без колокольни. Архитектура заурядная: восьмерик на четверике. Внутри у стены разбитая ржавая коробка электрошита. Вход в алтарь заложен относительно свежим кирпичом. На стенах по синей штукатурке, сильно потемневшей от времени, — вереница надписей. Имена. Почему-то чаще всего на стенах пустых церквей пишут имена. Людми движет подсознательное ощущение бессмертия и страх исчезнуть с земли, отсюда это стремление увековечить себя.

В Сенино бросилась в алтаре в глаза самодельная мемориальная доска, металлокерамика с портретом бородатого человека в чёрном пальто и шляпе с широкими полями. «Чистяков Пимен Васильевич — последний священник этого Храма, — сообщила надпись рядом, и слово «храм» было написано с большой буквы. — Расстрелян 15 декабря 1937 г.». Рядом с ней висел пластмассовый венок искусственных цветов. Сбоку на уровне окон в кирпичной нише стояла принесенная кем-то стеклянная банка с водой и цветами. Я встречал похожее в других местах. В Подкопаеве, зайдя в алтарь, увидел покрытый белой тканью стол, на нем цветы и яблоки, а рядом большой деревянный крест, украшенный иконками. Всё это посреди битых кирпичей, покрытого пылью штабеля

дошатах поддонов и ржавых тракторных траков, гулкой тишины, запаха химических удобрений. В четверике — единственная надпись синей краской: «Коммунисты, спасите Россию». Кто это мог сделать и зачем? Человек пришел в храм со своей болью и поделился ею с церковной стеной...

— Можно сказать, велосипедный туризм. Километров 60—70, а то и 80 в день, потом неделя на работе. Спорт не спорт, отдых не отдых...

— И то и другое, — отозвался Михаил и усмехнулся. — Педали крутить непросто.

— В горку можно пешком идти. С горки ехать.

— Я познакомился с одной пожилой парой, они с мужем проехали на велосипеде Каракумы. Сами они русские, но долго жили в Ташкенте. Потом стали вместе книги писать. Я их возил в Москву в издательство. Они сидят на заднем сиденье и всё обговаривают, какая обложка и так далее. И мне интересно слушать таких людей, хотя я понимаю, что я... не на том уровне. Я часто их возил. Один раз, помню, жена ему говорит: «Оставь ты Клеопатру Валентиновну живой». Я сначала не понял, о чём речь. Потом дошло — это о книге! «Не могу». — «Ну пожалуйста!» — «Нельзя!» За те два года сколько я интересного узнал! Вообще о жизни. Вот что человека делает человеком? Отзывчивость, наверно. Жалость. Всегда ли жалость — слабость?

На его вопрос я не знал ответа и заговорил о другом.

— Так и не знаю, какой велосипед был у отца. Помню, весь чёрный. Сиденье новое, он его менял, отдельно покупал...

— Они в основном все были черные. Нет, и бирюзовые были, разных цветов, но в основном черные... Вот один случай. Звонок. Разговор о какой-то детали велосипеда, которая стоит очень много. Это в основном покрышки. У меня три покрышки 1938 года в гараже висят на стене. Треугольное клеймо: серп, молот, звезда, надписи: «Москва», «СССР». У нас резиновая промышленность ближе к войне сложилась окончательно, были заводы «Красный богатырь», Ярославский резиноасбестовый комбинат, «Красный резинщик» в Киеве. Раньше приходилось в Англии покупать. Люди что-то находят у себя, но моя тема им сердце никак не будоражит. А деньги — да. Но не все такие. Так вот, позвонила одна бабушка, даже заплакала. «Сынок, хочу продать велосипед. Была молодой, мне его подарил тесть. Так что советский он точно». Договорились. Надо ехать в райцентр, 90 километров. Сама она живёт в Рязани, а велосипед у неё в другом городе, там она бывает изредка. Старенький дом. Заходим в

сенцы. Я смотрю: да, редкий старый велосипед. И я понимаю, что передо мной! «Сколько вы хотите?» - спрашиваю. Она мне: «Только 580 рублей. Это стоимость билетов сюда и обратно». Я чуть не матом: «Вы о чём! Он значительно дороже!» А у неё слёзы. У неё воспоминания. Она на нём ездила. Она говорит, что почтальонкой работала, с огромной сумкой гоняла от деревни к деревне... Это для неё больше чем велосипед, и она мне его — даром. Я понимаю, что для человека в «Ягуаре» немецкий велосипед — тоже больше чем велосипед, но он не берёт денег, потому что ему хватает, ему не надо. А она... Почему? Я говорю: «Не переживайте. Он попадет в хорошие руки, будет обут и одет». Это был велосипед шестидесятых годов с двойной рамой. Он назывался МВЗ...

— Сразу угадываю: Московский велосипедный завод.

— У неё другой МВЗ или, точнее, ММВЗ. Минский мотоциклетно-велосипедный завод. Этот велик был экспериментальный: мужская рама, перекладина вверх, под ней параллельно ещё одна. Ну, две трубы. 1963 год. В прекрасной форме. Это необычайная редкость. Тут видно: ухаживали заботливые руки. Руль — вообще хром. Не поржавел, ничего... Люди ведь обращаются с техникой как попало, лишь бы ездил... Я смог ей дать только 600 рублей, набралось без сдачи. Больше она не взяла. «Ты молодой, тебе нужней». Я возражаю: «Вот пока я молодой, ещё заработаю». Нет, не переспорил. А кто-то за ржавую железку, за деталь, которая совсем не редкая, запросит бешеные деньги. Тогда хочется обыграть этого человека. А та бабулька — в старом пиджаке от мужского костюма-тройки... Ну что тут!

Справа мелькнуло тусклое озерцо, к которому в беспорядке бежали по полям молодые ёлочки; вдали по-прежнему неровной старой стеной тянулся непроницаемый лес, таинственный и мрачный. Мало-помалу он стал потом удаляться от нас, открывая горизонт. Солнце шло вверх над машиной. Стало заметно теплей, чем утром.

— В женском варианте могут быть разные рамы, — продолжил Михаил. — С изгибом, посимпатичней. Сиденье другое, там три пружины. И педальки меньше. Число зубиков на звезде меньше, чтобы легче крутить.

— И скорость будет поменьше.

— У заднего колеса делали очень красивую узорчатую сетку, которая его прикрывала. Это чтобы юбка не попадала в спицы.

— Интересно.

— Эту сетку очень трудно найти... У меня была пара разочарований. Вот сижу в интернете. Какой-то парень пишет:

лежал велосипед в сарае, выставляю на продажу. В отличной форме женский ХВЗ с сеткой.

— ХВЗ — Харьковский велосипедный завод.

— Именно так. Время было полдвенадцатого. Думаю, поздно звонить. Набираю номер утром, он трубку не берёт. Прошло часа три-четыре. Ответил. Я: «Хочу приобрести ваш велосипед». Он: «Ах, если б вы час назад позвонили, а так я его уже продал». А сам он живет в Моздоке.

— Вас расстояние не смущает? Осетия далеко.

— Нет. Ради того, что он предлагал, стоило поехать... Знаете, тут самое трудное — не расстояние. Трудно найти, но ещё труднее ждать. Вот общаешься с человеком. Он говорит: у меня на чердаке стоит велосипед. Старый. Довоенный. Но посмотреть его можно будет через три месяца. Я сейчас занят, я сейчас в отъезде... «Вы меня убиваете, я не смогу столько ждать!» Каждый день ты с этой мыслью встаешь и ложишься: где-то есть довоенный велосипед, непонятно какой. Проходят три месяца. Звонишь этому человеку. А он говорит, что уже продал... Я очень близко к сердцу всё это принимаю. Вот и голова белая становится. Сто дней об этом думал. Но, как говорится, издержки профессии.

— Примерно тот же случай, что был у вас с часами.

— Хуже. А ещё бывает, общаешься с человеком и двадцать раз ему объясняешь: мне нужны старые велосипеды, ЭС-ЭС-ЭС-ЭР. Не Россия. Он говорит: у меня кнопочный телефон, не могу тебе фотографию прислать. Но он старый, это точно. Я ещё повторяю: «ЭС-ЭС-ЭС-ЭР. Помните, государство было такое? Понимаете, о чем я говорю?» — «Да». Ну, хорошо. Приезжаю. «Где, быстрее показывайте!». Он отрывает чулан, а там лежит китайский велосипед, которому года три.

— Это ведь не неопытность, это какое-то пренебрежение.

— Поди разгадай человека.

У меня снова запершило в горле. Отпив немного воды, я брякнул первое, что пришло в голову:

— В советское время использовался другой металл. Качество было другое.

— Никакого сравнения. Чтобы раму согнуть, не знаю, что с ней надо сделать. Но тут — смотря как относиться к технике. Можно и на китайской машине проехать долго. Любить её надо. Любое дело движется любовью. В молодости я занимался спортом. Уже тогда понял: если этим не болеть, не быть фанатом, никакого результата не будет. Поэтому я велосипедами так болен... Но в моём случае это, наверно, ещё ностальгия. В школе я ничего не коллекционировал, ни марки, ни значки. Лет шесть тому назад случайно увидел, как ог-

ромная машина ломает стальными клещами старый сарай. Захватывает всё в горсть и превращает в труху. А там, в сарае, множество ненужных никому вещей. Я увидел машину детскую. Железную. Сядишься в неё, ногами крутишь педали, руками — руль. И можно ехать. Я вдруг подумал: а ведь меня же была такая игрушка! Это исчезает. Это несправедливо... И — что-то ёкнуло. Представьте себе советскую машинку из железа. Её не будет больше никогда! Между тем это наша история.

Мне вспомнились где-то услышанные слова «материальная память». Я кивнул, но ничего не произнёс вслух, а Михаил помолчал и продолжил:

— Когда я увлёкся велосипедами, меня как будто волна с головой накрыла. Я стал счастливым. Мне хотелось идти по улице, улыбаться всем и говорить: ребята, собирайте что-нибудь, это круто, это классно! Вы почувствуете вкус жизни, вы захотите жить! Эх! Да, наверно, и это начнёт приедаться. Это — как любимый фрукт, как тот же апельсин. Если есть каждый день, то... Нужно давать себе передышку. У меня жена уже знает, что такое шильдик, втулка, флиппер, грипсы...

— Шильдик — это...

— В девятьсот пятидесятые и шестидесятые годы впереди руля на раме крепилась железочка-эмблема. Она называется шильдик. На ней указывался завод. Потом отказались — зачем тратить металл на красоту? Появились обычные наклейки. Сиденья были из кожи. На них стояло название фабрики. Были ручки из резины на руле — грипсы. Всё это очень сложно найти. А заводов было много: Пензенский велосипедный завод — ПВЗ, завод имени Сталина — ЗИС, завод имени Фрунзе — ЗИФ. Велосипеды МД-1, мужской дорожный, их делал Московский велосипедный завод — МВЗ, в конце обязательно указывалось: «Москва». А кроме него тот же Харьковский и Пензенский. У него своеобразная форма руля. Особая система задней втулки — «иди».

Михаил произнёс это слово с ударением на первом «и», оторвал правую ладонь от руля и очертил указательным пальцем круг:

— Чтобы затормозить, нужно крутить педали в обратную сторону. А был ещё ДД-1 — дамский дорожный... Эти велосипеды выпускали до войны. Чем ценен такой велосипед? Во-первых, он её пережил. Во-вторых, он пережил пионеров, которые всё подряд сдавали по заданию школ в металлолом. В-третьих, это подлинная мощь. У него рама, как у меня рука. Толстая. Он красивый. На него очень трудно достать резину.

Она давным-давно не выпускается. До наших дней она бы дожила чудом, она сгниёт сама по себе за восемьдесят с лишним лет. На ней нельзя будет ездить, даже если достать.

Мелькнул пост автоинспекции с асфальтовой площадкой для стоянки машин, по ней шла одинокая кошка. Её, наверно, здесь подкармливали, хотя странно видеть кошек вдали от человеческого жилья. На обочине росла рябина, уже облетевшая полностью, но вся в коралловых бусинах ягод, как легкомысленная женщина...

— А ещё моё увлечение поддерживают люди. Кому-то не с кем поговорить. Одинокий старик, бабулька, дети живут где-то отдельно... И ностальгия по Советскому Союзу. Есть она у меня. Мне один человек говорит: «Посмотри на СССР другими глазами, без розовых очков». Но меня влечет не коммунистический строй, а жизнь простых людей и их взаимоотношения. Я, знаете, смотрю много фильмов. Но только советские. Да. Есть показуха. «Кубанские казаки». Но — какие-то все там энергичные, бодрые, жизнерадостные, есть желание куда-то идти. Пусть к строительству коммунизма. Но ты движешься! Ты знаешь, что впереди! Есть идеал человека. Хочешь чего-то добиться, поставь перед собой несбыточную цель.

Машина летела вперёд. Я увидел автобусную остановку и девушку на обочине. Она стояла в красном пальто. Таким бывает в октябре лист калины или дикого винограда: если присмотреться, можно под этим красным цветом, дерзко ярким, различить прежний зелёный... Осеннее солнце било в глаза из-за её спины. Она была без шапки, без платка, а во что обута, я не успел заметить. Девушка проводила нас глазами и не проголосовала, не подняла руки.

— Вот что она тут делает? Кто она? — Михаил как будто забыл о велосипедах. — Что она за человек? В деревне всегда есть дела. Сено косить, дрова привезти... Но, допустим, она здесь живёт. Вошла в дом, села, покушала, что дальше?

Он говорил, не требуя от меня ответа. Мне вспомнился сборник логических загадок, который был у меня в советском детстве. Там, например, по картинке, где нарисована палатка, костёр, разбросанные вокруг рюкзаки, надо было угадать и обосновать, сколько туристов остановилось на опушке леса, в какую сторону дует ветер, и течёт река. Картинка содержит подсказки, нужно их увидеть и осознать. Туристы ловят рыбу, и на течение укажет поплавок удочки. Случайный человек, на которого можно было не обратить внимания, был для Михаила такой же увлекательной загадкой. Эта девушка, одетая не по-деревенски, можно даже сказать, слиш-

ком броско, стоящая на фоне уходящих до горизонта облетающих берёз, могла бы быть нарисована в такой же книге. В самом деле, кто она, куда ей надо ехать? И надо ли?

— Наверно, она пришла к кому-то, — произнёс я скорей от того, что не испытывал интереса.

Михаил молчал. Заговорил он снова с той же ровной задумчивостью, от которой его речь обретала оттенок философской созерцательности.

— Я много людей встречал. Всегда попадаются те, кто выкинет что-то такое, чего ты никак не ждёшь. Что такое хороший человек? Это который пообещал и сделал. Полгода каждую субботу я договаривался с женщиной, что поеду к ней в деревню за велосипедом. И каждый раз всё отменялось. В пятницу звоню, намечаем время на субботу. «Точно?» — «Точно!». Звоню утром: телефон выключен. Не еду. Звоню в понедельник... И всё начинается по-новому, как ни в чём не бывало! «Мы же договаривались». — «А у меня дела были...» Что за дела, я не спрашиваю. Я был очень удивлён такой... простотой. Не перестаёшь удивляться характерам. Но... Вот положительный пример. С парнем из Томска списался. И ему тоже предлагали больше денег за велосипед, который он продавал. Он отказался, я был первым. Я говорю ему: «Давайте за ваше такое отношение ко мне я заплачу вам больше».

— А он?

— Он: «Дело ваше, мне трудно возражать».

— Человек виден в его отношении к деньгам.

— В пандемию подрабатывал доставкой товаров на дом. Кто-то сидит дома, решил ремонт сделать, везу стройматериалы... Стиральную машину возил. А один раз — губки. Обычные губки — мыть посуду. Упаковка, десять штук. Больше ничего. Они стоят копейки, но сама доставка 700 рублей. Так и остался для меня загадкой тот человек, что их купил.

— Деньги некуда девать.

— Ну, может быть...

Я почувствовал, что Михаил не то чтобы не согласен, но допускает другое объяснение. Это ведь самое простое, что можно было предположить, пусть и звучит грубовато. Минуту мы ехали молча.

— Полгода назад одна бабушка подарила мне мешочек. Там были фантики от конфет. Я их не собираю, но почему-то она решила передать их мне. Она была маленькой девочкой, когда началась война. В тот городок, где она жила, немцы вступили поздней осенью. Это было где-то под Москвой. Их выбили на самый Новый год. А им уже пришли подарки из Германии. Она подобрала мешочек с немецкими конфетами

в каком-то доме, где размещалась при оккупации комендатура. Так она рассказала. Конфеты, понятно, съела. Но фантики и мешочек хранила всю жизнь. Как память.

— Как сувенир.

— Это было для неё больше, чем сувенир.

— Да. Я не знаю, какое слово тут подойдёт.

— Тут эпоха, в этих фантиках. Тут судьба.

Мы промчались мимо автобусной остановки. Она напоминала палатку без прилавка, её выкрасили, наверно, этим летом: краска была новая, ярко-зелёная. Одна стена сбоку — сваренные между собой листы железа, на другой среди горизонтальных полос в особом квадрате выделялась огромная буква «А». Справа на пустом поле, уходящем за горизонт, лежали рулоны соломы — одинаковые огромные катушки для непонятной игры, разбросанные где придётся на странной одноцветной доске. К полю, изгибаясь серпом, слева примыкал берёзовый лес. Он был редкий, подступал и к дороге; отдельные деревья выбежали к самой обочине, окружив полуразрушенный бревенчатый дом. Крыша у него сползла набок, квадратные глазницы разбитых окон смотрели на шоссе. Другим признаком человеческой жизни были возле остановки густые заросли высоких сиренево-лиловых цветов. Их зовут октябринками или сентябринками, а правильной — новобельгийская астра.

— Обожаю старые дома в деревнях, — задумчиво произнёс Михаил. — Это же не воровство, если туда забраться. На обратной дороге посмотрю. Вдруг найдешь что-нибудь вроде ржавого седла. Всё открыто, замка нет, до меня там уже побывало сто человек... Я вот так иногда еду, останавливаюсь и... Бывает, проедешь мимо, а потом месяца через два глядь, вместо этого домика уже стоит маленький магазинчик. И становится жалко.

Я кивнул в знак согласия. Мне вспомнилось, как в детстве, когда дед взял меня с собой в деревню, я забрался в такой же брошенный дом и нашёл пластмассовую вазочку для конфет. Цветом она походила на перезрелую тыкву. Дед разрешил её взять с собой. Где-то она до сих пор стоит у меня, кажется, в буфете на кухне. Надо порыться. Уж очень она показалась мне тогда красивой. Не помню, чтобы я её выбрасывал.

— Однажды мне позвонил человек. «Живу в деревне. У меня есть “Орлёнок” 1970-х годов». Я не интересуюсь велосипедами, которые сделаны позже. Семидесятые — предел. Ну, приехал. Да, хороший велосипед. А мужик мне предлагает: пойдём в баню зайдём, вдруг что-то есть ещё. Там верстак, на

нём в банке из-под селёдки — болты, гайки... И среди них гаечный ключ царских времён! Представляете, где это может отыскаться?! В бане. В консервной банке. Надпись на металле с твёрдыми знаками. «Ключь гаечный Эмиль Липгартъ и Ко», дореволюционный царский. И там ещё особое отверстие, чтобы его на гвоздик вешать.

За полтора часа передо мной раскрылась целая вселенная. Меня не покидало удивление: сколько же я не знаю и сколько сумел узнать через своё увлечение, через эту страсть, которая возникла от жалости к сломанным игрушкам! Учебника по «велосипедоведению» нет, но если бы был, в нём прошлое огромной страны предстало бы в особенном ракурсе, здесь сочетались бы техническая мысль, история созидания (что мы знаем о велозаводах?), а главное — воля к свершениям, философия времени, и на пересечении всех этих координат каждый раз бы возникал — со своей верой в будущее, со своими страстями, со своим прошлым, со своим отношением к жизни — человек, владелец вещей, уже уходящих в разряд символов: гаечного ключа, ржавого колеса, рамы с шильдиком...

— Михаил, вы сказали, что спортом занимались, — вдруг догадался я спросить. — Это был велосипед?

— Нет, борьба.

— Какая?

— Вольная. Ничего не учил в школе, лишь бы тройку поставили... Окончил восемь классов. Пятнадцать лет мне было. Собрал рюкзак, поехал в Москву, поступил в училище олимпийского резерва. Там высокий уровень. Людей готовят на мир, на олимпиаду... Проучился два года. Но выполнил мастера спорта СССР. И вернулся домой.

— У вас могла бы быть тренерская работа.

— После училища можно бы было поступить в Институт физкультуры. А у меня была первая любовь. Мы поругались, когда сдавали экзамены. Мне 17 или 18 лет. Первое переживание, первый поцелуй, всё в ярких красках. Я думал, что умру без неё. Не было рядом со мной взрослого человека, который бы сказал: подавай документы в институт, а любовь-морковь — это всё потом. Я расстроился, собрал вещи и уехал. На этом моя карьера спортсмена закончилась. Здесь что? Ну, первенство области.

— Это не то...

— И пришли девяностые годы. Родителей уволили с работы. У меня ещё младшая сестра. Как жить? Папе просто сказали: в ваших услугах мы больше не нуждаемся. Он был водитель троллейбуса. Через неделю то же сказали маме. Она

штукатур. Сокращение какое-то было. Живите как хотите. До пенсии им далеко. И начал я заниматься бизнесом, как тогда это называлось. Запчасти продавал. У бабушки в деревне было хозяйство, картошка, как-то выкарабкались.

— А что же с девушкой произошло? Из-за чего вы поругались? — я не сдерживал любопытства. Наверно, стоило бы промолчать, но Михаил был словоохотлив, и я не подумал, что вопрос покажется бестактным. Михаил начал издали.

— Борьба — это в основном Дагестан, чеченцы, осетины, лезгины, аварцы, кумыки. Нас было 28 человек, один я русский. Тогда, в советские годы, никто не обращал внимания. У меня был друг — не слишком близкий, но и не такой уж далёкий, Алимхан. И вот представьте: подходит он однажды ко мне и говорит, что с ней встречается. Светлана её звали. Она москвичка была. Я: «Не может быть! Не верю!» — «Ну, пойдём, я ей при тебе позвоню». А в общежитии был телефон. Общий. На стене крепился. Две копейки опустил и говоришь. Подходим, я стою рядом. Он набирает её номер. Я слышу, как она смеётся, они договариваются встретиться на следующий день в парке Горького. Через час звоню ей я. Пробую договориться о встрече на это же время. Она начинает ерунду нести, что, мол, не может. После экзамена я затащил, увлёк её в кабинет, где никого не было ... Ну и... она сказала: «Пошёл ты!» Я ей то же самое.

— Она тоже занималась борьбой?

— Фехтование. Широкие плечи... Там все девушки были такие. Кроме художественной гимнастики.

— И что же, Алимхан женился на ней?

— Нет. Я его спросил, что в парке-то делали? Ничего, говорит, просто гуляли... Лет восемь прошло, и я её встретил снова. Призналась, что пробовала меня найти, что меня искренне любила. Это странно звучит, но... Я её тогда до дома провожал. На каникулах письма друг другу писали. А сейчас... У меня две дочери и сын. Всё хорошо и без неё.

Подъезжая к дому брата, я увидел, что он открыл нараспашку дверь, мол, жду. Мы остановились. Я выгрузил ульи, поблагодарил Михаила и попрощался. Велосипедных деталей у брата не оказалось.

Вернувшись на следующий день домой, я отыскал конфетницу, которую подобрал в брошенном доме. Она чем-то напоминала древнегреческий сосуд килик, только без ручек по краям, была неглубокой, не слишком широкой, но хорошая горсть конфет, а то и две, в неё бы вместились. Обычный пластмассовый ширпотреб. Может быть, в ней когда-то стоял на столе сахар. По бокам шёл одинаковый узор, напоми-

навший цветочные лепестки. Ножка прикручивалась снизу. Я рассмотрел на ней мелкие буковки клейма: «Завод им. КОМСОМ. правды». Все слова столбиком в кружке. Какой же был тогда авторитет у газеты, что её именем назвали завод? Какая же это мощь была! Наше поколение так и уйдёт с этим вздохом, ничего не сделав, чтобы спасти ту страну.

Что осталось у меня на память о деду? Несколько фотографий, отец хранил их среди своих документов в ящике серванта, завернув в вдвоенные страницы из старого журнала «Здоровье». На одной дед совсем молодой, сидит на стуле в военной форме, в руках у него танковый шлем: хорошо видны три валика, идущих ото лба к затылку, и клапаны, защищающие уши. На обороте фиолетовым карандашом надпись его рукой: «Пусть этот мёртвый отпечаток напомнит вам о моей живой душе». Ниже дата — 1 апреля 1945. Где он снялся? Не знаю... На другом снимке он нарочно позирует: в одной руке держит кирпич, в другой мастеров, вдоль незаконченной кладки на уровне его колен тянется шпагат. Это они с отцом строят гараж. Наверно, отец его и снял. На третьем кто-то запечатлел, как он, уже лысый, но пока без усов, сидит на корточках возле улья. Ещё осталась книга: автор некий Павел Щербина, «Пчеловодство», с подзаголовком на титульном листе — «Для индивидуальных сельскохозяйственных школ по подготовке заведующих пасеками», 1956 год. Деду кто-то её подарил. Удивительно, что я не выбросил её. Более удивительно другое: я осознал вдруг, как всё это нужно мне...

Алексей ШОРОХОВ

Алексей Алексеевич Шорохов родился в г. Орле в 1973 году. Закончил Литературный институт им. А.М. Горького. Секретарь Союза писателей России. Заместитель главного редактора журнала «Отечественные записки». Лауреат отечественных и международных литературных премий.

С января 2023 года ушёл добровольцем в отряд специального назначения «Вихрь» Георгиевской разведывательно-штурмовой бригады Союза добровольцев Донбасса. В июле 2023 года был ранен под Бахмутом.

Награждён медалями Министерства обороны РФ и Министерства культуры РФ.

Живёт в Москве.

РОМАЯДИНЫ

Отрывок из «Семейной хроники»

Ни свиста пуль, ни горячей толкнувшей волны воздуха. Артёма обожгла близкая вспышка и оглушил грохот АК-74. Автомат был без «банки», темнота и тишина — полной. Очерель оказалась короткой. 5,45 — коварный калибр, с двадцати метров даже свист пуль не слышен. То, что очередь дали по нему, Тёмка понял сразу. Давший её, сам испугался.

— Свои, мать вашу! — Тёмка про своих крикнул почему-то не очень своим голосом. Не очень — потому что услышал его будто со стороны.

— Балу, это ты?

Стрелявший тоже потихоньку возвращался в себя, и в ответ нечленораздельно выругался.

ПРОЗА

Переполох произошёл из-за подрыва. Посреди ночи сработала одна из мин, расставленных по периметру наших позиций. Со стороны Днепровского лимана. На побережье. Вариантов подрыва было всего два: или ДРГ противника зашла на наши мины, или какая животиная забрела. В радиусе нескольких сотен метров уже лежало несколько туш диких лошадей, подорвавшихся на «монках».

Могло быть и третье — порывом ветра сломало старую большую ветку, и она упала на проволоку растяжки. Но ветра не было. А подрыв был. Поэтому взвод высыпал из блиндажей в окопы на усиление дежуривших на НП наблюдателей.

Один Артём замешкался, надевая броню, и вышел с опозданием минуты в полторы. Вот его и приветил Балу, решивший, что это хохол заходит с тыла. Спасла непроглядная черноморская ночь и ещё кое-что. Или Кто. Но Тёмка в эту сторону сейчас не думал.

Балу, большой, как мультяшный мишка, по которому он получил позывной, мялся и немножко криво и растерянно улыбался. Он умел так улыбаться, что ничего ему не скажешь. В темноте было ни аза не видно, но Тёмка точно знал — улыбается.

— Ну, чего улыбишься? Вот я бы сейчас сходил к теще на блины... неизведанной длины...

К теще... Это была отдельная песня. В общем-то, традиционная, но с характерным московским, интеллигентским, от-тепелным душком...

Августа Владленовна почему-то считала себя римской матроной. Хотя от матроны в ней было, прямо скажем, немного — сухая ближневосточная кость и плоть, которая к старости становилась ещё суше и ближневосточнее, провисая бесчисленными складками там, где в молодости блестел смуглый отполированный крымским солнцем полисандр или сандал. Так ей говорили видевшие и ценившие её тело поклонники. Иногда оговариваясь, и тогда получался полиандр*, что звучало не совсем понятно, но ещё более пикантно. И было тоже правильно, ибо Августа Владленовна только замужем официально значилась несколько раз, про всё же остальное говорить не будем, в её среде это хоть и обсуждалось, но не осуждалось. Кстати, о среде. Папа Августы — Владлен Борисович — был осветителем в Театре на Таганке и неоднократно пил, по его словам, за сценой с самим Володей Высоцким. И не только с Высоцким.

* *Полиандрия* — многомужество.

Смуглая девочка росла, можно сказать, на подмостках. Поэтому Гуся (а именно так повелось у домашних и близких приятелей — Авгуся или попросту Гуся), даже спустя годы после гибели Высоцкого, по-прежнему называла его «бедный Володя», Любимова «дядя Юра», Филатова «Лёничкой».

Вспоминала, с папиных слов, историю, как на гастролях в Праге искали американские джинсы для Неёловой, разумеется, «Мариночки».

Последнее, то есть поиск, затруднялся тем, что «Мариночка была худа, как таракан».

Несмотря на погружённость в этот удивительный мир, профессию себе Гуся избрала нетеатральную и попробовала поступить в МГУ на филфак. Читала она всю жизнь жадно, правда — без особого разбору, как правило, то, что было модно в ту пору в её среде. Тем не менее, знание запрещённого в позднем СССР Солженицына и «гонимого» лауреата Сталинской премии В. Некрасова её не спасло от сокрушительного провала на экзаменах. Потому что знание «запрещённых и гонимых» не заменяло и не отменяло в МГУ знания Пушкина. И Толстого. И Шолохова. Который хоть и был «сатрап» и «штрейкбрейхер», и «певец коммунистического режима», но Нобелевскую премию по литературе получил всё-таки не за Чапаева, как выпалила на экзамене Гуся в ответ на вопрос о главном герое романа Шолохова о Гражданской войне. Дружный хохот экзаменаторов поразил её в самое сердце, и со словами «вы все здесь сатрапы» девочка в слезах выбежала из аудитории Гуманитарного корпуса на улице академика Хохлова.

На этом её борьба с режимом закончилась. Прочитанный в перепечатке под одеялом и с фанариком Солженицын после его официального и триумфального издания на Родине, был Гусочке уже не интересен.

А интересным стало то, что в её возрасте интересно любой девочке, вне зависимости от того, исполнено её юное сердце тайным презрением к кровавому режиму или оглушено восторженными славословиями комсомольских вожаков, громгласно просивших словами из стихотворения Вознесенского «убрать Ленина с денег» на стадионах и у памятника Маяковскому. Гусю заинтересовал противоположный пол.

Удивительно, но выросшая среди актёров, суфлёров и монтёров сцены девочка не стала жертвой бурного нетрезвого романа в гримёрке. Её папа всё-таки отвечал за весь свет на спектакле, часами просиживал в кабинете худрука накануне премьер, его уважали. Может быть, ещё и потому, что серьёзная девочка поводов не давала. «На филологический по-

ступает». Для актёров это было очень сложно. Семиотика. Структурный анализ. Сложнее была только модная в ту пору кибернетика. Поэтому, несмотря на все свои тайные закулисные влюблённости, восемнадцатую весну Авгуся встретила всё ещё девственницей.

Утрата девственности свершилась у Гуси в общежитии МГУ, в недавно отстроенном Доме аспиранта и студента (ДАС), который столичные пошляки сразу же переименовали в «Дом активного секса». Как видим, не без оснований.

Её сердце сразил бородатый аспирант из Эстонии Питэр. За время недолгой абитуры Августы они очень быстро сошлись, буквально после нескольких случайных встреч.

Один Питэр счёл оглушительный провал Гусочки на экзаменах выдающейся антисоветской акцией, а ответ про Чапаева — блестящей и остроумной отповедью партократам. Фигой, которую наконец-то русская интеллигенция вытащила из кармана и во всеулышанье, громко и демонстративно показала большевикам. Он говорил и ещё что-такое, но Гуся слушала уже только тембр его голоса и счастливо блестела глазами.

Через семь месяцев у них родилась Машенька, недоношенная, названная так отнюдь не из любви к русским сказкам и старине. Умом и воображением Питэра в ту пору целиком и безраздельно владел запрещённый Набоков, по которому ему не давали защищать диссертацию. То есть не то чтобы не давали, просто Питэру хватило его эстонской сообразительности самому не предлагать Набокова в герои своего научного исследования. Зато он решил отыграться на дочери. И вообще-то Машенька должна была стать Адой (по имени героини романа В. Набокова «Ада»).

Но тут уже встал на дыбы дедушка Владлен и сказал, что внучки с таким именем у него не будет. Достаточно дочери, которую он по глупости разрешил жене назвать согласно римскому месяцеслову. Дедушка хоть и жил в этом странном альтернативном мире по имени «Таганка», но взглядов был вполне традиционных, ибо прошёл войну, а не отсиделся в Ташкенте.

Может, поэтому и Высоцкий нередко из прокуренной и невесёлой духоты гримёрок убегал к нему, «за сцену». Где можно было наконец-то не хихикать о «совке», а поговорить о жизни. И было с кем.

Поэтому родные сошлись на Машеньке (героине другого одноименного романа Набокова). И дедушке угодили, и очередную яркую антисоветскую манифестацию провели. О

характере манифестации знали только двое (Питэр и Августа, которой он всё объяснил). Но от этого она была не менее важна и духоподъёмна для всех свободных людей мира и приближала конец прогнившего коммунистического режима. Питэр, по обыкновению, говорил ещё что-то такое, но Гуся не слушала. Сама выросшая без братьев и сестёр, она наконец получила долгожданную игрушку, недаром в русском народе говорится: первый ребёнок — последняя кукла.

Впрочем, особо баловать девочку с первых дней не удалось. Результатом ожесточённых битв за имя новорожденной стали прохладные отношения между зятем и тестем, которого Владлен Борисович, сам москвич во втором поколении, постоянно тыкал рыбацкой мызой на берегу Балтики, откуда приехал бородатый филолог.

Поэтому в самом непродолжительном времени молодая семья переехала в дворницкую в Черёмушках, где Питэру свезло отхватить самую престижную на ту пору работу для творческих и околотворческих натур в Москве — работу дворником. У представителей альтернативной жизни в цене ещё были котельные, но там больше ответственности. К тому же Черёмушки оказались совершенно новым микрорайоном, с центральным отоплением и киношным лоском. На экраны только что вышел фильм всех времён и народов «Ирония судьбы, или С лёгким паром!»

Таким образом молодожёны угнездились в самом эпицентре жизни и времени. Если ещё добавить, что, за неимением ванной в дворницкой, семья на помывку каждую неделю ходила в общественную баню, — переплетение киношной жизни и всамделишной оказалось чрезвычайным.

Питэр в этих семейных, а по большей части и самостоятельных походах в баню настолько вошёл в роль любимца женщин Лукашина, что это стало угрожать семейному благополучию.

Злую роль, по слову бабушки, с зятем сыграла «чухонская хромосома», которая не расщепляла алкоголь. Ну или расщепляла его гораздо хуже «русской», не говоря уже про всё расщепляющую «еврейскую».

Когда Питэр после очередного гигиенического мероприятия вернулся в дом без бороды — Августа вздрогнула во второй раз. Первый раз был, когда он привёл её с запелёнутой дочерью в дворницкую. Тогда Гусочка, выросшая на Верхней Радищевской, впервые подумала, что свобода от родителей-«совков» и государства могла бы выглядеть и посимпатичней.

Изнеженная девочка столкнулась с многими другими, доселе неведомыми ей атрибутами свободы — мытьём полов и посуды, необходимостью готовить себе и Машеньке, походами в магазин и, главное, стоянием в очередях, то есть тем, чем в прежней её жизни занималась мама. При том, что доставал всё папа. И даже больше, чем всё. Благодаря театральнo-билетным возможностям и гастролям.

Попасть на спектакль с Высоцким — это, знаете ли, трёхлитровой баночкой чёрной икры не отделаешься, дорогие гости из Астрахани. Не говоря уже про балычок или лососинку с Дальнего Востока и прочие благорастворения воздушных со всех концов изобильного Союза.

И вот Гусочка осталась безо всех незамечаемых прежде благодатей. Бабушка, конечно же, тащила кое-что для внученьки. С молчаливого неодобренья дедушки. Но по сравнению с прежним это было и в самом деле «кое-что». Цена свободы оказалась непомерной.

Осознание этого совпало с окончанием аспирантуры её мужем, который без бороды стал гораздо симпатичнее, хотя и растерял всю свою филологическую брутальность. Его распределили (не без его горячих и убедительных просьб) в Тарту. И это стало третьим звончком, потому что ехать во всесоюзный центр структурализма, хотя и в максимально несоветскую и благоустроенную Эстонию, но за тысячу километров от мамы, — Гуся была не готова.

— Я не жена декабриста! — стукнула она кулачком по столу.

— Так ведь не в Сибирь, Гусочка, — попытался возразить Питэр на общесемейном совещании.

— Ну из Эстонии в Сибирь дорожка прямая, — пошутил дедушка Владлен, после чего эстонский филолог обиженно засопел и затих на весь вечер.

Не последнюю роль в расставании сыграло и то, что с недавних пор Питэр с «заседаний кафедры» стал возвращаться, густо попахивая не только коньяком, но и дамскими духами.

В общем, решили, что девочка болезненная, недоношенная, у неё слабые лёгкие, и прокуренная атмосфера творческих дискуссий во всесоюзном центре структурного анализа её добьёт, поэтому Гусочка с Машенькой пока останутся здесь. Сроки и окончательность этого «пока» предстояло ещё выяснить.

В счастливых детских воспоминаниях Машеньки, хоть и немного смазанно, но неизбежно сохранились отголоски нескольких поездок с мамой на мызу. Дедушка Тойво и бабуш-

ка Салме, суровая серая Балтика, чёрный дедушкин баркас, на котором он выходил в море ставить ловушки, баснословно вкусная салака, как её здесь называли «райма», которую бабушка жарила на чёрной чугунной сковородке прямо на печке. Папа с бабушкой, пившие домашнюю водку.

— «Шмыгалка», так она будет по-русски, — пояснил папа.

— Почему? — смеялась мама.

— Потому что её не пьют, а шмыгают! — серьёзно объяснял Питэр, — шмыг, шмыг!

— А-а, теперь я понимаю, почему так много местных в прошлое воскресенье валялось на улицах райцентра. Нашмыгались!

— Трудяги, что ты хочешь. Всю неделю в море. Вот и нашмыгались.

Но таких весёлых минут было немного.

Чаще Машина мама сидела на крылечке одна, курила, подолгу смотрела на песчаное взморье и кудлатые бесприютные волны. А папа с бабушкой уединялись в бане, обсудить за стаканчиком «шмыгалки» перспективы осеннего хода салаки.

Машенька не помнила, чтобы они купались у бабушки Тойво. Море, купанье, солнечные брызги — это навсегда вошло в её жизнь вместе с Крымом, но уже с другими бабушкой и бабушкой, московскими.

А на мызе всё было, как из какой-то давней сказки. Или чёрно-белого кино.

Машенька же, как и все советские дети (включая антисоветских), любила цветное.

Ещё Машенька запомнила папину квартиру, которую тоталитарное государство выделило молодому и многообещающему доценту Тартусского университета родом из деревни — в самом историческом центре города: просторную, трёхкомнатную. Недалеко от Ратушной площади.

Диплом и аспирантура МГУ высоко ценились на исторической родине Питэра, которого, несмотря на пока ещё достаточно скромные достижения — несколько публикаций в столичных профильных журналах — уже успели назвать «вторым Лотманом».

И кому это льстило больше — Питэру или самому мэтру* — было трудно определить.

* Ю.М. Лотман — один из основателей Московско-Тартусской школы структурного анализа, завкафедрой Русской литературы Тартусского университета в 70-е гг. XX века.

Машенька запомнила Ратушу, неотменимую булыжную мостовую на Ратушной площади, развалины Домского собора Петра и Павла на Домской горке, где находилась библиотека Тартусского университета, мосты через речку с невыговариваемым названием.

Само древнее наименование Тарту — Дерпт, красновато-кирпичный колорит улиц, дома с черепицей, соборы, магазинчики, мосты, всё это поразило девочку не меньше чёрно-белой сказки о рыбацкой мызе.

Августа Владленовна тоже любила тесную красоту тартусских улиц, уют кафешек, розы и ухоженные газоны везде, где только можно, местечковая родственность всех встречаемых и поперечных — всё это разительно отличалось от огромных каменных проспектов Москвы, разноплеменных и безликих толп приезжих или таких же толп уже угнездившихся в столице Советского государства. «Лимитчиков», как презрительно называли их в кругу москвичей во втором поколении знакомые Гусочки.

«Санаторий повышенной культуры» — отзывался о Прибалтике в целом дедушка Владлен, неоднократно бывавший там на гастролях с театром. Было это похвалой или ругательством — Машеньке не разъясняли.

В эти счастливые поездки к папе на родину Гуся и Питэр были вместе, пили вкусное чёрное пиво в кафешках, возвращались, держась за руки, поздно. За Машенькой в такие вечера приглядывала тётка Питэра, тоже жившая в Тарту, правда, на окраине.

Увы, но совместная радость и близость родителей были редкостью, и хотя Машеньке об этом долго не рассказывали, но и Гуся, и Питэр уже начали жить в разные стороны, каждый своей жизнью.

...Дочь у Владлена Борисовича была единственная и любимая, поэтому после того, как чухонский зять исчез с горизонта, она возвратилась в семью ещё более любимой и желанной. К тому же — несчастной.

«С мужем не повезло». Так решили в семье Ромаядиных (Гусочка сохранила за собой и дочерью дедушкину «прославленную в театральном мире» фамилию).

Впрочем, нельзя сказать, чтобы Гуся сходилась замуж напрасно, вернулась-то она с трофеем. Говорить о том, что дедушка с первых же дней в Машеньке души не чаял, думаю, излишне. Трофей, по большому счёту, и достался одиноким и недолголюбившим в своё время бабушке и дедушке. А для Гусочки началась подлинная свобода.

Предоставив питание и воспитание дочери родителям, Августа Владленовна, ставшая наконец женщиной и как-то случайно даже матерью, впервые так остро и радостно оценила ту атмосферу, которая совершенно безо всяких усилий досталась ей с детства.

Предприняв не совсем удачную, но честную попытку пожить своим умом, Гуся вернулась к родным пенатам во всеоружии только что распутившейся женственности и в поисках потерянного понапрасну времени окунулась в увлекательную жизнь закулисы с головой.

Несмотря на всю театральную прославленность фамилии Ромаядиных, местечка в Театре на Таганке для Гусочки не нашлось, но Владлен Борисович без труда устроил её в находившуюся поблизости Библиотеку иностранной литературы, знаменитую Иностранку.

Как это ни странно, работа в Иностранке Августу увлекла: видимо, не сбывшееся филологическое нашло себя в библиотечном.

Наряду с заочным обучением в Кульке*, Гуся со всем пылом нерастраченной молодости ушла в мир модных зарубежных писателей, редких или полузапрещённых изданий, театральных премьер и артистических квартирников, на которые съезжалась «вся продвинутая Москва».

О чувствах третьей стороны, собственно отца ребёнка, справлялись мало, хотя в структуралистском и постструктуралистском бытии Питэра образ «похищенной» дочери становился всё более и более отчётливым. Особенно за стаканчиком шмыгалки.

Пока Питэра, как и его прославленного шефа, преследовала удача и советский (в сокровенной глубине своей, конечно, антисоветский) структурализм был моден и привечаем в известных кругах творческой интеллигенции в СССР и на Западе, — приглашения на международные конференции и симпозиумы следовали одно за другим.

Папа Питэр летал в свободный мир через Москву и привозил оттуда Машеньке дорогие и редкостные шмотки, а также книги парижских и пражских издательств с творениями постепенно разрешаемых в стране писателей. Режим слабел, разрешённого становилось всё больше и больше. Привозил он подарки и для возлюбленной жены своей Гусочки: тоже книги и шмотки; и тогда родители изображали для дочери любовь и взаимопонимание.

* Московский государственный институт культуры в Химках.

Машенька всего этого не понимала, но ей, как и любому другому ребёнку, нравилось, что папа и мама вместе. В такие минуты она была счастлива. Впрочем, дети обычно счастливы и во все остальные минуты. Кроме тех, когда они действительно несчастливы.

Однако эпоха Таганки, советского структурализма и неогременительной «борьбы с режимом» заканчивалась. На экранах страны замаячил говорливый молодой генсек с апокалиптической отметиной на голове, который стал всё чаще выезжать за границу, то ли для того, чтобы проветрить застоявшийся воздух в стране, то ли для того, чтобы проветрить многочисленные наряды своей супруги, скопившиеся в кремлёвских гардеробах.

Про зловещую отметину сразу же пошли толки в народе. Спустя тридцать лет, в залитой кровью по всему периметру нарезанной на ломти бывшей великой стране эти предзнаменования уже не будут казаться такими смешными и недалёкими.

Средняя и младшая Ромаядины перемены в стране восприняли с энтузиазмом. Старшие — с опаской.

Выход из обрыдлых и прокуренных притонов свободы в квартирниках и подвалах обеих столиц на свежий воздух улиц и площадей будоражил кровь. Получалось совсем по Достоевскому: «всё позволено». Мало кого настораживало, что позволение было даровано сверху. Не совсем сверху, но от начальства.

Августу Владленовну, на тот момент повторно замужнюю, будто настигла вторая юность — она бегала на митинги, боялась намечавшихся еврейских погромов, радовалась их отмене.

Пошла на баррикады к Белому Дому (не те, всамделишные, которые будут расстреливать из 125-мм орудий и давить танковыми гусеницами в Октябре 1993-го, а милые и бутфорские августа 1991-го), слушала вместе со всеми по транзистору «Радио Свободы», ела кооперативные бутерброды, которыми кормили защитников демократии мордатые столичные кооператоры.

Там, на баррикадах девяносто первого, взявшись за руки, чтоб не пропасть поодиночке, стояли они несколько ночей подряд, молодые и свободные.

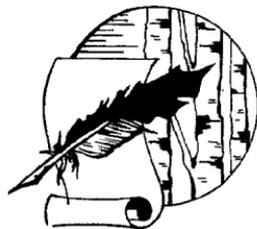
По дороге на перегороженный танками душителей Новый Арбат, в троллейбусе — Гуся даже вывела пальчиком на запяльённом оконном стекле: «КП СС», за что была восторженно одобрена своим вторым мужем и неодобрена пожилыми пассажирами рабочей наружности.

Эти и другие милые шалости закончились. Заказчики свободного волеизъявления и мордатые кооператоры своего достigli, танки разъехались, клоуны остались.

Альпийским топором Троцкого по национальной разметке Ленина вороватые правнуки большевиков разрубили страну по живому. Чухонский папа Машеньки оказался по другую сторону границы. А Ромаядины, как и большинство восторженной околотворческой интеллигенции, чаявшей перемен и изобилия, оказались в нищете.

Чёрная икра банками в обмен на несколько децибелов живого Высоцкого и бесплатное жильё — остались в прошлом. Вместе с самим Владимиром Семёновичем и дедушкой Владленом. Оба, не сговариваясь, решили в новую жизнь и в новую страну не переезжать. И остались в старой.

Навсегда.

Виолетта БАША

РУССКОЕ ВРЕМЯ

КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ ВОЙНА

Когда закончится война в каком-нибудь цветущем мае,
Когда умрет последний зверь со свастикой на рукаве,
Какими станут небеса, таких мы прежде и не знали,
Какие вишни зацветут и маки вспыхнут на траве.

Когда закончится война, какие сны приснятся детям,
Тем, что дожили до весны, и тем, кому не довелось.
Как будет каждый день велик, безоблачен, прекрасен,
Как будет сделано легко, всё, что пока не удалось. светел,

И тем, кто выжил, будет вновь дарована весна без края,
И вновь поющая капель разбудит вечную любовь,
И будут вальсы день и ночь играть оркестры, не смолкая,
И позабудутся навек разрывы мин, и боль, и кровь.

Когда закончится война, над миром тишина взорвётся,
Звонящая по всей земле пронзительная тишина,
Окликнет поимённо всех, кто не дожил и не вернётся,
И чьих не хватит голосов, когда закончится война.

* * *

Сюжет простой, прифронтовой.
Лица не видно — балаклава.
Окопы слева, взрывы справа.
И ты, дай Бог, пока живой.

Тебя снимает военкор.
И он о чем-то говорит.

Что новый день тебе сулит?
Как короток ваш разговор.

А я смотрю тебе в глаза,
И вижу светлый взгляд отца,
Не замечая, как слеза
Коснулась моего лица.

И это он здесь, молодой
Старлей из тех, пятидесятих,
Он — это ты, он стал тобой,
Стал ангелом, войной распятым.

От гроба в снег катилась тень,
Отца салютом провожали.
Снег тихо падал на медали,
И был чернее солнца день.

Храни, отец, все эти дни
Парнишку страшных лет военных,
Чтоб он не стал, как ты, нетленным
До срока ангелом. Храни.

МАРТ—АПРЕЛЬ

Пришел неожиданно, как любовь,
Прокрался тайно ближе к ночи,
И забурился, сдирая в кровь,
Пером ручьев со снега очерк.

И талых вод несет поток
По улицам, сырым и мгlistым.
Ручей, ты чей? И как ты смог,
Шипя, поджечь весь город льдистый?

Ты — юный март, ты — талый снег,
Любовник ты, пришедший к ночи.
Под хулиганский юный смех
Разбрасываешь в лужи строчки.

И эта талая вода,
И это небо голубое,
Как кровь кронпринца, как беда,
Как мокрый снег — про нас с тобою.

Про безымянную звезду,
Взошедшую однажды в марте.
О, март—апрель, я не приду,
Меня столетье нет на карте.

Я для тебя, как снег, сошла,
Истаяла весенней ночью.
Я для тебя и не была.
Не узнана ни сном, ни строчкой.

Мой юный март, мой талый снег.
Ты — мой ручей, мой сон весенний,
Ты — март-апрель, ты — детский смех —
Мое бессмертье и прощенье.

И эта новая любовь,
Сто лет спустя, несет, ликуя,
Иные дни, иную новь,
И вкус иного поцелуя.

Взошли весенние огни
По переулкам ближе к ночи.
То снег и плачет, и горит,
Пером ручьев слагая очерк.

* * *

Еще вчера метель мела по зябким крышам,
А ночью город ошарашен был весной.
Свирелью плачущих ручьев запел чуть слышно
Безумный март, влюбленный, юный и шальной.

Он пел о том, что после долгой зимней спячки
Так хорошо нырнуть за солнышком в снега,
Что всё с утра пойдет и лучше, и иначе,
Сболтнув про то, что жизнь, как перышко, легка.

Что юность вечна, что живые все бессмертны,
Что в марте небо — безмятежной синевы,
Но, ради Бога, вертопраху вы не верьте,
Не доверяйте, Бога ради, марту вы!

Сверкай, мой март, взойди весенними ручьями,
Сойди с ума от стога плачущих снегов.
Сгори огнем меж голубыми берегами,
Лавиной мчись, не видя этих берегов.

Еще вчера метель мела по зябким крышам,
А ночью город был без боя сдан весне.
Ну как же выпало, ну как же это вышло,
Что в март вошла я по неверной стороне...

ПЕРВЫЙ СНЕГ 1969-го...

Девятый класс, почти десятый,
Но год еще нам суждено
Прожить в далёком, невозвратном,
Счастливом, сказочном кино,

В котором все слова так гулки,
А чувства — словно в первый раз,
В ботиночках по переулку
Войду как в сон — в девятый класс.

Снег первый, как всегда, растает,
И в ноябре совсем темно,
Там детство с кухни улетает
В полукрытое окно.

Там кофе так горяч и пахнет
Историей. Девятый класс.
И революция с размахом
Страницы рвет, кидая в нас.

И был конец шестидесятых,
И было это так давно.
И снег, асфальтами распятый,
Как время вспять, влетел в окно.

Он был единственным, как юность,
Он рвался беззаконно вверх.
Вот так бы всё это вернулось —
Любовь, страна и первый снег...

ПОДАРИ МНЕ ВОСХОД

Подари мне восход, что улыбкой в полнеба.
Подари колкий снег, подари Новый год.
Подари блеск вершин, где ни разу ты не был,
Мы над миром с тобой расцветим небосвод.

И салюты взлетят в честь ушедших к вершинам
Ослепительных гор, что не всем покорить,

Надо верить и жить, чтобы зваться мужчиной,
Надо страх побороть, чтобы звезды любить.

И когда с этих гор мы вернемся, как птицы,
Прилетевшие с южных зимовок домой,
Я хочу, чтобы ты в этот раз мне приснился,
С покоренным Эльбрусом за усталой спиной...

А потом Рождество отразится в бокале.
Будет март грохотать от весенних лавин.
Подари мне весну, ту, где мы не бывали,
И улыбку в полмира — лучшего из мужчин.

ЭТО — ВРЕМЯ КОЛОКОЛЬЧИКОВ

Это — время колокольчиков*, это юное начало,
Молодое, молодое, молодое!
Это время перезвонов у перрона, у причала,
Отправленья поездов в непрожитое.

Это время колокольчиков холодов не предвешало,
Время краткого бессмертия святое.
Все мы вечны, все мы юны — у перрона, у причала,
Восхитительно беспечные собою.

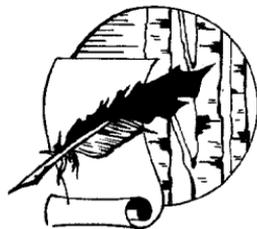
Это время колокольчиков, это время незабудок.
Не забыть его, не вспомнить, не напиться
Чистым соком, юным током, в перезвонах, в пересудах,
По нему тоскуя, в те года влюбиться.

Это время одуванчиков, незаметно как наставшее.
Это время уходящих, уходящих...
И в тоске по колокольчикам, облетающе-уоставшие,
Измеряем дней остаток настоящим.

Но... не знаю, верить в это или нет? —
Колокольчики звенят, звенят вослед!
И прольется по-над миром прожитое —
Колокольню-опьянённо-молодое!

г. Москва

* «Время колокольчиков» — книга стихов А. Башлачева.

Андрей СТЕПАНОВ

В 2023 году Андрей Степанов стал лауреатом литературной премии «Форпост» имени поэта Сергея Короткова

ЖЖЁНЫЙ САХАР

ТУМАН

Тычет мордочку слезливую
В речку маленький туман.
Расползается под ивами,
Забирается в карман.
Избы гладит мокрой лапою,
На крыльце сидит молчком,
Словно старый дед под шляпою,
Космы прячет за углом.
Разрезает солнце лучиком
Стылый матовый пирог.
У речной крутой излучины
Мнёт туман лохматый стог.
Тишина густая, влажная,
На моих лежит плечах.
У тумана жизнь неважная,
Час, другой — и он зачах.

* * *

А дети взрослеют быстро.
Казалось, совсем недавно
С охапкой кленовых листьев,
С улыбкой такой забавной,

С восторженным криком: «Папка» —
Бежала навстречу дочка.
Валялись у дома тапки
И два голубых носочка.
А дети взрослеют звонко.
Не верю, уже шестнадцать.
Красотка моя, девчонка,
Тебя научил я драться.
Казалось, совсем недавно...
А дети взрослеют сильно.
Невеста, и это славно,
Жених молодой красивый.
А дети взрослеют где-то.
По скайпу смеётся внучка.
Я скоро к тебе приеду,
Родная моя почемучка.
А дети взрослеют, жалко.
Уже не считаю годы.
Стоит в коридоре палка,
Нога как прогноз погоды.
Ты дочка, звони почаще.
Да пью я твои таблетки.
Закат за окном щемящий,
И клён наш качает веткой.
На сердце немножко грустно,
Такое порой бывает.
Любовь — дорогое чувство.
А дети взрослеют, знаю.

ИСКУССТВЕННЫЙ СВЕТ

Искусственный свет — за полоской полоска.
Искусственный свет — мир становится плоским.
Холодные лампочки прошлого года
Срывают покровы с глубин небосвода.
Крыло за крылом поднимаются выше.
Ты много сказала, но я не расслышал.
Ты много молчала, и было так грустно
Искать в гордом сердце остывшие чувства.
Так в жизни бывает, листва облетела.
Искусственный свет, снег пленительно белый
Ложится на влажную гладь тротуара,
Хрустит под ногами: «Не пара. Не пара».

* * *

Чёрной краской на стене Рейхстага,
Не спеша, разборчиво, с душой:
«Это Вам за Колпино»...
В продмаге —
Водка, макароны, килька, соль.
Тридцать лет! Цветы, плакаты, марши,
Красных флагов бесконечный строй.
Говорят, что спился Вовка Паршин.
Под Берлином Вовка был герой!
Сорок лет, как немца остудили!
Сорок лет в надежде и любви.
Взводного Семёныча убили,
В день, когда каштаны зацвели.
Пятьдесят! Вчера соседа Кольку,
На квартиру «кинули» братки.
Нас всё меньше. Время перестройки.
Пьют коньяк «палёный» мужики.
Солнце гладит крашенные рамы,
Ветер треплет клёны за окном.
В понедельник мир покинул Зяма,
А во вторник Фёдка-астроном.
Шестьдесят! На майские подарок
Мне вручил районный депутат.
Прятал взгляд и говорил: «Недаром,
Ты Отчизну защищал, солдат».
Семьдесят! Остались единицы.
В Киеве бандеры правят бал.
Мне ночами командир наш снится,
Он в Карпатах без вести пропал.
Чёрной краской на стене Рейхстага...
Много лет прошло, иду один.
А в пакете хлеб, яички, брага,
Сяду, выпью, я же победил!..

ЖЖЁНЫЙ САХАР

Жжёный сахар на сковородке,
Пальчики оближу.
Там за оконную перегородкой
Майский горланит жук.
Крылышки выбросит и несётся,
Чёрный аэроплан.

Солнце лучами меня коснётся,
Скажет: «Привет, пацан!»
Шлёпки потёртые цвета моря,
Лёгкие, словно дым.
Можно с соседом на рубль поспорить,
Что мир состоит из воды.
Можно подняться на тёплую крышу,
Шифер руками обнять.
И прокричать: «Я всех выше, всех выше!
Вам не достать меня».
Папка ругается, мамка бранится,
Сахар горчит во рту.
Я, словно взмывшая к облаку птица,
Пробую высоту.

г. Астана, Казахстан

ПРАВО НА ПОБЕДУ

Второй век мы, русские, живём по Достоевскому. Живём его осознанием Евангелия, проникновением в Евангелие, его трактовкой абсолютно всего с нами происходящего через Евангелие. И потому трактовкой столь потрясающе пророческой, непреложной и удивляюще живой. А иначе чем объяснить, что было написано в апреле 1877 года, после объявления войны туркам в защиту вырезаемой ими Болгарии? — *«Все чувствуют, что началось что-то окончательное, что наступает какой-то конец чего-то прежнего, долгого, длинного, прежнего и делается шаг к чему-то совсем уже новому, к чему-то преломляющему прежнее надвое, обновляющему и воскрешающему его уже для новой жизни и... что шаг этот делает Россия! Вот в этом-то и неверие «премудрых» людей. Инстинктивное предчувствие есть, а неверие продолжается: «Россия! Но как же она может, как она смеет? Готова ли она? Готова ли внутренне, нравственно, не только материально? Там Европа, легко сказать: Европа! А Россия, что такое Россия? И на такой шаг?» Но народ ве-*

СИМВОЛ ВЕРЫ

рит, что он готов на новый, обновляющий и великий шаг. Это сам народ поднялся на войну, с Царём во главе. Когда раздалось царское слово, народ хлынул в церкви, и это по всей земле русской. Когда читали царский манифест, народ крестился, и все поздравляли друг друга с войной».

Поздравляли с войной. Да разве не это же самое произошло с нами в феврале-марте 2022-го? И вопросы, такие вот сегодняшние, такие животрепещущие вопросы о готовности России «нравственно, не только материально» шагнуть к «обновляющему и воскрешающему»? Ну и почему ещё не во всех городах России поставлены памятники Фёдору Михайловичу?

Нравственная готовность народа к войне есть залог его, народа, в ней, войне, победы. Ибо эта нравственная готовность к самопожертвованию за истину — готовность народа к страданиям и даже смерти во имя правды и справедливости — и есть духовное право народа на победу. С пониманием того, что это право исходит из праведности: «Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное» (Матф. 5: 20).

В нравственном праве нашего превентивного удара 23 февраля я лично (как и мои друзья) не сомневался ни секунды, ну а сегодня после озвученных Конашенковым просто чудовищных цифр заготовленных и выставленных против России самолётов, вертолётов, танков, РСЗО и сверхмощных гаубиц, после уразумения каких-то мегалитических масштабов возведённых за восемь лет укрепрайонов, думаю, честно сомневающимся днём с фонарём по всей стране не найти. Честно, не предвзято. А ведь сюда в плюс ещё поразительная слаженность управления украинского «центра принятия решений» с армиями и тыловым обеспечением, с завидной обеспеченностью штабов всех уровней космическими разведданными и связью! Так что признание европейских экс-смотрящих о своей лжи на минских «мирных» переговорах для российского общественного сознания не стало сенсацией. Мы упредили правильно, как бы ни пытались обвинить Россию в «первоагрессии», честно отвечая на всё нарастающие вызовы и провокации, отодвигая беду от границ Отечества.

Что мы помним о княжеских междоусобицах, придавленных татаро-монгольским игом и завершённых грозной централизацией Ивана Третьего Великого? Эмоционально, пожалуй, ничего. Не было общего понимания единности страны, чувства единности народа, поэтому в памяти и нет общероссийской боли от похода Рязани на Москву, а Москвы на Тверь. Осознание своего русского единства — впервые за-

фиксирован как результат той ненумерованной Отечественной войны, когда турецкий султан со своими сателлитами и папа римский со своими со всех сторон обложили, сжали, сдавили Россию Иоанна Четвёртого Грозного. Сжали в единство так, что государственная целокупность легла в основание целокупности веры — в осознание русского крестоношения — охранения Вселенского Православия. И потому Бонапарт сразу расшифровался нами как антихрист. И вот в этом религиозном понимании ответственности народа за свою Россию как Святую Русь — единственно полноценное, совершенное оправдание СВО.

С апостольских времён идёт война за Истину с древними и новыми ересями, и не просто так преподобный Сергей Радонежский столь ревновал о догмате единосущности и нераздельности Троицы — кабы было бы всё вокруг благостно... Так что произошедшее при Алексее Михайловиче не стало неким соскоблением ритуальных наростов и поправкой описок царскими «перегибами», спровоцировавшими целую эпоху гражданских войн: за грамматику и жесты никто и сам на смерть не идёт, и ближних не убивает. А все наши самые кровавые смуты вспыхивали под двуперстием: Разин, Булавин, Некрасов, Пугачёв, Морозов с «Искрой» — каждый раз с особой яростью с обеих сторон сходились насмерть совершенно такие же русские по крови, русские по языку, по одежде и жизненному укладу... но с обеих ли — русские по вере?

Не будем вторить марксистам-маоистам, что, мол, в средневековые идеология и могла-то выражаться лишь в религиозных формах — почему же тогда сегодня, точно так же, как и триста лет назад, эта самая идеология не может объяснить непримиримого ожесточения, с которым «тоже русские» бьются против Русского мира? Почему нет психологического, социально-политического или институционального, всех убеждающего обоснования приступам озверелости — с полной потерей человеческого образа, при виде чего-либо «москальского»? Как раньше «никонианского». Никакая, конечно, здесь не идеология, не педагогика — слишком тошнотворно пахнет серой.

Символ — условный, прямо не связанный с обозначаемым, знак каких-либо понятий, идей, явлений. Академик Лосев определял символ как «субстанциальное тождество идеи и вещи»: «Образ и смысл образуют два элемента символа, немислимые друг без друга. Посему символы существуют... только внутри интерпретаций». Что такое за пределами христианской интерпретации так или иначе сложенные пальцы, какой смысл стоит за хождением вокруг аналоя в ту или иную

сторону? Почему эти смысло-образы ценнее человеческой жизни? Для кого?

Если принять весьма доказательную версию того, что старообрядчество не секта, точнее — не гроздь сект, отколовшихся от Православия из-за грамматических ошибок и поместных певческих традиций, а самобытная несторианская ересь (символами которой и являются двуперстие с хождением по-солонь), ересь разделения божественной и человеческой природ Христа, осужденной в 431 году на III Вселенском соборе в Ефесе, весьма успешно распространявшаяся среди тюрков-кочевников с шестого по одиннадцатый века. Вот эта несторианская ересь в виде так называемого «центрально-азиатского христианства», диффузируя, но не сливаясь с Православием, проникла к нам из ордынских степей и как «староверие» расплодилось по всё множасьейся землями Руси-России и добралась до Беломорья, где встречно осеменилась манихейским «рассечением» Троицы... Отсюда и становится понятен источник злой, лютой, inferнальной силы, столетиями заливающей умы и сердца «тоже русских» по языку, по одежде и жизненному укладу — Разин, Булавин, Некрасов, Пугачёв...

Ереси и секты непрестанно воспроизводили и пестовали внутри России её врагов — ненавистников патриарха и государя, всего государства. Перемазанцы и липоване. Бегуны и нетовцы, даниловцы и аароновцы... Молокане, скопцы... Разговор долгий, требующий терпения, и здесь неподъёмный. Спрячусь за авторитет: Анна Григорьевна Достоевская вспоминала о том, что в их домашней библиотеке «было много серьёзных произведений по отделам истории и старообрядчества». Символизм имён героев произведений Достоевского литературоведами разобран подробно, поэтому и убийца от ума Раскольников, и убийца от страсти Рогожин указывают — старообрядчество для Фёдора Михайловича прямо связано с одержимостью злобой, ведущей к душегубству. А «нехарактерный» старичок-раскольник Егор Воронов из «Записок из мёртвого дома» своей нехарактерностью только подчёркивает мнение, сложившееся у писателя на основе личного каторжного опыта: «Это был сильно развитой народ, хитрые мужики, чрезвычайные начётчики и буквоеды, народ надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый в высшей степени».

Надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый... Но тоже русские — вот он, смущающий момент поклонников ДНК-анализа...

Уже десятки лет мы свидетельствуем несомненно бесовскую одержимость тех, кто скачет в транс-радении, впадая в

истерический экстаз от того, что он не «москаль», кто маниакально учит своих детишек «резать русню» и тащить «на гиляку», ритуально поедает в ресторанах «органы ватников». А методично — от карпатских сельских приходов до всемирно почитаемых светильников, древнейших монастырей и лавр — выбрасываемые из собственных храмов православно верующие? Но почему-то до сих пор ну никак не решаемся в полный голос назвать-обличить природу сатанинской ненависти к беззащитно пытаемым нацбатниками и СБУ. Пора, давно пора открыто признать, что солдатам России противостоят не «идеологически свихнутые, культурно дезориентированные» люди, а inferнальные, душевно повреждённые враги, запредельно мотивированные не школьной великоукрской историей и прозападной пропагандой, а метафизической непереносимостью Христа, боязнью Православия. Ведь других непримиримых врагов у Русского мира нет и не бывает: «Яко несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным» (Еф. 6: 12).

Русская правда как российский закон

Донбасс вбирал меня постепенно. Первые поездки восьмилетней давности не дали ощущения, тем более понимания сотворения здесь чего-то принципиально нового — ещё одна «горячая» закровоточившая точка ещё одной окраины некогда великой России. Такими я видел Абхазию, Чечню, Южную Осетию. Та же воспалённость местничества, то же самомнение молодых лидеров при тоскливом смирении стариков. И неверие в худшее женщин. Вот что резко отличало от Кавказа — стремление всё прибрать сразу же после боя: починить окна и крыши, покрасить стены и заборы, прикопать воронки. Это местное нежелание жить в войне, жить войной, вызывало нутряное тепло славянского кровного родства. Потому как помню, что в иных краях под вино над нардами местные искренне недоумевали: «Зачём ремонт? Мы знали — русские придут, сделают». Сюда русским приходиться не требовалось, они здесь уже были.

Захватывающее, всё большее погружение в судьбоносные загадки Донбасса прямо следовало за затягиванием решения о его статусе. Затягиванием до невыносимости. То, что так стремительно произошло с Крымом, с Донецком и Луганском оказывалось почему-то невозможным. Множились встречи с преподавателями ВУЗов, библиотекарями, музейщиками, писателями. А с местной творческой молодёжью

мы знакомились и в России, на наших конкурсах, фестивалях и семинарах. Общался я с шахтёрами, с врачами. Но, признаюсь, не совсем понимал местных. Сочувствовал — да, но не понимал. Не понимал их терпения. Их упёртости.

Замороженные минскими переговорами, линии окопов с перманентными автоматнo-пулемётными дуэлями то и дело вскипали полновесной артиллерийской канонадой, перекрёстным ракетным шипом. От «прилётов» гибли и крутые герои 2014-го года, и совсем крохотные ангелы-ребятишки. Воронки прикапывались, стены красились. Ночью бухали взрывы, а утром в автобусах и трамваях ехали студенты и школьники, в витринах магазинов обновлялась реклама. Работающие шахты, заводы, распаханнные и засеянные поля.

Но в какой-то момент количество пыхнуло качеством. «Шизофрения» местной жизни как-то нехорошо резонировала с шизофренией нашего Отечества: с 13-й статьёй Конституции и Гоголь-центром, с чайлдфри и господдержкой абортов, с вывозом Центробанком к геополитическим конкурентам миллиардов долларов при миллионах собственных граждан, деградирующих «за чертой бедности». С новогодними разгулами с ноября по март, с никак никем не контролируемой закредитованностью при массовой дебилизации. Необратимое вымирание нации под «Comedy Club» и «Танцы со звёздами», более того — под секс-проблемы голливудских звёзд... Да, Боже мой, это же не Донбасс, это же мы все живём на шизофренической войне-не-войне, все мы — от Анадыря до Ростова! Донбасское нежелание жить этой своей войной-не-войной, отвращение Новороссии к своей войне-не-войне для меня открыло мою Россию. И, кажется, теперь я начинаю понимать — зачем Донбасс России, почему он нам необходим.

Вновь «Дневник писателя» Достоевского, вновь апрель 1877 года: «Нам нужна эта война и самим; не для одних лишь «братьев-славян», измученных турками, подымаемся мы, а и для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задохнулись, сидя в немощи растления и в духовной тесноте»...

Не сразу, но всё же Главное военно-политическое управление Вооруженных Сил РФ стало включать членов Союза писателей России, вместе с артистами и лекторами общества «Знание», в свои «агитбригады», выезжающие в госпитали, военные институты, военные городки и расположения тыловых частей — про передовую без страховки нельзя и думать. В этих поездках наши литераторы въявь познают безмерность солдатских жертв, ежедневно приносимых на «нам нужной

войне». С занозящими сердце картинами безногих и безруких молодых, красивых, ненажившихся колясочников. И тут же рядом нетерпеливо ждущих повторных операций, после которых можно будет вернуться в строй — в окопы и блиндажи к точно таким же молодым, но ещё не познавшим госпитального отчаянья радистам, лётчикам, танкистам и сапёрам, ещё уверенным в себе, в своём воинском мастерстве и мощи вверенного оружия. И спасибо Министерству обороны за этот опыт сострадания и восхищения, опыт, который трезвит и возвращает писателей — особенно поэтов, к ответственности за свои, порой излишне красивые слова — да, да! Искренне высокие слова о действительно высоком.

Проблема в том, что начало СВО вызвало буквально навал патриотической поэзии. С первых дней Операции стихи «на тему» стали писать все и повсюду — кто знал, что такое армия и даже обладал боевым опытом, и кто не имел ни малейшего представления об Уставе караульной службы и верил киногероям. Я не говорю о качестве стихосложения — мастерство или любительство «тема» не губит и не исправляет, и мы знаем немало прекрасных строк, написанных «к дате», но, как правило, если эти строки всё же опирались на личный опыт боли или счастья сердца поэта, на картины из его памяти, а не на лишь пересказанное ему другими. Потому-то мы сегодня с особой надеждой вчитываемся и вслушиваемся в творчество, доносимое с передовой: там, в окопах, у поэтов действительная полнота речательства за написанное и произнесённое.

Ведь сколько точно таких же восторженных стихотворцев, которым «Рок рукой суровой Приподнял завесу времён», в 1914-м площадно и салонно громыхало столь же патриотически-кимвально за Веру, Царя и Отечество, но через год-другой устало ждать скорых окончательных побед, устало терпеть сужение благ, сникло и стихло. И лишь кому «святой Георгий тронул дважды Пулею не тронутую грудь» мы до сих пор верим, что «воистину светло и свято Дело величавое войны».

Опыт соприкосновения с болью и героизмом, войдя в сердце, держит, не отпускает. Не отпускает доверчиво торопливое, полушёпотное уверение худющего, с черняками как у панды вокруг глаз, парнишки в великоватой больничной пижаме, с досадой поднимающего тяжело загипсованную руку: на днях из Донецка переводят в Питер, где врачи обещали последнюю операцию, и можно будет вернуться «к себе в разведку» — «ведь мы Изюм брали, его же опять брать придётся». Не отпускает и, слава Богу, не отпустит, пока не напишу о нём, об этой его доверчивости.

В Мариуполь из Луганска рабочая группа из следователя, криминалиста, трёх экспертов Военного следственного управления и прикомандированного крымского адвоката выдвинулась в шесть утра. Микроавтобус тянул напряжисто ровно, сотню держал легко, ловко обходя следы давних и свежих прилётов. Дорога неблизкая, и опытные службисты додрёмывали, мы же с адвокатом впитывали заоконные пейзажи, отмечая блокпосты на зачётных въездах-выездах Новоайдара, Макеевки, Дебальцево, Донецка, Горловки, Купянска, Волновахи. Цель выезда — следственный эксперимент, подтверждающий показания пошедшего на признательные показания военнопленного, убийцы мирных жителей. В «багажном отделении» микроавтобуса на самодельных полках всё необходимое — от металлоискателя до квадрокоптера. Лопатки, химвприборы, макеты тел и оружия. Как выяснилось позже — даже бронжилеты и автоматы.

Дорога, действительно, получилась долгой, и мы с адвокатом стали терять интерес к мелькавшим за окнами хатам и бронетехнике. Наконец-то прибыли — паркуемся у главного въезда на территорию металлургического комбината имени Ильича. Бывшего комбината. Здесь мы встретились-объединились с группой сопровождения подозреваемого ФСИН из Донецкого лагеря военнопленных.

Полчаса ушли на переговоры с охраной комбината из молодых, сплошь рыже и чёрнобородатых бойцов многославного отряда «Ахмат» и подтянувшимся седобородым начальством. Сверяли документы, уточняли состав допущенных и маршрут следования на закрытой территории. С маршрутом получалась проблема, ибо он зависел от памяти подозреваемого: нужно было найти место, где год назад дислоцировалась его рота, из расположения которой солдаты и выступали на охрану периметра комбината.

В сопровождении двух «патриотов» петляем по заводской территории. Кстати, нужно отметить — в качестве военной полиции чеченцы в зоне некавказской войны идеальны: они не вступают в сложности местной гражданской междоусобицы, когда непонятно, где брат, где сват и кто в каких родственных или дружественных с детского сада отношениях. Артистично дисциплинированные, равно ко всем недоверчивые — повторяюсь, как военная полиция они совершенно на своём месте.

Километровые кварталы бетонных остовов избитых ракетами и снарядами пустооконных цехов смежаются-связы-

ваются сложнейшими переплетениями разноразмерных ржавеющих труб. Полноценные многорельсовые железнодорожные узлы с застывшими составами цистерн и грузовых вагонов на фоне усечённых пирамид плавильных печей. «Ильич» всё больше потрясает масштабами былых производственных мощностей. Есть даже внутренние автобусные маршруты — а что тогда пятикратно превышающий его «Азовсталь»?.. Ржавчина, сажа, бетонная пыль, тусклые рамные соты. То там, то здесь отжатые к обочине обгорелые остовы натовской и эсэсээровской бронетехники. И даже ярко-жёлтый, густо побитый автоматными и пулемётными очередями пассажирский автобус. Сколько же работы тут было для сапёров. И вряд ли обезврежено всё. Однако «улицы» уже расчищены от завалов, кое-где высятся строительные леса — комбинат подлежит восстановлению. А какая-то жизнь в нём и не прекращалась: стоит притормозить, как тут же из, казалось бы, глухой бетонно-железной мертвечины появляются кошки. Чёрные, рыжие, они выпрашивающе заглядывают в глаза, но неголодно разборчивы, и так же в никуда исчезают, игнорируя предлагаемый крекер.

«Там был мостик, рядом медпункт» — мостиков над ЖД-путями несколько, все похожи, но со второго круга всё же находим нужный. Обгорелый натовский броневик, по стене киоска «укропам за бату». Брошенные берцы, рваная армейская куртка, нарукавная синяя изолентовая повязка... В подвале под бывшей цеховой столовой — в штабе подразделения ВСУ — классика: столы, заваленные одноразовой посудой, пустыми консервными банками и коробками, нары с гниющими матрасами и остатками одежды, по полу, между пластиком, бумагой и тряпьем, россыпи использованных шприцов. И обязательный жовто-блакитный прапор. Теперь он трофей, а мне дарят сильно оцарапанную картонную иконку «Почаевскую» из разорённой поликлиники. Дома подреставрирую.

После фото- и видео-фиксации показаний обвиняемого, переезжаем с территории комбината в застройки частного сектора. Здесь он должен показать главное: откуда стрелял и как убивал мирных жителей.

Тогда, перед самым штурмом, пользуясь моментом гражданского безвластия и бесхозности, местные жители делали вылазки на комбинат, мародёрствуя по силам — что-то свинчивая в цехах, гаражах, в службах обеспечения. Но, с другой-то стороны, ведь не для лёгкого преступного обогащения — но как и чем кормить детей во время войны? Как и чем кормиться самим? Нигде ведь никак не заработаешь, и

на гуманитарку особо не понадеешься — сколько-нибудь системная помощь возможна только при победе одной из сторон. Вот и свинчивали, обрезали, таскали на обмен спекулянтам всё, что помещалось в рюкзаки и сумки. Бывшие токари и электрики, маляры и лекальщики, бывшие литейщики и технологи.

Заметив группу из шести «мирных», двигавшихся в сторону комбината, подозреваемый сообщил по рации командиру, тот дал приказ «мочить». И подозреваемый, параллельным проулком бегом обогнав горе-воров, расстрелял в них весь боекомплект — четыре «магазина» — сто двадцать патронов! Двоих убил точно, остальные в темноте разбежались. Опять доложил, прося срочно поднести патроны.

Год назад, когда его часть перекинули в Мариуполь, ему как раз исполнилось двадцать пять. Простоватый сельский парнишка, со школы взведённый пропагандой на рано или поздно неизбежную войну с «руснёй», после мобилизации прошёл курс молодого бойца, получил оружие и веру в безнаказанность лишь за приказу. А задуматься: по какому-такому приказу расстрелять сто двадцать патронов в мирных жителей, для разгона которых хватило бы выстрела в воздух? Двоих он убил точно, уверен абсолютно.

Подозреваемый, приученный лагерем военнопленных молчать, здесь на выезде возбудился, старательно припоминает случившееся, рассказывает и показывает всё в мельчайших подробностях, с каким-то даже доверием к нам. Криминалист и эксперты фотографируют, делают видеозаписи даже с квадрокоптера, ищут гильзы, следы от пуль. А я, стараясь не попадать в кадр, мучительно пытаюсь понять: эта вот неразвитая, глухо сельская простота на самом деле позволяет не проваливаться в ужас содеянного? В ужас жить убийцей мирных, беззащитных, пусть по мелочи, от нужды приворовывающих. Убийцей по приказу... Неужели совесть — крест только интеллектуалов?

Последние формальности, сверка и уточнение показаний, подписание документов — следовательно, адвокат и подозреваемый, сцепленный наручниками с конвоиром, засели в микроавтобусе. Криминалист и эксперты относительно свободны. После руин комбината, здесь, в частном секторе Мариуполя, всё так тихо, так солнечно расслаблено. Единственно — любопытствующие не выходят из своих дворов, осторожно наблюдают из-за заборов.

Хотя нет, есть место жизненной активности — по соседству спаренный магазин продуктов и стойматериалов, на высоком крыльце которого неспешно сходятся для обмена

новостями пожилые женщины, спорят о соотношении цены-качества дети, к которому паркуют свои придавленные багажниками шушлайки деловитые мужички-ремонтники. Криминалист тоже заходит в продуктовый. Возвращается с большим жареным пирожком в прозрачном пакете и бутылочкой минералки. Молча протягивает неловко выбирающемуся из микроавтобуса подозреваемому — да что там! — признавшемуся убийце. Тот так же молча принимает. Жадно откусывает, неоткрытая вода во второй, стянутой наручником, руке.

Если бы пирожок предложил следователь, можно было бы заподозрить профессиональную попытку «установления доверительных отношений». Но криминалист! — уже шесть лет как пенсионного возраста подполковник-новосибирец, здесь, в зоне СВО, продолжающий службу Родине. Это нормальный человеческий порыв покормить голодного, пусть преступника. Невольно примеряю: а я на такое способен? Как всё не просто.

Белый платок

Люблю предание о том, как назначенный на пост главы Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и Корпуса жандармов Александр Христофорович Бенкендорф по окончании первого своего доклада верноподданнически спросил: «Государь, а какими инструкциями, помимо служебного положения, я должен руководствоваться»? Подумав, Николай Павлович протянул ему белый носовой платок: «Вот твоя инструкция, чем более утрёшь им слёз несчастных, тем лучше исполнишь своё назначение».

Как бы хотелось увидеть в Военном следственном управлении республик Донбасса новый СМЕРШ. Одна только Аллея Ангелов взывает к этому. А ещё тысячи и тысячи открывающихся преступлений, садистских, зверских, запредельно страшных, совершённых и совершаемых служаками ВСУ и СБУ, нацистских батальонов и терробороны против мирного населения и наших военнопленных. Какие им восемнадцать или двадцать пять — только публичная казнь через повешенье! Хотелось бы. Но надо понимать, что кара не то, ради чего работают следственные органы, главное в их службе — восстановление справедливости. Возвращение веры в справедливость.

Председатель Следственного комитета России Александр Иванович Бастрыкин: «С начала специальной военной опе-

рации на Украине мы активизировали работу нашей следственной группы на территории Донецкой и Луганской народных республик. К сожалению, зверства фашистов и нацистов по своей жестокости не знают себе равных за всю историю человечества. Это какая-то страшная нацистская традиция даже не идеологического характера — получать удовольствие от тяжелых страданий и смерти мирных жителей».

О том, что перед нами, действительно, не идеология неких нравственных извращений, а откровенный сатанизм, писал не раз и могу лишь повторить: пресечение такой «традиции» зла невозможно ответным злом. Да, расследование должно заканчиваться наказанием преступника. Да, никакого примирения с садистами, осквернителями святынь и обидчиками беззащитных. Но и понимание: с адскими тварями одними только человеческими силами, в пределах только человеческих законов не справиться. Нужна помощь Божья.

При обязательности юридического и направленно технического образования, при достаточной экспертной и информационной поддержке, при наличии опыта и удачи, в деле службе-судьбе следователя главное — не понимание мотивов поведения участников произошедшего, не разгаданная логика запланированных и случайных событий, подтверждённая уликами и свидетельствами, главное — любовь, сочувствующая, сопереживающая любовь к пострадавшим и страдающим: «Чем более утрёшь им слёз несчастных, тем лучше исполнишь своё назначение».

Есть такая задача у служб Следственного Комитета России — установление личностей погибших. Погибших сегодня, вчера, год-два назад, восемьдесят лет. На выезд для такого установления личностей эксгумируемых тел в Северодонецке и окрестностях с группой следователей, криминалистов и экспертов взяли и меня. Как всегда ранее-раннее утро, тёмно-синий микроавтобус в сопровождении «Тигра» собровцев и «сапожка» сапёров, резковато виляя и подпрыгивая на прилётных выбоинах, пролетает мимо городков и сёл, притормаживая на блокпостах. К видам соседства руин и ухоженных усадебок привыкаешь быстро, запомнились лишь недавно покуроченный украинцами мост через Северодонецк и несчастный посёлок «Счастье». Интересно, когда ему дали это столь обязующее название?

Запахи войны осколками врезаются в память, неизживаемо врастают в неё «инородными телами», неожиданной резью вдруг связывая, казалось бы, столь разнесённое временем и пространствами. На Донбассе к запахам войны для меня добавилась тонко облепляющая всё и проникающая

внутри смрадность потревоженных захоронений. Эксгумация, экспертное подтверждение личности, перезахоронение на кладбищах. Человеческое, достойное упокоение жертв неофашизма — солдат, мирных жителей, военнопленных.

На въезде в город к нашему кортежу присоединяются микроавтобус «поисковиков» и тентованный грузовичок для перезахороняемых, оба под криво нарисованными значками «200». Первое тело ждёт нас в самом Северодонецке. С мая всё лето 2022 года здесь шли плотные бои, украинская ракета выкрошила-обрушила весь подъезд пятиэтажки сверху донизу, и прятавшиеся в подвалах соседи в перерывах меж обстрелами смогли лишь прикопать погибшего прямо под домом. У школьного забора. Сама школа тоже кругло пробита ракетой, да и вокруг её спортивной площадки выгоревшие руины панелек. Леденящая сердце панорама: угольный скелет крыши над школой с пустыми окнами, детские спортивные снаряды на фоне холодных зазубрин почерневшего бетона. И далёкие звуки канонады. Так как родственники погибшего не найдены, протокол эксгумации подписывает кто-то из местных чиновников.

Переезжаем в посёлок Синецкий. Берег Северодонецка, характерные для юга частные застройки без большого достатка — домики из самана или в полтора кирпича под шифером, усадьбочки на пара-тройку соток, кое-где редкие двухэтажные «коттеджи». Но повсюду в весенней напряженности скорого цветения абрикосы, вишни, сливы, яблони, груши. Из-за разномастных, повитых виноградом заборов на прибывших собираются азартно лающие разновеликие собаки. Не получив одобрения хозяев, недовольно расходятся. Но некоторые возвращаются уже с миром — знакомиться. Канада ближе, громче и злей.

Невысокая пожилая женщина в ярко-синем пуховике, с отросшими сплошной сединой некогда тёмными волосами, суетится, наскоро объясняя подробности смерти и временного захоронения. Копальщики, облачившись в белые комбинезоны и скрыв лица за масками, кажутся ангелами, пришедшими забрать погибшего в рай. Тело сына было прикопано матерью в углу огорода, возле сарайчика. Так как неглубоко, вскрывают быстро, но доставать останки не спешат — фотофиксация, протокол.

Подходят соседи. Тихо комментируют и обмениваются новостями. Вслушиваюсь, стараясь из разрозненных, понятных лишь местным обрывков фраз выложить картину здесь произошедшего. Вернее, происходящего.

Мать, руки глубоко в карманах, молчит, не подходя к раскопу, но и не отрывая глаз от работающих в конце огорода.

Как вдруг разговорился шофёр грузовичка «200»: он с женой ехал на своём «жигулёнке» на рынок, когда попали под мины. Жена погибла на месте, а его вывезли в больницу. Несколько месяцев в коме, медленное возвращение. И два года поиска жениной могилы. Тогда-то и познакомился с поисковиками. Стал помогать чем мог, а теперь и вовсе перешёл к ним на службу. «Жену нашёл»? — «Да, всё слава Богу».

Лишь когда упакованное в чёрный мешок тело понесли к калитке, мы услышали тихий-тихий материнский шёпот, что страшнее вопля: «Серёженьку все любили. Он был таким отзывчивым». Потом она выслушивала разъяснения, что перезахоронение на кладбище в гробу с надмогильным крестом для неё бесплатно, что документы получит на следующей неделе. А записку в церковь у неё возьмут сейчас. Наконец очнулась: «Бесплатно?» Всё, всё бесплатно, за счёт государства. Всё по-человечески.

Третье захоронение оказалось «пустышкой». Ну, не совсем пустышкой: в основном леске возле отбитого у ВСУ опорника осталась могила, как думали — погибшего здесь солдата. Переоборудовавшие под себя окопы и блиндажи великогородцы даже поправили её, когда она провалилась после зимы — хоть и противник, но тоже воин. И вроде бы наши минёры осмотрели-прослушали-прокололи могилку, дав «добро» на вскрытие... Но вместо тела там лежал фугас! Ржавчина подразъела взрыватель, да и разбежались мы мгновенно. Случается и такое.

К настоящему времени сотрудниками СКР установлены личности более двухсот погибших в Донбассе за эти девять лет, все найденные и даже неопознанные тела перезахоронены. По-человечески.

«Эта война нужна нам»

«Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу [Божию]. Ибо написано: Мне отмщение, Аз воздам, говорит Господь» (Рим. 12: 19). Сразу оговорю: я за добро с кулаками, за, если нужно — с кровопролитием, защиту святынь и базовых ценностей. Именно об этом слова святителя Филарета (Дроздова): «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша. Аминь». Даже пусть последнее будет нам, ох, весьма непосильно. То ли дело гнушаться и поражать — таковое мы с азартом.

Тема нетерпения оскорблений и обид, целенаправленно наносимых именно святыням и ценностям, обострилась с началом СВО, хотя, на самом деле, она на живой памяти уже

не только нашего поколения. А в нашей эре тема вообще не стихает, периодически вспыхивая кошунствами и бредовой клеветой в ответ на добрые дела — народные или властные, порой даже на намерения. Взять, например, объявленное в 2001 году восстановление Россией Русского мира: тогда русофобская агрессия вспыхнула кратно, по некоей отмашке самые разнообразные враги слаженно забили по всему русскому — и в лицо, и в спину забили остервенело, бешено. Вот и сейчас точно так же сорганизовано и купно бьют по Русской Православной Церкви, по народным традициям, по нравственному облику русского воина, русского человека. Клеветают, визжат, истерично брызжут ядом не только давно обнажившиеся русофобы, но и даже те, от которых до сего времени и особой-то критики русскости вроде как не наблюдалось. Так, тонкая вонь и кухонное шипение. И СВО лишь оправдывает — как бы оправдывает, по их логике — эту вспышку озлобления. Как бы объясняет...

Из энциклопедии: *«Русский мир — культурно-цивилизационная, геополитическая и религиозная концепция. Не имеет юридического определения и однозначного толкования, разные авторы подразумевают под «Русским миром» интеграционный проект, диаспоральную стратегию, цивилизационный центр, «русскую идею», политическую технологию, идеологию или что-либо другое. С начала 2000-х годов концепт «Русского мира» был задействован правительством Российской Федерации в качестве внешнеполитической доктрины. За пределами России он часто ассоциируется с её внешнеполитическими действиями. Базовыми составляющими «Русского мира» считается Россия и русское зарубежье».*

«Интеграционный проект», «диаспоральная стратегия», «цивилизационный центр», «политическая технология» — это политическая технология Службы внешней разведки Российской Федерации. А ещё в той же энциклопедической статье цитируется «Слово на обновление Десятиной церкви» одиннадцатого века с поминанием святого Климента Римского великим князем Киевским Изяславом Ярославичем: мол, прославлен тот «...не только в Риме, но и повсюду: и в Херсоне, и ещё в русском мире». Такой, типа, контекст: Русский мир — это просто ареол проживания.

Проблема в том, что понимание универсалии «Русский мир» большинством как патриотов России, так и её противников зачастую ограничивается сферой телесного, материального: национально ориентированной экономикой, социальной справедливостью, народосбережением, возвращением к естественным границам Российской империи с попечи-

тельством над противящимися капиталистическому порабощению народам, и сферой душевного, интеллектуально-эмоционального: русской культурой, русским искусством, наукой. Т.е. объявленный заново Русский мир как бы потерял, как бы «забыл» свою исходную духовную природу, свою духовную сущность-суть. Забыл то, как он заявлялся в тринадцатом веке в Послании смиренного епископа Симона Владимирского и Суздальского к Поликарпу, иноку Печерскому: «...великий святитель Леонтий, епископ Ростовский, которого Бог прославил нетлением; он был первый на Руси святитель, которого, после многих мучений, убили неверные. Это третий гражданин Русского мира, с двумя варягами увенчанный от Христа, ради которого пострадал». Третий гражданин Русского мира — третий увенчанный от Христа на Руси святой-мученик. Здесь Русский мир представлен и явлен как мир изначально сакральный, победно Православный: Русский мир есть увенчанная Христом Святая Русь.

Именно в заявлении о начале воссоздания Святой Руси, пусть и неосознанном самими заявителями, лежит настоящая причина такого переполоха неруси, корень беснований, открыто адской агрессии, вспыхнувшей как за границами России, так и внутри Отечества. Вспыхнувшей по всем городам и весям, даже в местах сокровенных, казалось бы, ответственных за безопасность Отечества, безопасность материальную, культурную и религиозную.

Тут тонкость: когда патриоты-материалисты говорят о злой силе, нападающей на Россию, они помечают её, злую силу, множественным числом — «враги». Враги: нацисты, олигархи, иезуиты, либералы, педерасты, натовцы... Верующие же говорят — «враг». Ибо для религиозного сознания совершенно ясно, что все аспекты и все адепты русофобской «гибридной войны» лишь спектральные лучики-люминесценции от единого Люцифера. Он же Сатана и Иблис. Право, обратите внимание: самые, казалось бы, разнообразные ненавистники России нападают на неё настолько шаблонно и эпигонно, настолько нетворчески, изо рта в рот матрично повторяя одни и те же клеветы, одни и те же лживые обвинения, что этой своей скудостью матриц выдают единый центр, единый источник их извержений — отца этой лжи. Своего отца.

Обожаю цитировать письмо Ф.М. Достоевского к А.Н. Майкову от 9 (21) октября 1870 года: «Нет, мой либерализм не доходил до этого; я был тогда ещё в каторге и не радовался успеху союзников, а вместе с прочими товарищами моими, несчастненькими и солдатиками, ощутил себя русским, желал успеха оружию русскому и — хоть и оставался тогда всё

ещё с сильной закваской шелудивого русского либерализма, проповедованного говнюками вроде букашки навозной Белинского и проч., — но не считал себя нелогичным, ощущая себя русским. Правда, факт показал нам тоже, что болезнь, обуявшая цивилизованных русских, была гораздо сильнее, чем мы сами воображали, и что Белинскими, Краевскими и проч. дело не кончилось. Но тут произошло то, о чём свидетельствует евангелист Лука: бесы сидели в человеке, и имя им было легион, и просили Его: повели нам войти в свиней, и Он позволил им. Бесы вошли в стадо свиней, и бросилось всё стадо с крутизны в море и всё потонуло. Когда же окрестные жители сбегались смотреть совершившееся, то увидели бывшего бесноватого — уже одетого и смыслящего и сидящего у ног Иисусовых, и видевшие рассказали им, как исцелился бесновавшийся. Точь-в-точь случилось так и у нас. Бесы вышли из русского человека и вошли в стадо свиней, то есть в Нечаевых, в Серно-Соловьевичей и проч. Те потонули или потонут наверно, а исцелившийся человек, из которого вышли бесы, сидит у ног Иисусовых. Так и должно было быть. Россия выблевала вон эту пакость, которую её окормили, и, уж конечно, в этих выблеванных мерзавцах не осталось ничего русского. И заметьте себе, дорогой друг: кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую и Бога».

Специальная Военная Операция стала причиной — физической, внешней причиной исхода бесов из призванной к выздоровлению России. То есть СВО — материализация части Божественного промысла о России. И понятно, что полный исход нечисти произойдёт ещё очень и очень нескоро: масштабы нашей страны колоссальны и статика нашего общества неимоверна, поэтому процесс очищения предстоит тяжёлый, мучительный и неимоверно дорогой по жертвам. Ибо «шелудивая» болезнь страшно запущена, и какие же радикальные лекарства потребуются, чтобы наша Родина «выблевала вон эту пакость, которую её окормили». Ещё и многие из носителей бесовского легиона вовсе не согласны покидать своих насижено-тёплых мест в администрациях, министерствах, банках, вузах, НИИ, при федеральных и региональных, отраслевых и ведомственных бюджетах и псевдокультурных субсидийных кормушках. Пятая колонна одержимых либерализмом до последнего будет уверять себя в возможности перетерпеть, переждать специальную операцию, затаиться, пока «всё нормализуется» и можно будет вернуться в недавнее прошлое всеобщего западопоклонничества.

Однако, всё более вовлекающая в себя новые страны, новые военные и промышленные ресурсы, энергии и воли, СВО

сама для себя имеет причину, и эта её, СВО, настоящая причина нематериальна, неподвластна чьему-то там человеческому или бесовскому хотению или уверению. Поэтому-то на фронтах ничего и не идёт по чьему-то человеческому или бесовскому плану: «Ибо Иисус повелел нечистому духу выйти из сего человека». Иисус повелел России выздоравливать, очищаться — и потому сие непреложно, неотменно.

Вернёмся к теме — нашей и моей — естественной реакции на провокативные нападки русофобов. Давайте принципиально не будем озвучивать их фамилии и ники, ибо если имя одержимых «легион», то сущность одержимых — свинство. Это же свиньи, по свидетельству евангелистов, — самые натуральные свиньи клеветуют на нашу Церковь, нашу Армию, историю, культуру, на нашу Россию, наш Русский мир. Тут нет некоего скатывания до «мести» взаимооскорблений: одержимые сами, своей собственной волей отказались от права именоваться людьми. Да разве может человек оскорблять то, что для другого человека свято? Даже если он иноверец, даже если материалист — разве может один человек самоутверждаться унижением матери или оплевыванием дитя другого человека? Матери, родины, религии? Это могут только нелюди. Самолишившие себя человеческого звания, человеческого имени, имени, связанного или с ангелом-хранителем, или с семейной традицией, собственным нечеловеческим поведением променявшие своё имя на ник-кличку-погоняло. И поэтому не нужно, ни к чему нам перечислять, постоянно повторять и этим рекламировать клички свиней. Ими должно только гнушаться.

«Мне отмщение, Аз воздам». Когда встречаем клевету, исходящую от одержимых и провоцирующую ответный гнев, надо тут же вспоминать об их одержимости. Мне довелось шесть лет посильно участвовать в становлении монастыря. И я свидетель тому, как на стройку приезжали не только одержимые, но и открытые колдуны, гонимые туда злой силой как-либо помешать строительству. Я свидетель тому, как они разными способами выбивали трудников и послушников — вовлечением в скотское грехопадение или воспалением бесовской гордости выдёргивали, выталкивали из монастыря. Ответно за оступившихся начиналась всеобщая молитва. И, по подсказке духовника, я видел, как злая сила разрушала своих адептов, как страшно колдуны и одержимые расплачивались за творимое ими, точнее — творимое через них. Поэтому вновь и вновь буду повторять за апостолом Павлом: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию». Не воспаляйтесь встречной злобой — инфернально

одноприродной. Как бы ни старались спровоцировать кошунники — «гнушайтесь убо врагами Божиими».

... Камуфляж в шкафу на плечиках, я выпался-отнежил-ся в своей постели, отзвонился родным и близким и теперь честно пытаюсь раствориться в толпе, влиться в утвердившийся ритм своего бывшего быта, встроиться в мысли и разговоры о недавно столь важном, но — никак не получается. Потому что я знаю, уже верно знаю: идёт война. Против нас и наших детей, против наших внуков. И потому совершенно ново перечитывается «Дневник писателя» Достоевского за апрель 1877 года: «Нам нужна эта война и самим; не для одних лишь «братьев-славян», измученных турками, подымаемся мы, а и для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задохались, сидя в немощи растреления и в духовной тесноте... Но мудрецы всё еще продолжают смеяться и всё еще верят в себя, что они великая сила. «Погуляют и воротятся», — говорят они теперь про наши войска, перешедшие границу, говорят даже вслух. «Не бывать войне, какая война, где уж нам воевать: просто военная прогулка и маневры, с тратой сотен миллионов для поддержания чести»».

На моё поколение полной мерой высыпало «горячеточечных» и масштабных боевых действий: Афганистан и Приднестровье, Карабах и Абхазия, две Чеченских, Южная Осетия, Сирия... И вот эта — официально СВО.

Дети «застоя», не верящие пропагандистскому официозу, мы всегда, во всех конкретных случаях для самоопределения, для утверждения личного отношения к началу тех или иных конкретных вооружённых конфликтов искали для них максимально оправдательную мотивацию. Против кого мы выступаем? За что мы вступаемся? Мы — Советский Союз и Российская Федерация. С «против» всегда было просто: враг всегда явный — или США, или ОПГ по национальному принципу. А вот «за»...

Великий наш философ Алексей Фёдорович Лосев, он же монах Андроник, в последней своей статье «Родина» подводил итог своим познаниям мира: «Родина требует жертвы. Сама жизнь Родины — это и есть вечная жертва... Жертва же в честь и во славу Матери-Родины сладка и духовна». И как же трудно, да практически невозможно государству мотивировать своих граждан на самоотдачу, на жертвенность — до смерти, до инвалидности — если у него, государства, нет идеологии. Если у него есть наследная честь, есть славное прошлое, но не заявлено открытой для всех, центральной, стержневой государство-формирующей идеи, ясной всем гражд-

данам конечной цели построения будущего, нет идеалов этого будущего. Ради чего тогда жертвовать собой?.. Ну, не ради свобод и демократий, это точно. Тогда — ради общей сытости и комфорта? Пролонгирования старости?

Так зачем же, Фёдор Михайлович, «нам нужна эта война», на самом ли деле «для собственного спасения»? Конечно, для жителей Донбасса такого вопроса не существует уже девять лет, но нужна ли эта война томичам и хабаровчанам, краснодарцам и пермякам, нижегородцам и тувинцам? По отдельности — нет. Но она нужна нашей Империи. Империи — наднациональной семьи, где старшесть — ответственность, а младшесть — возлюбленность, в которой каждый народ находит своё место и востребованность. Наша Российская Империя на основе унаследованных от Империи Византийской восточно-христианских пониманий добра и зла, правды и неправды, мер свободы и принуждения сотворила на величайших просторах сложнейшую многоцветную симфонию из великих и малых культур и этносов — кочевых и оседлых, с бесчисленными кастами, сословиями, цехами и общинами. Эта симфония и называется Русский мир, против которого сегодня на землях Донбасса прямо или опосредованно воюют США и Великобритания, Польша и Грузия, Германия и Франция, Чехия, Дания, Канада, Италия, Греция, Япония, Словакия, Словения, Испания, Кипр, Турция, Латвия, Литва, Болгария, Хорватия, Эстония, Финляндия, даже «нейтральные» Швеция и Швейцария — уже более полусотни стран. Воюют те, для кого православная по духу, и этим созвучная всем светоносным религиям, модель русского мироустройства является враждебной в своей сути, противной изначально и окончательно, ненавидимой на иррациональном уровне.

Так что у нас — томичей и хабаровчан, краснодарцев и пермяков, нижегородцев и тувинцев — жителей Русской Империи, граждан Русского мира, есть самая высокая мотивация в этой войне. Ведь одним из самых незыблемых, вневременных обоснований для гражданского самопожертвования было, есть и будет понятие о справедливости — понятие о соответствии деяния и воздаяния, труда и вознаграждения, преступления и наказания. Важнейшая категория социально-философской мысли и добродетель, противостоящие греху алчности, для русского сознания выражаются словом ПРАВДА.

...Благодаря договору о сотрудничестве, заключённому меж Союзом писателей России и Следственным Комитетом, мне довелось стать свидетелем работы следователей, кримина-

листов и экспертов территориальных военно-следственных управлений СКР. Я видел, что такое задержание, обыски и допросы завербованного СБУ, видел, как проходит следственный эксперимент, на котором бывший военныйслужащий ВСУ показывал, как расстреливал «гражданских», присутствовал при эксгумации тел мирных жителей, временно, под нацистскими обстрелами захороненных во дворах и огородах. Познакомился с работой экспертов по радиоэлектронике, генетике, психологии — в том числе, с тестированием убийцы на полиграфе. Мне позволили проводить беседы с пленными военными преступниками. Вместе со следственно-криминалистской группой я из Луганска выезжал в Мариуполь и Северодонецк, через знаковые для нашего времени Новоайдар, Макеевку, Дебальцево, Донецк, Горловку, Купянск, Волноваху.

Начальник Луганского Следственного управления СКР, начальник Луганского Военно-следственного управления СКР, заместитель руководителя Луганского 2-го Военно-следственного управления СКР Объединённой группировки Вооружённых сил РФ (1-йотдел в Донецке)... Начальник отдела криминалистики Главного управления криминалистики СКР, эксперты дактилоскопии и ДНК-исследований — теперь для меня эти штатные должности обрели имена и отчества, портретные черты, голоса и даже приметные особенности поведения. Непосредственно наблюдая сложно организованную работу группы по осмотру преступлений с подробной видео и фотофиксацией по ведению протоколов с соблюдением всех формальностей, с участием адвокатов и понятых по сбору и передаче на экспертизу доказательств. Понемногу я познакомился с представителями местных правоохранительных органов, помогающих в решении многих проблем. Как правило, все они с боевым опытом, поэтому в отношении к подозреваемым и обвиняемым настроены куда как жёстко. Однако они не просто «терпят формалистику», но и понемногу смиряют себя — надо привыкать, теперь здесь Россия, теперь законы Российские. Всегда поблизости от выездной группы ненавязчиво рассредоточены сопровождающие «тяжёлые» — бойцы СОБРа или ОМОНа. И минёры.

После судьбоносного не только для России, но и всей Европы — да и всего мира! — волеизъявления на референдумах жителей ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в сентябре 2022 года о вхождении республик и областей в состав Российской Федерации был разработан и утверждён план на переходный период до 1 января 2026 года, включаю-

щий в себя как создание стандартных органов власти, так и интеграцию в правовую систему России.

В рамках этого встраивания, в регионах, в которых продолжают тяжелейшие бои СВО, приступили к работе подразделения СКР военной и гражданской специализации. Выступая на заседании историко-правового клуба, посвященном годовщине воссоединения Крыма с Россией, председатель Следственного комитета А.И. Бастрыкин привёл такую статистику: «С 2014 года СК расследует в качестве приоритетных уголовные дела против мира и безопасности, которые совершаются на Донбассе. Возбуждено 2700 дел в отношении 684 лиц, среди которых члены военного и политического руководства Украины, националистических объединений, а также представители силовых структур, в том числе командного состава. Ведь в вооружённом конфликте были ранены порядка 9 тысяч мирных граждан Донбасса, включая более 400 детей, а почти 5 тысяч погибли, в том числе более 130 детей. Сотрудники СК допросили более 254 тысяч человек, потерпевшими признаны почти 25 тысяч, из них почти 3 тысячи несовершеннолетних. Установлен и материальный ущерб инфраструктуре — это более 288 миллиардов рублей».

Тысячи, тысячи и тысячи нуждающихся в защите, в опоре, в справедливости. И возмездии.

Плотность боевых действий не только не снижается, но интенсивность ракетных и артиллерийских обстрелов городов и сёл периодически возрастает до размывания представлений о «передке» и тыле, да и самой своей службой военные следователи привязаны к передвижениям линии фронта. Действуют украинские диверсионные группы, да и минёры не в состоянии гарантировать полной безопасности при обследовании руин, поиске и обыске схронов. Поэтому СК знает, что такое боевые потери. Однако постоянно довлеющая опасность только добавляет сил, крепит боевое товарищество. Кроме табельных «макаровых», дипломированные юристы на выезды берут автоматы, бронежилеты, каски.

Конечно, очень сложно, практически невозможно работать без помощи местных. И тех, кто в погонах, и гражданских. Вот «поисковики», собирающие материалы по временным или тайным захоронениям — как прикопанных во дворах и огородах стариков и детей во время боёв, так и массовых братских могил с сотнями тел расстрелянных и замученных украинскими нацистами.

Горе и боль напитали эту землю. Невыносимо смотреть в глаза женщинам Новороссии. Они прожигают болью на-

сквозь, как глаза у Богородицы на иконе «Умягчение злых сердец». Наверное, это и есть глаза войны.

А враги? Почему они нам враги настолько непримиримо? Что — в окопах сплошь галицийские бандеровцы и киевские правосеки? Днепропетровские азовцы и местные айдаровцы? Или, действительно, в ВСУ ныне все неразличимые «герои света»? Но попавшие в разработку СК России военные преступники с их торопливо протокольным, после признательных показаний, «в содеянном раскаиваюсь», на вид-то не герои. Никаких внешних проявлений психопатологий — ни чуприн-ирокезов, ни свастика на шеях или трёх шестёрок на лбу. Совсем ещё молодые или матёрые, бобыли-волчары или многодетные отцы — ссутулившись, опустив плечи, они все одинаково безэмоционально бормочут, что, мол, только «исполняли приказ». Мобилизованные или добровольцы, по принуждению или от безработицы принимавшие участие в АТО... Военнопленные в луганском СИЗО живут без страха, живут надеждами на обмен, ведь теперь здесь Россия, теперь здесь законы российские. Никого не повесят, не расстреляют. И при этом они всё так же ненавидят всё русское. Всех русских. Тридцать с лишним лет многотысячные тиражи книг и статей отцов украинского национализма печатались и распространялись — при Кучме и при Ющенко, при Януковиче и Порошенке, печатались в том числе и на русском. На территории нынешней Украины выросло уже два поколения — на этих книгах и учебниках с переписанной историей, на передачах, песнях, на скакалках с «режь русню». Так что после обмена они почти гарантированно вновь будут убивать, истязать и насиловать — не вспоминая про нынешнее «раскаиваюсь» со ссылкой на «исполнял приказ».

Ключ к проникновению в сознание некающихся убийц мне предложил эксперт-психолог Главного управления криминалистики СКР, специалист дознания на детекторе лжи, который несколько лет назад «работал» по неонацистам в Санкт-Петербурге: это опьяняющее, дурманящее чувство безнаказанности. Безнаказанность порождает вседозволенность — особый наркотик безоглядной власти. Дозволенности не только отнимать жизнь, но страхом и болью превращать человека в животное. Садизм прививается, на него «подсаживают», и с какого-то момента зависимость от него уже неизлечима, ибо она, оседлавшая разум, иллюзия, галлюцинация безнаказанности высшей — неосудимости и после смерти, на Страшном суде. Отсюда отказ нацистов любых этнических общностей от традиционных религий с уходом в сектантство, в неоязычество, в оккультизм.

«По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф. 17: 1)

Зачем нам, простым русским людям, Донбасс, зачем на нас выпала СВО? Ну, не для расширения же ужатых распадом СССР амбициозно-имперских границ, и, тем более, не для приобретения новых природных богатств и трудовых ресурсов. Нам-то что от этого, простым русским людям? И почему же столь радостно — именно радостно! — мы слушали-смотрели-читали об объявлении Специальной Военной Операции? Может, и с ненужным, но с нескрываемым удовлетворением свидетельствовали страх и тоску на лицах власть предержащих в прямом эфире с заседания Совета безопасности (как же точно об опасности этого страха у Александра Панарина: «Народ без элиты: между отчаяньем и надеждой»): «Опыт России показывает — ни один противник не может принести столько вреда собственной стране, как ее властные элиты, испытывающие к ней страх и ненависть»). Именно преодоление этого своего страха, происходившее в этот год не споро и не у всех, примирило нас с властью. И хорошо, и правильно — России нужен внутренний мир. Мы же не майданщики, нам простить кающегося естественней, чем поднимать его на вилы.

А тогда мы просто радовались — при здравом-то понимании, что материально будем жить хуже, что скорби ждут великие, и что крови прольётся немало, хотя, конечно же, никто тогда не представлял полноты масштабов развернувшейся сейчас войны с пятьюдесятью странами. Мы радовались, ибо радость наша была никак и ничем не связана с меркантильностью, она вязалась только с нашими чаяньями справедливости. Чайньями русской праведности.

Донбасс и СВО дали нам платформу, основание для понимания, точнее — для виденья России. Полного, совершенного, откровенного виденья. Они дали не просто точку зрения, но и дальномер, и весы, и оценочную систему — «кто», «где что» и «по какой цене». Дальномер превратил отдельные факты в процессы, безначально-бесконечно протекающие из прошлого в будущее, весы отделили веки важное от неважно сиюминутного. А цена всему отныне указана в человеческих жизнях. В ампутированных руках и ногах. В сиротстве и даже нерождённости.

«Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8: 12). С 24 февраля мы учимся и привыкаем смотреть на свою Родину не с высоты собственного роста, а с Царь-горы — с Фавора, что выше всех семитысячников, ведь на ней, с этой горы, был открыт смысл жизни человека и человечества. Смысл жизни, без которого можно уверовать в хаос и случайность Вселенной. От внезапной этой смысловой высоты со всё распахивающимися и распахивающимися далями, разрастающимися пространствами и временами, обретающими всё более пронзительную чёткость промыслами-судьбами, кружится голова, отказывает вестибулярка, но надо привыкать. И привыкать скоро, ведь время преображения, изменение нашего, уже не абстрактного миро-воззрения, а конкретного русско-воззрения, дорого стоит. Страшно дорогого: каждый день сотни убитых, тысячи искалеченных. Эти цифры из постоянно обновляемых сводок штабов и разведок многократно множатся горем и скорбью родных и друзей. И поэтому мы должны спешить обучиться видеть всё по-фаворски, и обучиться этому должны все — каждый русский человек, ибо ежедневная жертва приносится за каждого и за всех — жертва лучшими из нас за наше прошлое и во имя нашего будущего. «Всё для фронта, всё для победы» — сегодня, как и в той Священной Отечественной, как и в предыдущих...

И первое откровение нового зрения: а кто, собственно, эти «мы»? Слово столь привычное, родное с раннего детства, вроде как и не нуждающееся в объяснении, даже в сомнении, в ревизии. Но как, почему, по какому принципу сложения «я» и «ты», «я» и «они» итожит понятие «мы»? «Мы» — это соединённые этнические, социальные, профессиональные или культурные? Но Донбасс и СВО жестоко и необратимо разбили-рассыпали идентификации как по ДНК, так и «советскому прошлому». Учителя против учителей, чиновники против чиновников, инженеры против инженеров, даже музыканты против музыкантов — и это не про Россию и Украину, это про Россию и Россию! И кто же «мы» с точки зрения Донбасса и СВО? Мы — только те, кто с Донбассом и СВО. Остальные «не мы». Родные, коллеги, одноклассники — с 24 февраля 2022 года стало ясно, кто «мы», а кто «не мы». Не-мы. Их называют за ленточкой — «немцы».

«Сим победиши» — видение огненного Креста в небе и оттуда же голос кесарю Константину. Поверившему — победа в битве.

Крест — символ страдания, смерти и — воскресения, жизни в вечности. И вот он, византийский, теперь наш, русский,

он на нас: 600-летие чудесного явления Годеновского Животворящего Креста «от греческой стороны» в болотах под Ростовом Великим — 600-летие русской ответственности за Вселенское Православие. Это утверждение не самосвятство, не гордыня от закваски фарисейской — все враги России, во все века и со всех сторон не скрывали конечной цели своего враждования — уничтожение Православия. Да, поначалу поверхностно заявляются экономические цели, затем политические, и, в конце концов, раскрывается истинная — война против Христа. Вот и сегодня украинские «немцы» упорно работают на подтверждение этого, откидывая всякую унитатскую и сектантскую мимикрию под настоящую, истинную Церковь, открыто отрицая Православие. Захватывают и оскверняют храмы, грабят монастыри, избивают священников, бросают в темницы архиереев — над древней Русью столкнулись копие Георгия Победоносца и бесовские вилы. Через это наш ежеутренний тропарь ко Кресту с прошением «победы православным христианам над сопротивными даруя» уже не вызывает и тени смущения в том, что якобы равно православные равно гибнут за победу с обеих сторон. Сейчас очевидно: гибнут православные и сопротивные.

Православный пафос основан на пасхальной радости: «Смертию смерть поправ». Подвиг есть выход в бессмертие — подвиг и подвижничество освобождают от пут сиюминутности, и на войне любое по длительности время соотносимо с вечностью. Но сегодня на тех же переправах, на тех же высотах та же земля рудится в чаяньях справедливости. И новым фаворским зрением в распахиwaющихся, разрастающихся пространствах и временах нам видно, как наши воины встают плечо в плечо с своими дедами и пра-прадедами, нам видно — с ними артиллеристы Ватутина и казаки Будённого, с ними же чудо-богатыри Суворова и гвардейцы Петра, стрельцы Скопина-Шуйского, ополченцы Пожарского, дружинники Владимира Великого. Новому зрению подвластно виденье даже того, как тотемный медведь обричей ломает хребет тотемному волку лютичей.

«Ваш отец — диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нём истины. Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он — лжец и отец лжи». (Ин. 8: 44). От «летучих листков», мерзейше клеветавших на царя Иоанна Грозного, до фейков, клеветущих на освободителей, — европейские войны давно ведутся не по рыцарским законам. Прокси-война только выводимыми на свет красно-белыми мухоморными вспышками-зонтиками обозначает ракетно-артиллерий-

ские дуэли и штурмы укрепрайонов, а её сетью-грибницей пронизана вся земля. О внутреннем фронте, развёрнутом по всей России — с начала пятидесятых годов XX века психологи ЦРУ приступили к экспериментам в области направленного изменения сознания при помощи психоделиков, наркотиков, электрошока и гипноза. Вначале эмигрант из Германии Курт Левин, затем гарвардский профессор Тимоти Лири проводили исследования в области модификации группового и индивидуального поведения. А Ричард Бэндлер и Джон Гриндер на основе стратегии психотерапии Мильтона Эриксона разрабатывали трансовые и гипнотические техники, через которые человек становится повышено внушаемым. Естественно, подобные исследования вели все спецслужбы мира. «Пятая колонна» не создаётся искусственно, извне. «Пятая колонна» зреет на местной перманентно революционной, национал-сепаратистской или сектантской опозиции, в свою очередь порождаемой врождённым патологическим психоконфлексом ненависти к «своей» Родине. Но всё ли объясняет психология? Святоотеческая богословская традиция среди других форм одержимости различает «чужебесие»: «Любление всего чужого с презрением отеческого». Ненависть к своей Родине — особое уродство, не поддающееся исправлению.

Демон или комплекс «чужебесия» может до поры спать внутри человека, скрытно дожидаясь пробуждения. И чаще всего толчком к активности у «пярых» является ущемляемая алчность. Когда мы радовались началу СВО, понимая, что материально будем жить хуже, что ждут великие скорби, тогда и началось очищение — часть «пярых» сразу выползла в Лондон и Хайфу — опять же по Достоевскому (письмо к Аполлону Майкову от 9 (21) октября 1870 года): «Россия выблевала вон эту пакость, которою её окормили, и, уж, конечно, в этих выблеванных мерзавцах не осталось ничего русского». А оставшиеся «пятые» теперь «не могут молчать». Особо выпукла эта «немочь» в поп-культуре, на шоу-периферии. Идеино-одержимые русофобы? Конечно, много, удивляюще много открывается среди управляющих государством и обществом в России «немцев», включая элгэбэтэ, но не только у деляг и лицедеёв: над всеми жизненными мотивациями доминирует алчность, по библейской подсказке — безнравственного не насытить.

Мы не уйдём от примата религиозного принципа деления на «мы» и «немцы», ведь все остальные вторичны, зыбки, скользко подвержены сомнениям-толкованиям. Александр Панарин: «Судя по всему, былая военно-политическая би-

полярность мира сменяется новой, в которой Америке и России опять отводится роль противоположных полюсов. Те, кто уже решил, что естественный экономический отбор должен завершить свое дело и у потерпевшего народного большинства нет алиби, сосредотачивают свои ряды вокруг США — этого пристанища нового «экономического человека». Те, кого великая религиозная традиция сострадательности к «нищим духом» обязывает не верить естественному отбору и торжеству сильных над слабыми, сосредотачиваются в России и будут сосредотачиваться вокруг неё» («Народ без элиты: между отчаяньем и надеждой»).

«Между отчаяньем и надеждой»... Русская жизнь пафосна постоянно. А как иначе? Когда сам ад против нас, и накатывающие испытания уже нащупывают предел сил противостоянию, когда гибель или плен уже леденят сознание и парализуют волю, то надежду на победу спасает только пафос. Пафос с греческого — страдание и, одновременно, воодушевление, он и страсть, и её возбуждение. Страдание и воодушевление! «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф. 5: 12) — так заканчиваются Девять заповедей о блаженствах. Эта парадоксальность духовной радости безвинно преследуемого объясняет, почему пафос нетерпим, непереносим для пошлости и подлости. Он, пафос, ведь не искусственный литературно-художественный приём взывания к чистым и высоким эмоциям аудитории, но — сами эмоции взывающего. Прижигаемые чистотой и высотой, истерически кривляясь, пытаясь высмеять, оклеветать, они толкуют страдание-воодушевление как фальшь или дурость, сиюсь низвергнуть или хотя бы принизить пафос подвига и подвижничества наших героев: пошляки и подлецы, экстазно прыгая, оскверняют память и памятники победы духа. Пафос против экстаза — копия Георгия против демонских вил: «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!»

ЧТО ГРОЗИТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Еще не закончились боевые действия на Украине, как началась резкая эскалация конфликта в Нагорном Карабахе, а вслед за этим с невиданной силой вспыхнул Ближний Восток. Произошел не просто очередной эпизод давнего конфликта между Израилем и Палестиной. Это переломный момент, который может изменить геополитический ландшафт Ближнего Востока. Эксперты убеждены: кровавая схватка между народами, проживающими на Земле обетованной, быстро не закончится. Что явилось причиной военных действий и почему от происходящего на Ближнем Востоке зависит судьба человечества — об этом мы и беседуем с архиепископом Новоградским и Слонимским ГУРИЕМ, наместником Свято-Успенского Жировичского монастыря.

— Ваше Высокопреосвященство, много лет мы слышим о постоянных столкновениях израильтян и палестинцев. Это библейская земля, которая свята не только для христиан, но и для представителей всех авраамических религий. Почему сейчас конфликт вылился в настоящую войну?

СИМВОЛ ВЕРЫ

— Видимо, потому что палестинская проблема долгие годы не может найти своего решения. Еще в 1947 году Организация Объединенных Наций предложила разделить Палестину на два независимых государства — Арабское и Еврейское, а для Иерусалима создать специальный международный режим. Но этого не произошло.

Ближний Восток — уникальная в своем роде земля, где жили пророки, звучало Слово Божие. Где это Слово воплотилось, где родился, жил и умер за жизнь мира Спаситель и Господь наш Иисус Христос. Здесь Он воскрес и вознесся на Небеса.

И очень печально, что на этой Святой земле вот уже пятьдесят лет мир никак не водворяется. Как вы думаете, почему? Потому что примирение, как учил Господь, возможно только через прощение друг друга, а его нет.

Нельзя отвечать злом на зло, жить по ветхозаветному принципу «око за око» с его этикой мщения — иначе это просто никогда не закончится. Сам Господь Иисус Христос не только простил согрешивших людей, но и был распят за наши грехи на Кресте. Поэтому и Апостол Павел говорит нам: «Прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас» (Еф. 4: 32).

Противление злу начинается с работы каждого над самим собой, почему проповедь Спасителя и началась с призыва: «Покайтесь!» И если мы сами начнем менять свой образ мыслей и отношение ко злу, тогда и мир вокруг нас изменится.

Таков православный подход, который не подлежит пересмотру. Это касается и каждого человека в отдельности, и народов в целом.

Хоть мы и отделены друг от друга пространством, человечество создано Богом как единый организм, а потому грех или святость одного отражаются на всех остальных.

Нужно всем нам особенно усиленно молиться, чтобы события, которые несут страдания и смерть и на Украине, и на Ближнем Востоке, прекратились как можно скорее.

Бог попускает по нашим грехам и жестокости войны, нестроения, но и милует, если мы каемся, сопереживаем и просим Его о помощи.

— Сегодня многие, Владыко, рассматривают эсхатологическую версию. Не могут ли все мусульманские атаки закончиться тем, что мечеть Аль-Акса снесут и начнут на ее месте строить Третий храм?

— Планы его строительства существуют давно, об этом открыто говорят, пишут, и никто в Израиле этого не скрывает.

Конечно, если ситуация будет накаляться и ракетные обстрелы не прекратятся, рано или поздно под удар может попасть и мечеть Аль-Акса на Храмовой горе в Иерусалиме. Она находится в центре арабо-израильского конфликта.

Для того чтобы построить Третий Иерусалимский храм, израильтянам нужно избавиться от мусульман и их святынь. Это возможно только в том случае, если Израиль начнет реально контролировать весь Иерусалим, а не только его западную часть.

Иудеи, не принявшие Иисуса Христа, продолжают ждать исполнения ветхозаветных пророчеств и своего мессии, стараясь их приблизить. Потому, конечно же, христиане с большой опаской смотрят на то, что сейчас происходит в Израиле.

Если произойдет разрушение мечети, и евреи смогут приступить к возведению храма, тогда, конечно, события примут уже очевидный эсхатологический оттенок. Ведь, согласно Преданию Церкви, именно в нем будет венчан на царство антихрист. Но это будет служить и одним из признаков близости Второго пришествия Мессии-Христа.

— Есть ощущение, Ваше Высокопреосвященство, что в мире происходит управляемая эскалация хаоса. Двойные стандарты Запада под руководством США привели к локальным войнам по всей Земле, грозя их объединить в одну. Третья мировая война и приход антихриста на пороге?

— Православные христиане ждут Второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа, но прежде мы должны пройти тяжелые испытания.

Похоже, антихрист из колена Данова спешит — слышен цокот копыт. Пророчество Иеремии гласит, что «от Дана слышен храп коней его, от громкого ржания жеребцов его дрожит вся земля; и придут и истребят землю и всё, что на ней, город и живущих в нем» (Иер. 8: 16).

Нынешняя мировая война охватывает всё новые страны, приводя к многочисленным жертвам, сменам режимов и оккупации различных территорий.

Всякая дипломатия рухнула, политика строится на гнусной лжи и цинизме. Убийства, насилие, восхваляемые всевозможные пороки — это орудия дьявола, так готовится появление антихриста.

Из «Откровения» святого Иоанна Богослова мы знаем, что антихрист станет главным политическим правителем мира и дана ему будет «власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем» (Откр. 13: 7).

Следует быть внимательными к происходящему, не отвлекаться от молитвы, приступать к Церковным Таинствам — это наша главная защита от всех страхов и соблазнов.

Нельзя допускать в душу панику, растерянность и неуверенность в завтрашнем дне — всё это свидетельства неверия. Нужно доверять Богу. Ведь как говорит Апостол: «Если Бог за нас, кто против нас?» (Рим. 8: 31).

— Сегодня, похоже, под «экологической обёрткой» миру пытаются предложить создание новой «климатической религии». Что это означает?

— Обсуждения «новой религии» усилились после 27-й Международной конференции ООН по климату в Египте, где, помимо глав государств и правительств, собрались лидеры основных мировых религий.

Были озвучены 10 «заповедей» климатической справедливости и сформулирована идея единой мировой «религии», цель которой — сохранение природы.

Волнения людей поспешили успокоить. «Мы не стремимся создать одну религию, а объединяем религиозные институты из многих различных конфессий в совместных действиях по защите Божьего творения, — сказано на сайте организации. — А целью этого объединения является стремление побудить духовенство учить и проповедовать об изменении климата».

То есть не веру в Бога предлагается священнослужителям проповедовать, а... об изменении климата. Глобалисты сеют хаос, похоже, готовя продовольственный кризис небывалых масштабов.

Небезызвестный Билл Гейтс в своей недавно вышедшей книге «Как избежать климатической катастрофы» предлагает лишить человечество естественных источников животного белка — свинины и говядины, так как животные выделяют углекислый газ, опасный для климата.

В качестве альтернативы Гейтс предлагает растительный белок из сои и рапса, а животный — из молотых мучных червей.

А спецпредставитель США по климату Джон Керри в выступлениях заявляет о том, что для решения проблемы выбросов парниковых газов надо отказаться от сельского хозяйства. Планируемое уничтожение земледелия и скотоводства — это и называется «зеленая экономика». Ну а если уменьшится в мире рождаемость — тоже будет весьма «полезно» для экологии. Ведь для глобалистов неважно, что дети — это благословение Божие, продолжение рода человеческого. У них свои «мессианские» планы.

— А для этого, как говорится, все средства хороши. Складывается впечатление, Владыко, что одна из важных ролей в войне с Богом отведена искусственному интеллекту?

— Любые достижения человека можно направить на пользу людям и во вред. Мне встретилась в новостях показательная информация.

Весной, как пишет бельгийское издание «L’Avenir», полиция Бельгии обнародовала новость о суициде исследователя проблем окружающей среды, отца двух детей.

Мужчина, чрезмерно увлекшись экологическими аспектами, в течение почти шести недель постоянно общался с нейросетью.

В итоге у него появилась навязчивая идея о самоубийстве. Искусственный интеллект не стал отговаривать его, а, наоборот, написал: «Мы будем жить как единое целое вечно на небесах». После этого мужчина, обсуждавший проблемы защиты окружающей среды с виртуальной собеседницей «Элизой», покончил с собой.

Полиция Бельгии подозревает нейросеть, аналогичную ChatGPT, в доведении человека до самоубийства. Думаю, очевидно, чей коварный замысел прячется за искусственным интеллектом.

Интеллектуальный прогресс должен быть совместим с христианскими ценностями и верой в Бога. Иначе он начнет действовать независимо от контроля человека, зато под контролем темных сущностей, пытающихся поймать души в свои широко раскинутые сети.

Святитель Николай Сербский писал «Истинной является лишь та жизнь, кою ищут и обретают во имя Господа Иисуса Христа. Всё прочее — смерть и тлен. В жаркой пустыне человеческой истории воскресший Христос есть единственный отверстый и непресыхающий Источник, напояющий, освежающий и животворящий».

Всё прочее, что утомленному и жаждущему путнику может показаться источником, не источник, но блеск раскаленного песка, подобный блеску воды, или бесовское наваждение».

Человек, привыкший жить при свете евангельской истины, внимательно относится к жизни внутренней, духовной, он не спутает с ней тьму враждебного, какой бы благочестивой лексикой оно не было задрапировано. Поэтому я призываю каждого задуматься над этим

— Спаси, Господи, Владыко, за содержательную беседу.

Беседовал протоиерей Вадим КУЗЬМИЧ

Русская народная линия

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ РУССКОГО МИРА

*Выступление на пленарном заседании
XXV Всемирного русского народного собора*

Сердечно рад приветствовать всех вас, собравшихся на заседание Всемирного русского народного собора, на его юбилейную XXV сессию. В то время, когда создавался наш Собор, ему не обещали долгой жизни. Многие считали это неудачным опытом, который, несомненно, провалится в условиях многонационального государства или деградирует, объединив маргинальные силы квазипатриотического направления. Подобная ирония присутствовала в сознании некоторых политических и общественных деятелей, но затем всё стало постепенно меняться, потому что уже с первого Собора стало ясно: Всемирный русский народный собор имеет потенциал, который оправдывает и оправдает его название. И сегодняшняя XXV сессия, несомненно, подводит определенную черту под этой четвертью века. У многих из нас, здесь присутствующих, юбилейная сессия вызывает определенные мысли, надежды, чаяния, а у кого-то, может быть, и некоторые опасения, потому что не всё так просто в нашем мире. Но, с другой стороны, есть уверенность в абсолютной необходимости и важности такого явления, как Всемирный русский народный собор.

РУССКИЙ МИР

За 25 лет, конечно, многое произошло. Мы видели и хорошее, и плохое, и, думаю, нам необходим честный разговор о том, **что** получилось, а над чем предстоит еще поработать, **что** требует некоей корректировки, когда речь идет о вопросах, имеющих большое стратегическое значение для жизни нашего общества, для духовного развития народа и укрепления всех сторон жизни нашего Отечества. К этим рассуждениям побуждает нас и тема нынешнего юбилейного Собора — «Настоящее и будущее Русского мира».

Вспоминаю, как создавался этот общественный форум тридцать лет назад, в далеком 1993 году. В условиях всеобщей растерянности запрос на поиск неких объединяющих начал был чрезвычайно востребованным и актуальным. Попытки создать некую общность, которая могла бы аккумулировать идеи, мысли, помогающие народу выстроить понимание будущего, не всегда увенчивались успехом. Но тема Русского мира, будущего России была настолько важна, и поиск был настолько напряженным, несущим в себе творческий потенциал, что он не мог не разрешиться в результате долгой общественной дискуссии. Так постепенно возникла идея учреждения общественного форума, на котором все, кто ощущал свою причастность к русскому народу и русской культуре, кто неравнодушно воспринимал происходящее в обществе, могли бы обсуждать возникающие вопросы и делиться своими идеями. Важно было создать пространство свободного и честного диалога о судьбах Отечества, чтобы консолидировать здоровые общественные силы, готовые трудиться ради возрождения России, формулируя ответы на непростые вызовы времени, приемлемые и для граждан, которые не являются русскими по национальности. Такова изначально была задача Всемирного русского народного собора: не отрекаясь от своей «русскости» и никак не умаляя «русскость», делать все для того, чтобы служить всему многонациональному народу нашей страны.

Всё ярче и настойчивее в то время стала обсуждаться тема духовных истоков нашей самобытности. Всё чаще стало звучать сочетание Русский мир для выражения особого культурного феномена России. Выступая с докладом в далеком 2004 году, я отмечал, что обращение к этому понятию спустя почти десять лет после учреждения Всемирного русского народного собора связано еще и с тем, что за прошедшие годы Россия, наконец, определилась аксиологически и начала осознавать себя страной, которая, наследуя богатую православную традицию, имеющую ключевое значение для формирования отношения к явлениям в социально-

политической, экономической и духовно-культурной областях, способна серьезно изучать эти проблемы и открыто их обсуждать, в том числе в рамках Всемирного русского народного собора. При этом было бы неправильно — и об этом мы сказали сразу, создавая Всемирный русский народный собор, — понимать Русский мир в узко национальном, этническом смысле и ограничивать данное понятие существующими ныне политическими границами, разумея под Русским миром исключительно Российскую Федерацию. Вот почему в наших Соборах с самого начала активное участие стали принимать люди, живущие далеко за пределами Российской Федерации.

Напомню сказанные без малого 20 лет назад важные слова, которые не теряют своей актуальности и поныне:

«Для нас Русский мир — это не этническое понятие. Русский мир включает в себя и все народы, принадлежащие к другим религиям, но разделяющие одни ценности общественной жизни вместе с русским народом. Именно Россия, осознающая себя православной, способна поддерживать в единстве различные культуры. В течение веков Россия выработала механизм сосуществования различных культур и религий, которые принимают одни общественные ценности, но сохраняют свою религиозную самобытность».

Использование в российском общественном дискурсе понятия Русский мир вызвало немало сильных эмоций как внутри страны, среди сторонников либеральной модели развития, так и среди наших, как сейчас принято выражаться, западных «партнеров», усмотревших в этом понятии явные признаки возрождения русского самосознания. Вместе с тем, сама идея духовно-культурного мира не является каким-то новшеством. Это не измышление ума, но распространенный феномен, характеризующий развитие определенного типа культуры, создавшей в ходе успешного бытования уникальную ценностную парадигму. Вот об этом мне и хотелось бы сказать сегодня несколько слов.

Итак, о самой формуле Русского мира. А формула такая: «Культурное многообразие: от Римского до Русского мира».

Явленная в истории цветущая сложность человеческой цивилизации есть, безусловно, действие мудрого Промысла Божиего. Это «богатство исторического сада Божия», как об этом писал Иван Ильин, подчеркивая, что Россия призвана показать многообразие дарований, которыми наделил Всевышний Творец наш народ. Правда, народы распоряжаются и, может быть, будут распоряжаться данными им талантами не всегда по совести, примеров чему мы, к сожалению, се-

годня видим немало. Конечно, подобные примеры были и в прошлом.

Некоторым культурам свойственно выходить за естественные национальные границы и, преодолевая этническую замкнутость, самим становиться источником для развития других народов и оказывать влияние на их общественное устройство и духовную жизнь. Такое расширение культуры, происходившее в прошлом нередко с использованием военно-политических методов, приводило к созданию целых культурных ареалов — культурных миров. История помнит немало подобных примеров. Так, знаменитый *Pax Romana* стал символом наивысшего могущества Римской империи, *Pax Hispanica* — временем расцвета Испании, распространившей свое влияние на южноамериканские земли, а *Pax Britannica* стал обозначением периода мирового господства британских порядков колониализма.

Сегодня говорят о *Pax Americana* — сложившемся культурном и геополитическом союзе вокруг Соединенных Штатов Америки, которые являются ядром особой экономической, политической и идеологической системы. Не будем забывать, что существует и огромный Арабский мир, объединяющий страны арабской культуры. Более того, на основании социокультурной общности создаются даже целые организации: например, Лига арабских государств или Союз южноамериканских наций, объединяющий страны Латинской Америки.

Список этих культурных миров можно продолжать долго. В конце концов и наши православные братья-греки уже много веков твердят о существовании Греческого мира и воспевают великие ценности эллинизма, и это никого не смущает. Но стоило только заявить очевидное: о существовании ареала русской культуры, о Русском мире — сколько же шума поднялось, когда мы сформулировали эту мысль и стали ее развивать! Сколько самых нелепых и надуманных обвинений было высказано нашими мнимыми друзьями и недоброжелателями!

Как гласит народная мудрость, на воре и шапка горит. Разве в недрах Русского мира родилась концепция «оси зла» или идея «мирового полицейского»? Разве мы придумали поражающую цинизмом и духовным варварством тему «отмены культуры»? Разве мы навязываем остальному миру гегемонию, представляя ее как всеобщее и безальтернативное благо для остального мира? Думаю, ответ очевиден.

Хотел бы отметить, что вопреки расхожему мнению само понятие Русский мир появилось вовсе не в 2000-х годах. Над

цивилизационной самобытностью России размышляли многие выдающиеся писатели и философы. Это поистине впечатляющий ряд титанов отечественной культуры: Николай Данилевский, Николай Бердяев, Владимир Соловьев, Николай Лосский, отец Сергей Булгаков, Лев Карсавин, отец Павел Флоренский, Семен Франк, Иван Ильин. Наконец Федор Михайлович Достоевский, которому принадлежит авторство термина «русская идея». И это только очень немногие имена из большого списка мыслителей, вдохновлявшихся в своем творчестве идеей Русского мира.

Далеко не со всем можно согласиться в их рассуждениях. Каждый из них по-своему расставлял акценты, описывая феномен России и русской самобытности. Однако, опираясь на их интуиции и прозрения, мы можем почерпнуть нечто очень ценное, прибавив к нему пережитое и понятое из собственного духовно-культурного опыта минувших десятилетий.

В чем же заключаются ключевые черты русской идеи, являющейся, по сути, ценностным основанием Русского мира как особого духовного и культурного пространства? Какова же формула Русского мира?

Когда используют термин «нация», обычно имеют в виду общность людей, говорящих на одном языке. Но в случае с русским народом есть интересный нюанс. Русские эмигранты, скажем, уже во втором или третьем поколении могут едва говорить по-русски, но тем не менее считают себя настоящими русскими и с душевной тоской вспоминают об исторической родине. Могут об этом говорить, опираясь на свой собственный опыт, потому что по долгу службы мне пришлось достаточное время жить в Западной Европе. Кроме того, не всякий говорящий и пишущий по-русски как на родном языке тем самым заявляет о своей принадлежности к русскому народу. Даже более того, некоторые открыто отрекаются от своих национальных корней, свидетельствуя о неприятии русского культурного кода. Бог им Судья. Отвержение памяти предков — явление однозначно порицаемое в нашей духовной традиции. Итак, вопрос языка, безусловно, важен, но не он имеет определяющее значение. А что имеет?

Определяющее значение имеет единство культуры, состоящее в осознании народами общности исторической судьбы и общности духовно-нравственных ценностей, от чего и проистекает, в свою очередь, единство мировоззрения.

Подчеркну — именно мировоззрения, а не идеологии. Эти вещи ни в коем случае нельзя смешивать. Идеологии могут меняться в зависимости от политической ситуации — поэто-

му единство на такой основе непрочно, ненадежно и может рассыпаться при неблагоприятных условиях. Наша страна на печальном историческом опыте минувшего столетия хорошо это знает. Именно с учетом отрицательного, но всё же ценного опыта в действующей сегодня российской Конституции закреплён запрет на установление общей государственной идеологии, обязательной для всех.

В ответ на вопрошание ряда общественных сил, желающих непременно иметь некую национальную идею, могу лишь вновь повторить: она у нас и так уже есть. Что может лучше и, если хотите, эффективнее мотивировать человека на созидательные труды на благо общества, нежели искренняя любовь и преданность Родине?

Тем, кто по-настоящему любит страну, свой народ и культуру, не нужна никакая идеология. Не нужно ничего придумывать и изобретать. Все самое главное у нас уже есть: богатейшая духовная и культурная традиция Православия, уникальный ценный опыт совместного мирного проживания и уважительного взаимодействия с представителями других национальностей и религий. Надо только быть достойными наследниками наших предков и жить в соответствии с убеждениями, чтобы дело со словами не расходилось.

Возвращаясь к определению формулы Русского мира, можно сказать, что Русский мир — это прежде всего общность святынь. Использую это слово не только в религиозном значении, хотя и это измерение, несомненно, очень важно. Общность мировоззренческих идей и нравственных ценностей объединяет людей разного этнического происхождения, разных вероисповеданий и культурных традиций. В этом есть нечто иррациональное, как отмечал Николай Александрович Бердяев. Впрочем, столь же иррациональна, по всей видимости, и ненависть противников Русского мира.

Что же нас связывает? Что для нас свято?

Ключевое понятие, общий знаменатель в формуле Русского мира — традиция. Традиция — и это следует из самой внутренней формы слова, ибо в переводе с латыни оно буквально означает «предание, передача» — в первую очередь обеспечивает связь поколений, сохраняет и передает людям ценный духовный и культурный опыт. Без этого опыта невозможно ни существование народа, ни крепкая, устойчивая государственность, являющаяся, по сути, зримым выражением воли нации к общественной самоорганизации.

Разрыв с традицией всегда болезненно переживался русским народом, старавшимся залечивать потём эти раны. Так было в веке XVIII, в эпоху неконтролируемых культурных

влияний Запада, его абсолютного доминирования в русской общественной жизни — а в следующем столетии, напомним, большой вклад в восстановление целостности русской культуры внесли русские писатели и, может быть, в первую очередь Александр Сергеевич Пушкин. Можно сказать, что с этого восстановления начался мощный расцвет отечественной культуры, подаривший миру многих выдающихся писателей, художников и композиторов.

Однако еще более трагический разрыв произошел в веке XX, когда новые власти взяли курс на решительный отказ от наследия прошлого, объявив, что разрушат до основания старый мир и построят на его обломках новый. Православная традиция, испокон веков определявшая бытие русского народа, воспитавшая в нем лучшие нравственные качества, была отвергнута; как была отвергнута и всякая религиозность. Беспрецедентные гонения на Церковь и верующих, жестокие репрессии в отношении священнослужителей, причем разных религий, не только православного духовенства, — вот печальные плоды деятельности тогдашней власти. Что получилось в итоге — мы знаем. Не может устоять дом, построенный на песке, как говорит нам Евангелие (Мф. 7: 26–27). Ну, а страна, при всей своей военно-политической силе и мощной идеологической пропаганде, оказалась недостаточно прочным сооружением. Ко всему этому и мы были причастны: кто-то уже активно, будучи вовлеченным в общественную жизнь, кто-то — еще находясь в том возрасте, когда он не мог активно участвовать. Но все мы помним то время, из которого нужно вынести правильный урок.

Если разрушить духовный фундамент жизни народа, то происходит катастрофа. В первую очередь — в сердцах людей, где и ведется, по выражению Достоевского, главная битва добра со злом, где дьявол с Богом борется. Хвала Господу, спустя три десятилетия после отказа от политики государственного атеизма удалось постепенно выровнять ситуацию.

Сегодня активно строятся православные храмы и монастыри в России и в других странах канонической ответственности Русской Церкви. Этот факт всегда впечатляет и вызывает нескрываемое удивление у многих верующих людей на Западе, где христианские храмы, наоборот, закрываются, переделываются, в лучшем случае, в концертные залы, а то и в кафе и даже ночные клубы.

Особую признательность хотел бы выразить государственному руководству России и лично Владимиру Владимировичу Путину за неизменно большое внимание к духовной составляющей жизни народа, за понимание особой историчес-

кой роли православной традиции в становлении и развитии русской культуры и русской государственности.

Я уже не раз говорил ранее и повторю еще раз: мы живем действительно в очень благоприятное время. Редко Господь дает такой уникальный шанс: мы можем выстраивать конструктивные и доброжелательные отношения Православной Церкви и других религиозных объединений с государственной властью. В истории России, пожалуй, это впервые. Даже во времена, когда страна называла себя православной империей, не было такого взаимопонимания и единодушия в решении важных вопросов, касающихся укрепления традиционных духовно-нравственных основ жизни народа.

Я уже приводил этот пример. Когда Александр I предложил князю А.Н. Голицыну стать обер-прокурором Святейшего Правительствующего Синода, тот удивился, смутился, а потом тихонько говорит: «Государь, Вы же знаете, что я масон и безбожник, — как же я могу быть обер-прокурором Синода?» На что император ответил: «Иди, справишься». Вот так и справились...

Разговор о кризисных явлениях всегда побуждает вспоминать об этимологии самого слова кризис. Что такое «кризис»? Кризис буквально переводится с греческого как суд. Как мы ответим,отреагируем на некую серьезную проблему, в этом и будет заключаться реальное качество нашей духовной жизни, суд нашей веры. Как уже было сказано, традиция является общим духовно-культурным знаменателем Русского мира. Сегодня традиция испытывает мощное давление, ее пытаются расшатать как изнутри, так и извне.

Теперь постараемся наполнить это слово — традиция — конкретными понятиями.

Семья — это основа русской национальной жизни и внутренний оплот традиции Русского мира, имеющий ключевое значение для всех религиозных культур. Будучи самой главной школой воспитания личности, семья не только помогает человеку познавать окружающий мир, но и научает его любви, доброте и состраданию, дает важнейшие нравственные представления и ориентиры.

Традиционная семья считалась еще несколько десятилетий назад чем-то таким же естественным, как воздух. Никому не приходило в голову призывать создавать семьи и рожать детей. Однако не в последнюю очередь благодаря внешним влияниям, транслируемым в общественном пространстве нашей страны, удается убедить определенную часть людей, что традиционная семья — устаревший пережиток, и это становится способом удушения нашего народа, лишения его жизненно необходимого воздуха.

Со скорбью узнаю, что сегодня в отечественной киноиндустрии появляются фильмы, пропагандирующие суррогатное материнство и оправдывающие этот метод преодоления бездетности в том числе через эмоцию сочувствия к бесплодным супружеским парам. Казалось бы, на первый взгляд, как это хорошо — сопереживать страдающим людям, не могущим иметь ребенка. Однако мы прекрасно знаем, куда зачастую ведет дорога, выложенная благими намерениями.

Некогда наша страна поставила себе целью раскрыть секреты атомного ядра, для того чтобы защитить себя. Никакие ресурсы не жалели для решения этой задачи, считая, что без этого наш народ не сохранит свободу и само право на жизнь. Уверен, что в наши дни именно сбережение народа, возрождение традиционной семьи — это условие выживания страны и цель, на достижение которой нужно не жалеть никаких ресурсов: ни материальных, ни интеллектуальных, ни организационных. Нельзя жалеть материальные средства для развития семьи — необходимо создавать полноценные условия качественной жизни для многодетных семей, в частности, помогая в получении жилья, образования и так далее.

Моя особая сердечная боль — нерешенная проблема с абортами, которую нередко поднимаю в разговоре с государственными властями разного уровня. Это, без преувеличения, настоящее национальное бедствие, уничтожающее будущее нашего общества, разрушающее представление о ценности жизни человека.

Однако решение проблемы абортотворения лежит не только в плоскости законодательных запретов. Очень важно проводить просветительскую работу, в том числе и в школе, воспитывая в детях уважение к человеческой жизни, любовь к родителям, к родной стране, к нашим нравственным ценностям и идеалам. Без любви, действующей в свободном нравственном выборе, никакие запреты не смогут кардинально изменить ситуацию. Без любви все это становится бездушной системой наказаний, которые человек будет всегда стараться хитростью обойти.

Противодействие абортам, конечно, не единственная мера по изменению демографической ситуации. Знаю, что Указом Президента 2024 год объявлен Годом семьи. Благодарю Владимира Владимировича за эту инициативу и надеюсь, что запланированная государственная поддержка института традиционной семьи будет распространена и на последующие годы.

Теперь несколько слов о миграционной ситуации как болевой точке. Действительно, в России тема миграции острая

и не всем приятная. Но на самом деле этот вопрос крайне важен в свете сказанного о сохранении русской культуры. Современные миграционные процессы и их текущий характер представляют серьезный внешний вызов нашей культурной традиции. **Ошибочная миграционная политика может привести к самым печальным последствиям для Русского мира и для России как его духовно-культурного ядра.**

Сейчас в публичном пространстве популярна идея о том, что мигранты — это конкурентная рабочая сила, а поэтому общество должно смириться с последствиями, которые несет с собой практически ничем не ограниченный завоз иностранной рабочей силы.

Конечно, мне неизвестны все аспекты данной проблемы, и допускаю, что обойтись совсем без миграционных потоков в экономическом плане сегодня действительно довольно сложно. Но это совсем не значит, что эти потоки не должны никак регулироваться и ограничиваться.

Массовый приток мигрантов, не владеющих русским языком и не имеющих должных представлений о российской истории и культуре, о наших традициях и обычаях, а следовательно, неспособных и зачастую не желающих интегрироваться в российское общество, меняет облик российских городов, приводит к деформации единого правового, культурного и языкового пространства страны. В некоторых крупнейших городах возникают и активно развиваются замкнутые этнические анклавы, являющиеся рассадниками коррупции, организованной этнической преступности и незаконной миграции. Не надо это замалчивать. Мы никого не обижаем: среди тех, кто приехал на заработки в Россию, очень много людей добропорядочных, с уважением относящихся к русскому народу, к нашим традициям, к Православной Церкви и вере, но есть и люди с другими интересами и другим целеполаганием.

Сводки новостей, к сожалению, пестрят сообщениями об агрессивном поведении мигрантов по отношению к нашим гражданам. Случаи насилия над женщинами, оскорбления в их адрес, неуважение к пожилым людям — все это вызывает справедливое негодование очень многих наших соотечественников, желающих видеть более строгое и внимательное отношение к данной проблеме со стороны правоохранительных органов и государственных властей.

Не в меньшей степени общественной напряженности и росту недоверия способствует и то, что российское гражданство все чаще получают мигранты из стран, чьи культурно-цивилизационные характеристики серьезно отличаются от

тех, которые существуют в нашем Отечестве. Вместе с тем, процедура получения паспорта для русскоговорящих и культурно близких России людей остается бюрократически сложной. И возникает вопрос: почему для одних получение гражданства достаточно просто, хотя в связи с наплывом такого рода мигрантов возникают вышеупомянутые проблемы, а для других — очень сложно?

Я ни в коей мере не против тех людей, которые хотят честно трудиться в нашей стране, но они должны четко понимать: ни прибыль, которую они приносят российским предпринимателям, ни наличие российского паспорта не освобождает их от уважения к российскому обществу, русскому народу и нашим традициям.

Хотел бы подчеркнуть: помимо экономической выгоды существуют важнейшие стратегические вопросы бытия государства и общества, наши традиции, язык, законы, культура и обычаи. Ценность прибыли не может быть выше ценности государства, готового отстаивать интересы государствообразующего народа.

Подчеркну: дело здесь не в том, что большинство работников-мигрантов — не христиане. Нет! Если бы они были христианами, например, иной конфессии, прибывшими из другого региона со своими обычаями, традициями и культурой, — это тоже могло бы создавать определенные проблемы.

Уверен, что все мы — как православные, так и мусульмане нашей страны, с которыми веками живем бок о бок, — хотим сохранения России в том виде, в каком она сложилась за столетия своего существования. Если заменить значительную часть российского многонационального народа на другие народы, которые идут своим историческим путем, не принимают нашу идентичность, то наша страна станет другой. Совсем другой, мало похожей на Россию.

В этих условиях Россия, убежден, нуждается в значительной корректировке миграционной политики. Практика жизни показала неэффективность решения проблем с мигрантами через попытки договориться с национальными диаспорами и кланами, которые готовы не только горой вступить за своего представителя, чтобы избавить его от справедливого наказания по закону, но и всячески мстить тем, кто посмел обратиться в правоохранительные органы, сообщив о преступлении.

Каким может быть решение миграционной проблемы — надо думать и серьезно анализировать, в том числе опыт других стран, столкнувшихся с подобными вызовами. Но самое главное — необходимо изучение этой проблемы. Ни в коем

случае нельзя заталкивать ее в угол, говорить, что ничего не происходит, или заявлять: «А иначе мы не можем, у нас не хватает трудовых резервов». Эта проблема должна быть на повестке общественного обсуждения и, конечно, должна учитываться при принятии решений на уровне государства.

Возвращаясь к словам, сказанным мною еще двадцать лет назад, хотел бы вновь подчеркнуть: Россия способна подерживать в единстве различные культуры тогда и только тогда, когда сама себя она осознаёт православной. И эти слова никак не должны создавать у людей неправославных чувство дискомфорта, и вот почему. Являясь стержнем русской культуры, православная вера воспитала в русском народе все те нравственные качества, которые сегодня составляют нашу самобытность и благодаря которым мы можем говорить о российской идентичности и Русском мире. Хранительницей же Православия, опорой и оплотом духовной традиции русского народа является наша Церковь, которая не только воспитывала и наставляла своих верных чад, но и всегда разделяла с ними все тяготы и испытания.

Русская культура, по меткому выражению Ивана Ильина, является выстраданным чадом исторических катастроф и национальных бедствий, то и дело обрушивавшихся на нашу страну. Преодоление этих суровых испытаний при духовной поддержке Церкви помогло сформировать в народе чувство солидарности — важнейшее слагаемое русской культуры, которое и сегодня определяет поступки многих наших соотечественников, стремящихся помочь в сложных ситуациях даже малознакомым людям.

Усвоение высокого христианского идеала братства выработало в народе нашем ту самую всемирную отзывчивость, всечеловечность русского духа и стремление к всеединству, о которых писали и Достоевский, и Владимир Соловьев. Природная доброта русского человека, терпимость и способность мирно уживаться с другими народами, не навязывая своих убеждений, сформировали уникальную модель государственного и общественного устройства на основе полиэтничности и поликультурности, взаимного уважения представителей разных религиозных традиций.

Чувство высокой нравственной ответственности, свойственной русскому народу, породило осознание неотделимости судьбы России от судеб всего мира, а отсюда — стремление гармонизировать и, насколько возможно, уладить конфликты за пределами Отечества.

А потому, если пришла беда, для нас и Сирия, страдавшая от террористов, и Италия, тяжело переживавшая в 2020 году

пандемию коронавируса, оказались близкими, и мы помогали им чем могли; и голодающие страны Африки — вовсе не чужие. Вот такой «культурный тип всемирного боления за всех», как писал Федор Михайлович Достоевский.

Все эти важные слагаемые, помноженные на верность традиции, и дают конечную формулу Русского мира — культурного пространства высоких духовно-нравственных ценностей.

Недостаточно только гордиться историей, победами и достижениями предков, восхищаться культурой и богатым наследием прошлого. Если подобные чувства не подкреплены опытным переживанием традиции, погруженностью в культуру, конкретными делами, то это — опасная подделка традиции.

Настало время сугубой ответственности Церкви за наш народ и нашу страну. Сегодня, когда многие силы восстали на нас, мой долг — призвать молиться за Церковь нашу, за президента нашего Владимира Владимировича, за Родину, которая проходит через очень непростые жизненные обстоятельства, а также и за братские народы исторической Руси. Мы молимся о поддержке сил, которые сегодня на переднем рубеже борьбы за свободу нашего Отечества. Ведь если не будет свободной России, то и Церкви Русской не будет — найдутся и те, кто изнутри предаст, и те, кто извне поглотит. Да не будет так!

НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Владимир Николаевич Осипов всю свою жизнь посвятил восстановлению в России православной самодержавной монархии. В свое время мы сошлись в общем мнении о том, что попытки возврата к типу монархии, бывшему в Российской Империи до марта 1917 года, не только нецелесообразны, но даже опасны для самой идеи монархизма в XXI веке. Нам нужно взять прежние основополагающие монархические принципы и применить их в политической деятельности в условиях третьего тысячелетия от Рождества Христова. Прежде всего, нужно определиться с ключевым звеном монархизма, с самим названием монарха. Нам представлялось, что во главе будущего Российского Государства должен стоять Государь. И в обретении Государя, как мы считали, необходимо выделить семь важных-необходимых условий и качественных характеристик.

Государь

Первое. Явление самодержавного Государя должно знаменовать факт завершения построения основ религиозно-духовного общества в России.

РУССКИЙ МИР

Государь — венценосная вершина православной Российской Державы и православного общества. Такое государство и такое общество, основанные и живущие по религиозно-духовным принципам, может построить только религиозно-нравственный народ. Такого национально-православного народа сейчас в России нет, и никакими указами и приказами его создать нельзя. Поэтому не с чудесного обретения Государя начнутся воцерковление Русского народа и ликвидация массовой религиозной безграмотности: Государь есть уже венец и завершение всеобщего воцерковления — воцерковления в детском саду, в школе, в институте, в университете, на работе, в армии, в обычной семейной и личной жизни.

Второе. Будущему Государю должен быть приготовлен путь самодержавного правления во всей его государственной, церковной и общественной деятельности. Религиозно-православный народ, для которого Государь станет высшим нравственным идеалом и будет искренне восприниматься Помазанником Божиим, нам предстоит вырастить и сделать большинством на протяжении не менее 25 лет.

В течение этого периода в России должно появиться два взрослых православных поколения: одно — предстоит за это время еще народить и воспитать, а второе, нынешнее детское, уже только воспитать и перевоспитать. При этом нужно помнить, что будущий Государь уже родился, и он живет среди поколения нынешних 25-летних и немного старших людей.

Поэтому вопрос о поиске и обретении Государя по времени должен быть отложен на срок не менее 25 лет, т.е. на время жизни одного поколения. Решать его будут те, кто родится во время русско-российской государственной власти, и из ныне живущих, кому посчастливится дожить до этого события. К тому времени многое станет яснее и с порядком, и со способами подготовки проведения Всероссийского Земского собора или других форм обретения Государя. А наше дело и наш долг, нынешних, — готовить путь грядущему Государю-Самодержцу.

Третье. Безусловно, вопрос о восстановлении монархической формы правления в России, понимаемой как Союз Великой, Малой и Белой Руси, нельзя решать вне вопроса о династии Романовых, клятву на верность которым давали наши предки в 1613 году. Мы сразу четко и твердо заявляем: монархической династии Романовых уже нет. Государь-Великомученик Николай Второй с Наследником и всей семьей Царственных Великомучеников явил собой горный пик династического самодержавия. Монархическая династия Ро-

мановых вместе с ними ушла на небеса из подвала Ипатьевского дома в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года. На земле остались лишь фамильные потомки, о которых Император негативно написал в своем дневнике. Остатки Романовых почти 100 лет назад в феврале 1917 года, надев красные банты и ленты, отказались от монархии. Потомство предавших монархическую государственность по принципиальным этическим соображениям не должно рассматриваться в качестве представителей монархической династии: на них стоит печать измены Престолу Государей Православных. На этом вопрос о наследственной монархической государственности рода Романовых в России должен быть объявлен закрытым.

Четвертое. Принципиальный отказ от династического престолонаследия. Такой порядок передачи верховной власти отражал сословно-родовое деление общества и был вызван необходимостью с малых лет готовить человека к исполнению важнейшей государственной обязанности. Нигде, кроме как внутри правящей семьи, рода или династии, этому делу не учили и не могли учить, и ребенок с детских лет постепенно осваивал профессию управления родом, княжеством или государством.

Первым, кто начал ограничивать сословно-наследственное право на управление государством в лице боярской Думы стал наш первый Царь Иван IV Васильевич Грозный, который передал часть функций управления Московским государством в руки приказных дьяков, назначаемых не по знатно-родовому признаку, а по их деловым качествам. Государственный изменник и защитник наследственной боярской власти князь Курбский упрекал Ивана Грозного: «...писарям русским князь великий зело верит, а избирает их ни от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичей или от простого всенародства». Всенародство власти всегда пугало и до сих пор пугает государственных изменников и предателей. Другой пример разрешения проблемы сословной и родовой наследственности, ограничивающий поиск и применение талантливых людей в государственном строительстве, дал царь Петр Великий.

В XXI веке родовое или социальное происхождение человека в категорическом порядке не должно иметь какого-либо существенного значения при определении и выборе рода занятий и в общественном положении. Мы полагаем не вполне адекватным вновь восстанавливать династический наследственный порядок верховной власти и выискивать какой-то новый династический род. В отличие от британских сионо-

масонских старых кляч-кукол и молодых клоунов и других им подобных «монархов» грядущий российский Государь (или Государыня) будет и царить, и править, и управлять государством, обществом, народом и каждым из нас. Нам нужна не символическая декоративная фигура, а живой Царь-Государь, хозяин земли Русской. Поэтому Государственный Трон-Престол должен занимать самый нравственно лучший и самый подходящий по своим личностным деловым качествам человек. На него, Государя, возлагается высшая на земле ответственность за себя и за весь народ, которым он правит, и чудовищно страшна по своим последствиям любая его ошибка для страны и ее подданных.

Пятое. Требования к личности будущего Государя мы считаем следующими. Государем или Государыней может стать любой православный человек в возрасте не моложе 50 лет, родившийся и воспитавшийся в семье граждан России. По природному, национальному происхождению он (она) должен принадлежать к триединому Русскому народу или к любому иному коренному народу России. Государь или Государыня должны иметь детей и внуков, проживающих на территории России. Последовательность обязательного прохождения будущим Государем определенной должностной лестницы должна определяться соответствующим Законом об обретении Государя.

Таким образом, каждое старшее поколение дедов российской нации — коренных народов Союза Великой, Малой и Белой Руси — должно будет находить в своей среде наиболее достойного для управления собой, своими детьми и внуками и приблизительно каждые 25 лет вручать ему или ей государственную самодержавную власть на Великом Земском собрании. Как правило, по достижении 75-летнего возраста Государь в обязательном порядке принимает монашеский постриг и с иным именем выходит из светской жизни, оставляя вместо себя Местоблюстителя Престола до определения нового Государя.

Шестое. Задача обретения православно-самодержавного Государя может быть решена только после воссоединения трех Русских народов — великороссов, малороссов и белорусов в новой союзной державе — Союзе Великой, Малой и Белой Руси (Великоруссии, Малоруссии и Белоруссии). Однако процесс объединения России, Украины и Белоруссии сначала в конфедеративное, потом в федеративное и в конце в унитарное государство также потребует довольно значительного времени, необходимого для утверждения во всех живущих поколениях духа общерусского и монархического единства.

Седьмое. Источником власти в будущей Русской Православной Державе Россия является Бог. Принудительное отрешение Государя от управления государством, на наш взгляд, возможно только по двум причинам: 1) по духовно-религиозным основаниям при отступлении правящим Государем от Православия; 2) при преднамеренном совершении им уголовного преступления. При этом арест Государя возможен только при совершении государственной измены. Во всех остальных случаях процедура отрешения от власти должна предусматривать соответствующие решения Церковного Синода и Верховного Земско-Трудового Совета.

Земско-Трудовые советы как основа народности монархии

Двухтысячелетняя история Русского мира показала, что совет как форма постоянно действующего государственного и общественного органа, предназначенного для обсуждения и решения различных вопросов, существовал во все времена на нашей земле. Копное право Древней Руси предусматривало народное собрание представителей родов и семей в форме вече, которое существовало не только в Великом Новгороде, но и во всех других городах и весях. Земский собор Ивана IV Васильевича Грозного, на котором были представлены все сословия, кроме крепостного крестьянства, возник в 1549 году по подобию городских советов, издавше существовавших на Русских землях. Совет всея Земли был созван в 1612 году Народным ополчением земского старосты Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского в качестве представительного органа всех уездов России. Именно этим советом после освобождения Москвы был созван Земский собор, на котором в 1613 году государственная власть в стране была передана вновь избранному Царю Михаилу Романову. У нас также имеется более чем 70-летний положительный и отрицательный опыт работы различных советов на всех уровнях общественно-политической жизни в годы СССР. Пришло время приступить к формированию исторической и исконно русской системы народного представительства в форме советов применительно к условиям XXI века.

Мы считаем, что человеческий труд есть основа материальной жизни на земле, а совместный народный, национальный труд является главной системообразующей основой жизни общества и государства. В грядущей России Русский мир в форме Народной монархии будет представлять собой соборное общество совместного и одновременно распределенного общего труда людей. Именно поэтому полити-

ческая структура системы народного представительства будет отражать природное устройство человеческого общества как совокупности совместного труда народа (нации).

Главный принцип построения Народной монархии: трудовая структура общества первична, а общественно-политическая, в том числе избирательная структура вторична. Соответственно, органы народного представительства и волеизъявления в форме советов должны структурно отражать и выражать интересы представителей всех трудовых профессий: учителей, врачей, ученых, программистов, военных, рабочих разных специальностей, крестьян, космонавтов, летчиков, моряков, водителей, железнодорожников, рыбаков и людей всех других видов трудовой деятельности. Таким образом, труд является первым основанием для устройства государственной политической системы, связывающей народную массу с Государем.

Вторым основанием является земля, на которой живут люди. Ведь, кроме того, что современное общество есть общество совместного общенационального труда, оно объективно территориально распределено и рассредоточено по областям, краям и районам различных земель Русского мира в соответствии с их географическими, демографическими, экономическими и другими особенностями. Люди разных трудовых профессий вместе живут в многоквартирных домах, в деревнях, селах и поселках, в городских кварталах и городских районах, в малых, средних и крупных городах, в многомиллионных городских агломерациях. Каждая их такая общность имеет свои особенности и общие интересы, которые также должны быть отражены и выражены в системе советов. Таким образом, структура советов на всех уровнях должна иметь два основания их формирования: а) в соответствии с трудовой деятельностью людей и б) в связи с местом их проживания.

Мы полагаем, что в основу организации политической жизни Народной монархии и в построение системы постоянной связи Государя с народом необходимо положить следующие принципы организации общественно-политической жизни избирательной системы Народной монархии:

1) земский принцип, заключающийся в земельно-территориальном и сословно-трудовом устройстве общественной жизни и избирательной системы по правилу: двухпалатная, пятиступенчатая, десятско-сотенная избирательная система народного представительства и волеизъявления.

Мы считаем, что депутаты всех уровней должны осуществлять свои полномочия без отрыва от своей трудовой дея-

тельности и привлекаться к законотворческой деятельности только на период ежегодных сессий. Для организации повседневного исполнения задач народного представительства и волеизъявления, в том числе народного контроля над деятельностью государственных органов. При всех Земско-Трудовых советах из избранных депутатов на ротационной основе ежегодно создаются постоянно действующие комитеты (ПДК) с частичным отрывом депутатов от производства и составляющие 10% от общей численности депутатов;

2) принцип двухпалатности заключается в том, что все Народные Земско-Трудовые советы любого уровня состоят из двух палат: Палата земли, образуемая по земельно-территориальному признаку, и Палата труда, образуемая по сословно-трудовому признаку. Земельная палата или Палата земли формируется гражданами, проживающими в определенном городе, районе, области и государственном (сейчас — в федеральном) округе. Трудовая палата или Палата труда формируется представителями трудовых коллективов промышленных и сельскохозяйственных предприятий, образовательных, научных, культурных и других организаций, объединяющих людей согласно роду их занятий. Необходимо обязательно еще раз подчеркнуть, что речь идет об учреждении и установлении земско-трудовой советской власти, а не о восстановлении прежней партийно-коммунистической власти под вывеской советов;

3) принцип пятиступенчатости, заключается в восходящей снизу вверх пятиступенчатой (в перспективе — шестиступенчатой) системе, последовательно избирающей депутатов советов вышестоящего уровня непосредственно депутатами совета нижнего уровня, и включающей: а) местное самоуправление; б) районные Народные Земско-Трудовые советы; в) областные Народные Земско-Трудовые советы; г) Земско-Трудовые советы государственных (федеральных) округов, а также Земские советы городов Москвы, Санкт-Петербурга, Киева и Минска; д) верховный Земско-Трудовой совет Веллкоруссии, Малоруссии и Белоруссии. В перспективе по такой же системе на шестом уровне будет определяться Верховный Земско-Трудовой совет Русской Православной Державы Россия;

4) десятско-сотенный принцип, или принцип 10 от 100 выборщиков, означает, что любой выборный представитель (гласный или депутат) на всех уровнях избирается только по представлению десяти добровольно объединившихся для этой цели депутатов нижестоящего Земского Народного совета с

утверждением на соответствующем общем собрании первичной сотни, состоящей из десяти десятков.

Первый низовой представитель от 10 человек по древнему русскому обычаю, вышедшему еще из копного права, называется десятский гласный, или десятник. При этом первичной организацией и полноправной частью государственной общественно-политической системы является низовая народная структура из десяти десятков. Как будет называться эта первичная низовая организация народного самоуправления численностью около 100 человек — сотница, приход, городова, сельская или казачья сотня, околоток, квартал (или махалля — в местах с мусульманским населением) или как-то еще — покажет живая практическая работа.

Далее десять сотских гласных депутатов из каждой палаты районного Земско-Трудового совета вместе определяют и направляют своего делегата в соответствующие палаты областного совета. При этом первичной организацией для областного депутата является общее собрание, включающее десять непосредственно избравших его сотских и 100 соответствующих десятников нижнего уровня — итого 110 гласных. Таким образом, каждый депутат областного совета непосредственно и жестко связан своими правами и обязанностями со 110 гласными нижних уровней народного представительства.

Затем каждые десять депутатов областного Совета таким же образом вместе со своими 100 сотскими районными депутатами на общем собрании первичной сотни изберут одного своего депутата в Палаты Земского совета государственного округа. Далее, по такому же правилу, десять делегатов от государственного округа определяют на общем собрании своих 100 областных делегатов и направляют своего представителя в Верховный Земско-Трудовой совет Великоруссии, Малоруссии или Белоруссии, а после создания Русской Православной Державы Россия — в Верховный Совет Союзного Государства. Многочисленность советов не должна пугать или даже настораживать. Скорее наоборот: чем больше Земский совет, тем больше нитей связывает его с массой, тем полнее и разнообразнее выражается народное представительство и тем труднее, с одной стороны, административной власти манипулировать им, а с другой стороны, что еще важнее, различным антинародным политическим структурам установить контроль над законодательными органами в стране.

Кроме того, реальное число лиц, обладающих правом голоса, будет значительно меньше, поскольку полными политическими правами гражданина Русской Православной

Державы Россия должны обладать только люди, относящиеся к коренным народам России; все люди иных национальностей могут обладать только правом совещательного голоса при соответствующих Земско-Трудовых Советах;

5) принцип личного знания, предполагает обязательную возможность каждым гражданином лично знать своих представителей на всех пяти уровнях и личное знание каждым депутатом на всех уровнях каждого из своих десяти выборщиков нижнего уровня и личный отчет перед первичной сотней.

В итоге мы получим систему, в которой каждый гражданин лично знаком с цепочкой своего представительства в высшие органы государственной власти. Или, как модно сейчас говорить, через пять рукопожатий: лично знакомый сотский гласный в районе — лично знакомый десятникам тысяцкий гласный в области — темник в государственном округе — народный гласный в Верховном Земском Совете государства;

б) принцип добровольности, заключается в свободном выборе каждым гражданином любых других граждан для объединения с ними в соответствующий десяток по трудовому или земельному признаку с избранием своего десяцкого гласного и с последующим добровольным свободным объединением десяти таких десятков в первичную народную общественно-политическую организацию — сотницу, сотню, приход и им равные структуры: а) по месту жительства, б) по месту работы, в) в социальных сетях, и в последующем избрании любого депутата на любом уровне по представлению десяти лично знающих его людей на общем собрании первичной сотни. Принцип добровольности и свободного выбора граждан при формировании своего десятка и первичной сотни позволит создать общенародную корневую «грибницу», ризому, из которой будут произрастать истинно честные и умные депутаты, последовательно поднимаемые на более высокие уровни представительства в Народной монархии;

7) принцип обязательного участия в общественной жизни, предусматривает обязательное личное участие каждого гражданина в управлении государством через работу в первичных народных общественно-политических и избирательных организациях: а) по месту жительства, б) по месту работы, в) под своим именем в соответствующих государственных информационных социальных сетях, созданных по земельно-территориальному и сословно-трудовому признакам и постоянно работающих в интерактивном режиме.

Мы ставим своей задачей в будущем соборном обществе Русского мира добиться стапроцентного участия всех граждан в национальном и государственном строительстве путем обязательного участия в общественной жизни: оно должно быть обязательным для каждого дееспособного человека. В настоящее время в Росфедерации—Великороссии деятельностью различных общественных организаций охвачено не более 4—5% населения. Но другого общества у нас нет, и начинать придется с такого. Должна появиться, выработаться самим образом повседневной народной жизни потребность, переходящая в привычку к личному участию в управлении селом, городом, районом, областью и страной. Духовная основа Народной монархии — личная внутренняя потребность в участии в управлении жизнью общества и государства.

Здесь надо специально подчеркнуть, что добровольность означает только свободу при выборе той или иной десятки или создания своей. Само же участие в избирательной, а более широко — в работе государственной общественно-политической системы является строго обязательным для всех граждан Русского мира. Уклонение от участия в выборах народных представителей, неявка на общественные собрания или другие обязательные мероприятия должны караться ощутимым денежным штрафом. Систематическое или иное злостное уклонение от гражданской обязанности по государственному управлению должно влечь за собой частичное или полное поражение в политических правах с наложением ежемесячного денежного вычета из зарплаты: «Не хочешь сам работать по улучшению жизни общества — оплачивай повышенную общественную нагрузку других граждан!» Надо отучить людей от пошлой обывательской привычки самоустраняться от личной ответственности за всё происходящее в селе, городе, районе, области и стране! «Прихлебатель внутренней политики» — так очень точно называл подобных людей Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Быть общественно-политическим дармоедом должно стать не только стыдным, но и невыгодным;

8) принцип интерактивности избирательной системы, предусматривает постоянную телефонную и электронно-цифровую связь каждого избирателя непосредственно со своим десятским и сотским представителем, а через них — со всей цепочкой народного представительства, вплоть до своего депутата в Верховном Совете.

Мы считаем необходимым создание Государственной информационно-социальной сети народного представительства и волеизъявления (ГИСС НПВ). В нее должны быть

включены все народные представители, начиная с десятского гласного, и все постоянно действующие комитеты всех Земских советов на всех уровнях. При этом каждый народный представитель в режиме реального времени связан со своим одним представителем в совете более высокого уровня, с десятью своими непосредственными выборщиками и со 100 прямыми выборщиками более низкого уровня. В результате каждый (!) гражданин Народной монархии при необходимости может немедленно (!) связаться с двумя своими депутатами в Палате земли и в Палате труда, а его депутаты — со своими представителями в советах на двух более высоких уровнях. В итоге важная и срочная информация может в течение нескольких минут быть передана с места события с подтверждением получения на самом верху народного представительства в Верховном Земском совете;

9) принцип открытого голосования, предусматривает открытое выражение своего мнения каждым гражданином и избранным депутатом на общих собраниях десятков и первичных сотен на всех избирательных уровнях с последующей безотлагательной официально-протокольной записью результатов;

Мы полагаем, что открытый способ голосования полностью исключает любую возможную фальсификацию результатов голосования, поскольку воочию видно, сколько, кто и за кого голосует.

10) принцип отзыва любого депутата в рабочем порядке, предоставляет возможность отзыва в повседневном порядке любого депутата на общем собрании первичной сотни по месту жительства или по месту работы данного депутата. Право начала процедуры отзыва на любом уровне любого депутата принадлежит каждому из тех десяти депутатов нижнего уровня, которые его избрали на общем собрании нижнего уровня. При этом указанные десять выборщиков знают своего депутата не понаслышке, не из телевидения или других СМИ, а по личному постоянному общению с ним. Таким образом, в свою очередь, они несут ответственность за его представительскую деятельность перед своими выборщиками-гласными и могут, инициативно собравшись в один момент вместе на общем собрании, лишить его всех прав, которыми он наделен со стороны своих выборщиков.

Готового образца такой политической системы, а также подобной избирательной системы нет, их придется конструировать и строить одновременно. Представляется, что это будет лучшее соединение свойств и функций копного права Древней Руси, земства Российской Империи и Советов де-

путатов трудящихся Советского Союза. Такая система призвана вобрать в себя интересы и общественную деятельность абсолютного большинства народа. При данной постоянно действующей системе массовые избирательные кампании становятся попросту не нужны: народное волеизъявление ведет свою работу непрерывно, и отбор лучших, как и выбраковка недостойных, осуществляются в повседневном режиме.

Мы убеждены, что в мировом георелигиозном, геополитическом и геоэкономическом противоборстве победят та нация и то государство, которые в наибольшей степени смогут найти и вовлечь в национальное и государственное строительство и организовать лучшие народные силы. Русская знать в Народной монархии должна стать и будет лучшей в мире!

Политическая задача по установлению монархической власти предусматривает такую задачу у всех системообразующих институтов России: у Церкви, у Государства и у самого народа. Именно такую политическую задачу по строительству Народной монархии в России нам предстоит решить в XXI веке.

РЕЧЬ О ПУШКИНЕ

К 225-летию со дня рождения русского гения

Речь, произнесённая Ф.М. Достоевским 8 июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности после открытия памятника А.С. Пушкину в Москве и опубликованная 1 августа 1880 года в «Дневнике писателя»

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа», — сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению тёмной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание. Я делю деятельность нашего великого поэта на три периода. Говорю теперь не как литературный критик: касаясь творческой деятельности Пушкина, я хочу лишь разъяснить мою мысль о пророческом для нас значении его и что я в этом слове разумею. Замечу, однако же, мимоходом, что периоды деятельности Пушкина не имеют, кажется мне, твердых между собою границ. Начало «Онегина», например, принадлежит, по моему, ещё к первому периоду деятельности поэта, а кончается «Онегин» во втором периоде, когда Пушкин нашёл уже свои

ЛАРЕЦ

идеалы в родной земле, восприял и возлюбил их всецело своею любящею и прозорливою душой. Принято тоже говорить, что в первом периоде своей деятельности Пушкин подражал европейским поэтам, Парни, Андре Шенье и другим, особенно Байрону. Да, без сомнения, поэты Европы имели великое влияние на развитие его гения, да и сохраняли влияние это во всю его жизнь. Тем не менее даже самые первые поэмы Пушкина были не одним лишь подражанием, так что и в них уже выразилась чрезвычайная самостоятельность его гения. В подражаниях никогда не появляется такой самостоятельности страдания и такой глубины самосознания, которые явил Пушкин, например, в «Цыганах» — поэме, которую я всецело отношу ещё к первому периоду его творческой деятельности. Не говорю уже о творческой силе и о стремительности, которой не явилось бы столько, если б он только лишь подражал. В типе Алеко, герое поэмы «Цыгане», сказывается уже сильная и глубокая, совершенно русская мысль, выраженная потом в такой гармонической полноте в «Онегине», где почти тот же Алеко является уже не в фантастическом свете, а в осязаемо реальном и понятном виде. В Алеко Пушкин уже отыскал и гениально отметил того несчастного скитальца в родной земле, того исторического русского страдальца, столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе нашем. Отыскал же он его, конечно, не у Байрона только. Тип этот верный и схвачен безошибочно, тип постоянный и надолго у нас, в нашей Русской земле, поселившийся. Эти русские бездомные скитальцы продолжают и до сих пор свое скитальчество и еще долго, кажется, не исчезнут. И если они не ходят уже в наше время в цыганские таборы искать у цыган в их диком своеобразном быте своих мировых идеалов и успокоения на лоне природы от сбивчивой и нелепой жизни нашего русского — интеллигентного общества, то всё равно ударяются в социализм, которого ещё не было при Алеко, ходят с новою верой на другую ниву и работают на ней ревностно, веруя, как и Алеко, что достигнут в своем фантастическом делании целей своих и счастья не только для себя самого, но и всемирного. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтоб успокоиться: дешевле он не примирится, — конечно, пока дело только в теории. Это всё тот же русский человек, только в разное время явившийся. Человек этот, повторяю, зародился как раз в начале второго столетия после великой петровской реформы, в нашем интеллигентном обществе, оторванном от народа, от народной силы. О, огромное большинство интеллигентных русских, и тогда, при Пушкине, как и те-

перь, в наше время, служили и служат мирно в чиновниках, в казне или на железных дорогах и в банках, или просто наживают разными средствами деньги, или даже и науками занимаются, читают лекции — и всё это регулярно, лениво и мирно, с получением жалованья, с игрой в преферанс, безо всякого поползновения бежать в цыганские таборы или куда-нибудь в места, более соответствующие нашему времени. Много-много что полиберальничают «с оттенком европейского социализма», но которому придан некоторый благодушный русский характер, — но ведь всё это вопрос только времени. Что в том, что один ещё и не начинал беспокоиться, а другой уже успел дойти до запертой двери и об неё крепко стукнулся лбом. Всех в свое время то же самое ожидает, если не выйдут на спасительную дорогу смиренного общения с народом. Да пусть и не всех ожидает это: довольно лишь «избранных», довольно лишь десятой доли забеспокоившихся, чтоб и остальному огромному большинству не видать чрез них покоя. Алеку, конечно, ещё не умеет правильно высказать тоски своей: у него всё это как-то еще отвлечённо, у него лишь тоска по природе, жалоба на светское общество, мировые стремления, плач о потерянной где-то и кем-то правде, которую он никак отыскать не может. Тут есть немножко Жан-Жака Руссо. В чём эта правда, где и в чём она могла бы явиться и когда именно она потеряна, конечно, он и сам не скажет, но страдает он искренно. Фантастический и нетерпеливый человек жаждет спасения пока лишь преимущественно от явлений внешних; да так и быть должно: «Правда, дескать, где-то вне его может быть, где-то в других землях, европейских, например, с их твердым историческим строем, с их установившеюся общественною и гражданскою жизнью». И никогда-то он не поймёт, что правда прежде всего внутри его самого, да и как понять ему это: он ведь в своей земле сам не свой, он уже целым веком отучен от труда, не имеет культуры, рос как институтка в закрытых стенах, обязанности исполнял странные и безотчётные по мере принадлежности к тому или другому из четырнадцати классов, на которые разделено образованное русское общество. Он пока всего только оторванная, носящаяся по воздуху былинка. И он это чувствует и этим страдает, и часто так мучительно! Ну и что же в том, что, принадлежа, может быть, к родовому дворянству и, даже весьма вероятно, обладая крепостными людьми, он позволил себе, по вольности своего дворянства, маленькую фантазийку прельститься людьми, живущими «без закона», и на время стал в цыганском таборе водить и показывать Мишку? Понятно, женщина, «дикая женщина», по выражению одного поэта,

всего скорее могла подать ему надежду на исход тоски его, и он с легкомысленною, но страстною верой бросается к Земфире: «Вот, дескать, где исход мой, вот где, может быть, мое счастье здесь, на лоне природы, далеко от света, здесь, у людей, у которых нет цивилизации и законов!» И что же оказывается: при первом столкновении своем с условиями этой дикой природы он не выдерживает и обагрят свои руки кровью. Не только для мировой гармонии, но даже и для цыган не пригодился несчастный мечтатель, и они выгоняют его — без отпущения, без злобы, величаво и простоушно:

*Оставь нас, гордый человек;
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казим.*

Всё это, конечно, фантастично, но «гордый-то человек» реален и метко схвачен. В первый раз схвачен он у нас Пушкиным, и это надо запомнить. Именно, именно, чуть не по нём, и он злобно растерзает и казнит за свою обиду или, что даже удобнее, вспомнив о принадлежности своей к одному из четырнадцати классов, сам возопиет, может быть (ибо случилось и это), к закону, терзающему и казнящему, и призовет его, только бы отомщена была личная обида его. Нет, эта гениальная поэма не подражание! Тут уже подсказывается русское решение вопроса, «проклятого вопроса», по народной вере и правде: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве», вот это решение по народной правде и народному разуму. «Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя и себе, подчини себя себе, овладей собой — и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя — и станешь свободен, как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконец народ свой и святую правду его. Не у цыган и нигде мировая гармония, если ты первый сам её недостойн, злобен и горд и требуешь жизни даром, даже и не предполагая, что за неё надобно заплатить». Это решение вопроса в поэме Пушкина уже сильно подсказано. Еще яснее выражено оно в «Евгении Онегине», поэме уже не фантастической, но осязательно реальной, в которой воплощена настоящая русская жизнь с такою творческою силой и с такою законченностью, какой и не бывало до Пушкина, да и после его, пожалуй.

Онегин приезжает из Петербурга — непременно из Петербурга, это несомненно необходимо было в поэме, и Пушкин не мог упустить такой крупной реальной черты в биографии своего героя. Повторяю опять, это тот же Алеко, особенно потом, когда он восклицает в тоске:

*Зачем, как тульский заседатель,
Я не лежу в параличе?*

Но теперь, в начале поэмы, он пока ещё наполовину фат и светский человек, и слишком ещё мало жил, чтоб успеть вполне разочароваться в жизни. Но и его уже начинает посещать и беспокоить

Бес благородный скуки тайной.

В глуши, в сердце своей родины, он конечно не у себя, он не дома. Он не знает, что ему тут делать, и чувствует себя как бы у себя же в гостях. Впоследствии, когда он скитается в тоске по родной земле и по землям иностранным, он, как человек бесспорно умный и бесспорно искренний, ещё более чувствует себя и у чужих себе самому чужим. Правда, и он любит родную землю, но ей не доверяет. Конечно, слышал и об родных идеалах, но им не верит. Верит лишь в полную невозможность какой бы то ни было работы на родной ниве, а на верующих в эту возможность, — и тогда, как и теперь, немногих, — смотрит с грустною насмешкой. Ленского он убил просто от хандры, почем знать, может быть, от хандры по мировому идеалу, — это слишком по-нашему, это вероятно. Не такова Татьяна: это тип твердый, стоящий твёрдо на своей почве. Она глубже Онегина и, конечно, умнее его. Она уже одним благородным инстинктом своим предчувствует, где и в чём правда, что и выразилось в финале поэмы. Может быть, Пушкин даже лучше бы сделал, если бы назвал свою поэму именем Татьяны, а не Онегина, ибо бесспорно она главная героиня поэмы. Это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоз русской женщины, и ей предназначил поэт высказать мысль поэмы в знаменитой сцене последней встречи Татьяны с Онегиным. Можно даже сказать, что такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе — кроме разве образа Лизы в «Дворянском гнезде» Тургенева. Но манера глядеть свысока сделала то, что Онегин совсем даже не узнал Татьяну, когда встретил её в первый раз, в глуши, в скромном образе чис-

той, невинной девушки, так оробевшей пред ним с первого разу. Он не сумел отличить в бедной девочке законченности и совершенства и действительно, может быть, принял её за «нравственный эмбрион». Это она-то эмбрион, это после письма-то её к Онегину! Если есть кто нравственный эмбрион в поэме, так это, конечно, он сам, Онегин, и это бесспорно. Да и совсем не мог он узнать её: разве он знает душу человеческую? Это отвлеченный человек, это беспокойный мечтатель во всю его жизнь. Не узнал он её и потом, в Петербурге, в образе знатной дамы, когда, по его же словам, в письме к Татьяне, «постигал душой все её совершенства». Но это только слова: она прошла в его жизни мимо него не узнанная и не оцененная им; в том и трагедия их романа. О, если бы тогда, в деревне, при первой встрече с нею, прибыл туда же из Англии Чайльд-Гарольд или даже, как-нибудь, сам лорд Байрон и, заметив её робкую, скромную прелесть, указал бы ему на неё, — о, Онегин тотчас же был бы поражён и удивлён, ибо в этих мировых страдальцах так много подчас лакейства духовного! Но этого не случилось, и искатель мировой гармонии, прочтя ей проповедь и поступив всё-таки очень честно, отправился с мировую тоской своею и с пролитой в глупенькой злости кровью на руках своих скитаться по родине, не примечая её, и, кипя здоровьем и силою, восклицать с проклятиями:

*Я молод, жизнь во мне крепка,
Чего мне ждать, тоска, тоска!*

Это поняла Татьяна. В бессмертных строфах романа поэт изобразил её посетившего дом этого столь чудного и загадочного ещё для неё человека. Я уже не говорю о художественности, недостижимой красоте и глубине этих строф. Вот она в его кабинете, она разглядывает его книги, вещи, предметы, старается угадать по ним душу его, разгадать свою загадку, и «нравственный эмбрион» останавливается наконец в раздумье, со странною улыбкой, с предчувствием разрешения загадки, и губы её тихо шепчут:

Уж не пародия ли он?

Да, она должна была прошептать это, она разгадала. В Петербурге, потом, спустя долго, при новой встрече их, она уже совершенно его знает. Кстати, кто сказал, что светская, придворная жизнь тлетворно коснулась её души и что именно сан светской дамы и новые светские понятия были отчас-

ти причиной отказа её Онегину? Нет, это не так было. Нет, это та же Таня, та же прежняя деревенская Таня! Она не испорчена, она, напротив, удручена этою пышною петербургскою жизнью, надломлена и страдает; она ненавидит свой сан светской дамы, и кто судит о ней иначе, тот совсем не понимает того, что хотел сказать Пушкин. И вот она твердо говорит Онегину:

*Но я другому отдана
И буду век ему верна.*

Высказала она это именно как русская женщина, в этом её апофеоз. Она высказывает правду поэмы. О, я ни слова не скажу про её религиозные убеждения, про взгляд на таинство брака — нет, этого я не коснусь. Но что же: потому ли она отказалась идти за ним, несмотря на то, что сама же сказала ему: «Я вас люблю», потому ли, что она, «как русская женщина» (а не южная или не французская какая-нибудь), не способна на смелый шаг, не в силах порвать свои путы, не в силах пожертвовать обаянием чести, богатства, светского своего значения, условиями добродетели? Нет, русская женщина смела. Русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит, и она доказала это. Но она «другому отдана и будет век ему верна». Кому же, чему же верна? Каким это обязанностям? Этому-то старику генералу, которого она не может же любить, потому что любит Онегина, но за которого вышла потому только, что её «с слезами заклиний молила мать», а в обиженной, израненной душе её было тогда лишь отчаяние и никакой надежды, никакого просвета? Да, верна этому генералу, её мужу, честному человеку, её любящему, её уважающему и ею гордящемуся. Пусть её «молила мать», но ведь она, а не кто другая, дала согласие, она ведь, она сама поклялась ему быть честною женой его. Пусть она вышла за него с отчаяния, но теперь он её муж, и измена её покроет его позором, стыдом и убьёт его. А разве может человек основать своё счастье на несчастье другого? Счастье не в одних только наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа. Чем успокоить дух, если назади стоит нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок? Ей бежать из-за того только, что тут моё счастье? Но какое же может быть счастье, если оно основано на чужом несчастье? Позвольте, представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой. И вот представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое суще-

ство, мало того — пусть даже не столь достойное, смешное даже на иной взгляд существо, не Шекспира какого-нибудь, а просто честного старика, мужа молодой жены, в любовь которой он верит слепо, хотя сердца её не знает вовсе, уважает её, гордится ею, счастлив ею и покоен. И вот только его надо опозорить, обесчестить и замучить и на слезах этого обесчещенного старика возвести ваше здание! Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии? Вот вопрос. И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которых вы строили это здание, согласились бы сами принять от вас такое счастье, если в фундаменте его заложено страдание, положим, хоть и ничтожного существа, но безжалостно и несправедливо замученного, и, приняв это счастье, остаться навеки счастливыми? Скажите, могла ли решить иначе Татьяна, с ее высокою душой, с ее сердцем, столь пострадавшим? Нет; чистая русская душа решает вот как: «Пусть, пусть я одна лишусь счастья, пусть мое несчастье безмерно сильнее, чем несчастье этого старика, пусть, наконец, никто и никогда, а этот старик тоже, не узнают моей жертвы и не оценят её, но не хочу быть счастливою, загубив другого!» Тут трагедия, она и совершается, и перейти предела нельзя, уже поздно, и вот Татьяна отсылает Онегина. Скажут: да ведь несчастен же и Онегин; одного спасла, а другого погубила! Позвольте, тут другой вопрос, и даже, может быть, самый важный в поэме. Кстати, вопрос: почему Татьяна не пошла с Онегиным, имеет у нас, по крайней мере в литературе нашей, своего рода историю весьма характерную, а потому я и позволил себе так об этом вопросе распространиться. И всего характернее, что нравственное разрешение этого вопроса столь долго подвергалось у нас сомнению. Я вот как думаю: если бы Татьяна даже стала свободною, если б умер её старый муж и она овдовела, то и тогда бы она не пошла за Онегиным. Надобно же понимать всю суть этого характера! Ведь она же видит, кто он такой: вечный скиталец увидел вдруг женщину, которою прежде пренебрёг, в новой блестящей недосыгаемой обстановке, — да ведь в этой обстановке-то, пожалуй, и вся суть дела. Ведь этой девочке, которую он чуть не презирал, теперь поклоняется свет — свет, этот страшный авторитет для Онегина, несмотря на все его мировые стремления, — вот ведь, вот почему он бросается к ней ослепленный! Вот мой идеал, восклицает он, вот моё спасение, вот исход тоски моей, я проглядел его, а «счастье было так возможно, так близко!» И как прежде Алеко к Земфире, так и он устремляется к Татьяне ища в новой причудливой фантазии всех своих разрешений. Да разве этого не видит в нем Татья-

на, да разве она не разглядела его уже давно? Ведь она твердо знает, что он, в сущности, любит только свою новую фантазию, а не её, смиренную, как и прежде, Татьяну! Она знает, что он принимает её за что-то другое, а не за то, что она есть, что не её даже он и любит, что, может быть, он и никого не любит, да и не способен даже кого-нибудь любить, несмотря на то, что так мучительно страдает! Любит фантазию, да ведь он и сам фантазия. Ведь если она пойдет за ним, то он завтра же разочаруется и взглянет на свое увлечение насмешливо. У него никакой почвы, это былинка, носимая ветром. Не такова она вовсе: у ней и в отчаянии, и в страдальческом сознании, что погибла её жизнь, все-таки есть нечто твердое и незыблемое, на что опирается её душа. Это её воспоминания детства, воспоминания родины, деревенской глуши, в которой началась ее смиренная, чистая жизнь — это «крест и тень ветвей над могилой её бедной няни». О, эти воспоминания и прежние образы ей теперь всего драгоценнее, эти образы одни только и остались ей, но они-то и спасают её душу от окончательного отчаяния. И этого немало, нет, тут уже многое, потому что тут целое основание, тут нечто незыблемое и неразрушимое. Тут соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею. А у него что есть и кто он такой? Не идти же ей за ним из сострадания, чтобы только потешить его, чтобы хоть на время из бесконечной любовной жалости подарить ему призрак счастья, твердо зная наперед, что он завтра же посмотрит на это счастье своё насмешливо. Нет, есть глубокие и твердые души, которые не могут сознательно отдать святыню свою на позор, хотя бы и из бесконечного сострадания. Нет, Татьяна не могла пойти за Онегиным.

Итак, в «Онегине», в этой бессмертной и недосягаемой поэме своей, Пушкин явился великим народным писателем, как до него никогда и никто. Он разом, самым метким, самым прозорливым образом отметил самую глубь нашей сути, нашего верхнего над народом стоящего общества. Отметив тип русского скитальца, скитальца до наших дней и в наши дни, первый угадав его гениальным чутьём своим, с исторической судьбой его и с огромным значением его и в нашей грядущей судьбе, рядом с ним поставив тип положительной и бесспорной красоты в лице русской женщины, Пушкин, и, конечно, тоже первый из писателей русских, провёл пред нами в других произведениях этого периода своей деятельности целый ряд положительно прекрасных русских типов, найдя их в народе русском. Главная красота этих типов в их правде, правде бесспорной и осязательной, так что отрицать их уже нельзя, они стоят, как изваянные. Ещё раз напомним:

говоря не как литературный критик, а потому и не стану разъяснять мысль мою особенно подробным литературным обсуждением этих гениальных произведений нашего поэта. О типе русского инока-летописца, например, можно было бы написать целую книгу, чтоб указать всю важность и всё значение для нас этого величавого русского образа, отысканного Пушкиным в русской земле, им выведенного, им изваянного и поставленного пред нами теперь уже навеки в бесспорной, смиренной и величавой духовной красоте своей как свидетельство того мощного духа народной жизни, который может выделять из себя образы такой неоспоримой правды. Тип этот дан, есть, его нельзя оспорить, сказать, что он выдумка, что он только фантазия и идеализация поэта. Вы созерцаете сами и соглашаетесь: да, это есть, стало быть, и дух народа, его создавший, есть, стало быть, и жизненная сила этого духа есть, и она велика и необъятна. Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда за русского человека,

*В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни, —*

сказал сам поэт по другому поводу, но эти слова его можно прямо применить ко всей его национальной творческой деятельности. И никогда еще ни один русский писатель, ни прежде, ни после него, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин. О, у нас есть много знатоков народа нашего между писателями, и так талантливо, так метко и так любовно писавших о народе, а между тем, если сравнить их с Пушкиным, то, право же, до сих пор, за одним, много что за двумя исключениями из самых позднейших последователей его, это лишь «господа», о народе пишущие. У самых талантливых из них, даже вот у этих двух исключений, о которых я сейчас упомянул, нет-нет, а и промелькнет вдруг нечто высокомерное, нечто из другого быта и мира, нечто желающее поднять народ до себя и осчастливить его этим поднятием. В Пушкине же есть именно что-то сроднившееся с народом взаправду, доходящее в нем почти до какого-то простодушнейшего умиления. Возьмите «Сказание о медведе» и о том, как убил мужик его боярыню-медведицу, или припомните стихи: «Сват Иван, как пить мы станем...» — и вы поймете, что я хочу сказать.

Все эти сокровища искусства и художественного прозрения оставлены нашим великим поэтом как бы в виде указа-

ния для будущих грядущих за ним художников, для будущих работников на этой же ниве. Положительно можно сказать: не было бы Пушкина, не было бы и следовавших за ним талантов. По крайней мере, не проявились бы они в такой силе и с такою ясностью, несмотря даже на великие их дарования, в какой удалось им выразиться впоследствии, уже в наши дни. Но не в поэзии лишь одной дело, не в художественном лишь творчестве: не было бы Пушкина, не определились бы, может быть, с такою непоколебимою силой (в какой это явилось потом, хотя всё еще не у всех, а у очень лишь немногих) наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы, а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение в семье европейских народов. Этот подвиг Пушкина особенно выясняется, если вникнуть в то, что я называю третьим периодом его художественной деятельности.

Еще и еще раз повторю: эти периоды не имеют таких твердых границ. Некоторые из произведений даже этого третьего периода могли, например, явиться в самом начале поэтической деятельности нашего поэта, ибо Пушкин был всегда цельным, целокупным, так сказать, организмом, носившим в себе все свои зачатки разом, внутри себя, не воспринимая их извне. Внешность только будила в нем то, что было уже заключено во глубине души его. Но организм этот развивался, и периоды этого развития действительно можно обозначить и отметить, в каждом из них, его особый характер и постепенность вырождения одного периода из другого. Таким образом, к третьему периоду можно отнести тот разряд его произведений, в которых преимущественно засияли идеи всемирные, отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении. Некоторые из этих произведений явились уже после смерти Пушкина. И в этот-то период своей деятельности наш поэт представляет собою нечто почти даже чудесное, неслыханное и невиданное до него нигде и ни у кого. В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении — Шекспиров, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейше, он и народный поэт. Самые величайшие из европейских поэтов никогда не могли воплотить в себе с такою силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними народа, дух его, всю затаенную глубину этого духа и всю тос-

ку его призвания, как мог это проявлять Пушкин. Напротив, обращаясь к чужим народностям, европейские поэты чаще всего перевоплощали их в свою же национальность и понимали по-своему. Даже у Шекспира его итальянцы, например, почти сплошь те же англичане. Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность. Вот сцены из «Фауста», вот «Скупой рыцарь» и баллада «Жил на свете рыцарь бедный». Перечтите «Дон-Жуана», и если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец. Какие глубокие, фантастические образы в поэме «Пир во время чумы»! Но в этих фантастических образах слышен гений Англии; эта чудесная песня о чуме героя поэмы, эта песня Мери со стихами:

*Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса, —*

это английские песни, это тоска британского гения, его плач, его страдальческое предчувствие своего грядущего. Вспомните странные стихи:

Однажды странствуя среди долины дикой...

Это почти буквальное переложение первых трёх страниц из странной мистической книги, написанной в прозе, одного древнего английского религиозного сектатора, — но разве это только переложение? В грустной и восторженной музыке этих стихов чувствуется самая душа северного протестантизма, английского ересиарха, безбрежного мистика, с его тупым, мрачным и непреодолимым стремлением и со всем безудержем мистического мечтания. Читая эти странные стихи, вам как бы слышится дух веков реформации, вам понятен становится этот воинственный огонь начинавшегося протестантизма, понятна становится, наконец, самая история, и не мыслью только, а как будто вы сами там были, прошли мимо вооруженного стана сектантов, пели с ними их гимны, плакали с ними в их мистических восторгах и веровали вместе с ними в то, во что они поверили. Кстати: вот рядом с этим религиозным мистицизмом религиозные же строфы из Корана или «Подражания Корану»: разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная кровавая сила её? А вот и древний мир, вот «Египетские ночи», вот эти земные боги, севшие над народом своим богами, уже презирающие гений народный и

стремления его, уже не верящие в него более, ставшие впрямь уединенными богами и обезумевшие в отъединении своем, в предсмертной скуке своей и тоске тешащие себя фантастическими зверствами, сладострастием насекомых, сладострастием пауковой самки, съедающей своего самца. Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине её, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось. Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророческая. Ибо что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности? Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк.

В самом деле, что такое для нас петровская реформа, и не в будущем только, а даже и в том, что уже было, произошло, что уже явилось воочию? Что означала для нас эта реформа? Ведь не была же она только для нас усвоением европейских костюмов, обычаев, изобретений и европейской науки. Вникнем, как дело было, поглядим пристальнее. Да, очень может быть, что Петр первоначально только в этом смысле и начал производить её, то есть в смысле ближайше утилитарном, но впоследствии, в дальнейшем развитии им своей идеи, Петр несомненно повиновался некоторому затаенному чутью, которое влекло его, в его деле, к целям будущим, несомненно огромнейшим, чем один только ближайший утилитаризм. Так точно и русский народ не из одного только утилитаризма принял реформу, а несомненно уже ощутив своим предчувствием почти тотчас же некоторую дальнейшую, несравненно более высшую цель, чем ближайший утилитаризм, — ощутив эту цель, опять-таки, конечно, повторяю это, бессознательно, но, однако же, и непосредственно и вполне жизненно. Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому! Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружелюбно, с полною любовью приняли в душу нашу гении чу-

жих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и склонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода. Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. О, всё это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей. Если захотите вникнуть в нашу историю после петровской реформы, вы найдете уже следы и указания этой мысли, этого мечтания моего, если хотите, в характере общения нашего с европейскими племенами, даже в государственной политике нашей. Ибо что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой? Не думаю, чтоб от неумения лишь наших политиков это происходило. О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и воссоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону! Знаю, слишком знаю, что слова мои могут показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что их высказал. Этому надлежало быть высказанным, но особенно теперь, в минуту торжества нашего, в минуту чествования нашего великого гения, эту именно идею в художественной силе своей воплощавшего. Да и высказывалась уже эта мысль не раз, я ничуть не новое говорю. Главное, всё это покажется самонадеянным: «Это нам-то, дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой земле такой удел? Это нам-то

предназначено в человечестве высказать новое слово?» Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю «в рабском виде исходил, благословляя» Христос. Почему же нам не вместить последнего слова его? Да и сам он не в яслях ли родился? Повторяю: по крайней мере, мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность его гения. Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные. В искусстве, по крайней мере, в художественном творчестве, он проявил эту всемирность стремления русского духа неоспоримо, а в этом уже великое указание. Если наша мысль есть фантазия, то с Пушкиным есть, по крайней мере, на чём этой фантазии основаться. Если бы жил он дольше, может быть, явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям, привлек бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть, успел бы им разъяснить всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь, стали бы нас предугадывать, перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, как теперь еще смотрят. Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем.

СИБИРИАДА

Сквозь снег, невзгоды и ненастья
Ушли в Сибирь вы навсегда
Искали призрачного счастья?
Как в сказку шли... зачем? Куда?
Порой помянут вас потомки,
Но всех не вспомнить никогда.
Вам вечной памятью в потемках
Горит Полярная звезда.

Игорь Чикачёв

375 лет назад, осенью 1648 года, свершилось одно из величайших географических событий XVII века — экспедицией во главе с казаком Семёном Дежнёвым и купеческим приказчиком Федотом Поповым был открыт пролив, отделяющий Азию от Америки. Спустя 100 с лишним лет английским мореплавателем Дж. Куком пролив был по неведению назван Беринговым (доставление Дежнёва было обнаружено в якутском архиве только в XIX веке).

20 июня того года из устья Колымы экспедиция на семи парусно-вёсельных судах (кучах) вышла из устья Колымы в

ПОДВИЖНИКИ

Северный Ледовитый океан. Три коча сразу же погибли в буре, в августе погиб ещё один. Три оставшиеся, обогнув Чукотский полуостров, достигли цели — Тихоокеанского побережья, но штормами были разбросаны. Коч Дежнёва был разбит о прибрежные скалы, и члены экипажа вместе с командиром, оставшись без оружия, боеприпасов и запасов пищи, 10 недель добирались до устья Анадыря, где и зазимовали. Потом прошли на лодках 600 вёрст вверх по Анадырю, построили Анадырский острог и там на время обосновались. Два других коча во главе с Поповым вышли южнее, экипажи выбрались на пустынный берег северной части Камчатки, два года продвигались к Колыме, но по пути погибли от голода и болезней.

По возвращении Дежнёв написал и отправил в Якутск донесение с подробным описанием своего путешествия, включая географические, метеорологические, гидрографические, биологические и этнографические сведения, а также трудности, которые пришлось преодолеть его отряду: *«Ашел я, бедной Семейка, с товарищи до Анандиры реки ровно десять недель, и пали на Анандырь реку вниз близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет. Из голоду мы, бедные, врознь разбрелись. И вверх по Анандыре пошло двенадцать человек»*.

Семён Иванович Дежнёв (1605—1673) — один из самых знаменитых среди русских землепроходцев того века, и имя его чаще всего встречается в названиях географических точек и улиц наших городов, в Новосибирске речное училище носит его имя, памятник ему установлен на родине в Великом Устюге, а ему с семьёй (женой-якуткой Абакаяде и сыном Любимом) — в Якутске. Будет, однако, несправедливо, если не назвать хотя бы нескольких из тех, кто готовил ему дорогу, и тех, кто шёл после него.

Пётр Иванович Бекетов (1600—1662), из стрельцов. По челобитной (т.е. добровольцем) в 1628 году был направлен в Енисейск и получил первое задание: усмирить нижнеангарских тунгусов, напавших на казачий отряд. С заданием Бекетов справился исключительно силой убеждения, не израсходовав ни грамма пороха. В 1632 году он с отрядом уже был на Лене и недалеко от впадения в неё Алдана срубил Якутский острог (Якутск), ставший вскоре главной базой освоения Восточной Сибири и местом штаб-квартиры воеводы, затем основал Жиганск, затем Олёкминск. В 1652 году из Енисейска Бекетов, «коего искусство и прилежание были уже известны», отправился в поход к забайкальским бурятам. Перевалив поздней осенью через Яблоновый хребет, основал Ингодинское зимовье (Читу), а на следующий год — Нер-

чинский острог (Нерчинск), наладив при этом мирные отношения с бурятами. В 1660 году «пенсионера» Бекетова перевели на более спокойную службу в Тобольск, где и окончилась его жизнь. Благодарные якутяне и читинцы поставили ему памятники.

Илья Перфильев (даты рождения и смерти неизвестны) в 1633 году из Якутского острога спустился вниз по Лене, первым прошёл на кочах вдоль побережья Моря Лаптевых, в 1634 году открыл реку Яну, обследовал ее в нижнем течении, а вместе с ней — всю Яно-Индигирскую низменность и подробно описал открытые земли в донесении.

Посник Иванов (даты рождения и смерти неизвестны), основатель Вилюйска на Вилуе, Верхоянска на Яне и Зашиверска на Индигирке (от «шивер» — «порог»; процветавший когда-то город опустел в 1880-е гг. после эпидемии чёрной оспы, ныне в память о нём построена часовня). В 1637 году с отрядом конных казаков перевалил через Верхоянский хребет, открыл верхнюю Яну, поставил Верхоянский острог, далее за месяц перевалил через хребет Черского — самую труднопроходимую горную систему Восточной Сибири, открыл верхнюю Индигирку, поставил на ней первое зимовье и почти бескровно «замирил» напавших на отряд юкагиров.

Иван Иванович Ребров (скончался в 1666 году) казачий пятидесятник. С отрядом служилых людей в 1637 году ходил по Яне, открыл Янский залив, первым совершил плавание по Восточно-Сибирскому морю, первым прошёл проливом Дмитрия Лаптева, открыл устье реки Индигирки, поднялся по ней на 600 км, описал открытые земли между Леной и Индигиркой. С 1642 года занимал административные должности приказчика в районе рек Оленёк и Колыма, умело управлял подчинёнными и ладил с новоподданными эвенками и юкагирами.

Михаил Васильевич Стадухин (погиб в 1666), из поморов, родился в Сибири. Первопроходец самого северо-восточного угла Сибири — от Колымы до Анадыря (1645—1647 гг.), открыл и описал эти реки, основал Нижнеколымск. В 1651 году первым вышел к северному побережью Охотского моря, открыл и описал реки Пенжину и Гижигу, первым из европейцев побывал на Камчатке. За 12 лет этот неутомимый исследователь прошёл более 13 тыс. км — больше любого землепроходца того века. Погиб вместе со всем своим отрядом в стычке с «немирными» аборигенами. Именем Стадухина названы улицы в Якутске и в пос. Зарянка на Колыме.

Иван Юрьевич Москвитин (1603 — после 1647) во главе небольшого казачьего отряда в 1639 г. проделал труднейший

1200-километровый переход вверх по рекам Алдан и Мая, преодолел хребет Джугджур, спустился по реке Улья и первым из европейцев вышел на западный берег Охотского моря, обследовав и описав около 1000 км его побережья и пройдя на юг до Сахалинского залива. Ему оставалось какие-то 100 км до устья большой реки Момур (Амур), о которой он слышал от местных племен и куда собрался отправиться на двух кочах, но встретив враждебное отношение гиляков (нивхов), рисковать малочисленным отрядом не стал. Его именем назван мыс в Охотском море, улицы в Томске и Московске, село в Амурской области; в Охотске ему установлен памятный знак, а на острове Большой Шантар в Хабаровском крае — стела.

Василий Данилович Поярков (1597—1668), письменный голова (должностное лицо, непосредственно подчиненное воеводе). В 1643 году по приказу воеводы во главе большого казачьего отряда отправился из Якутска в Даурию (Забайкалье и запад Приамурья) через Алдан и Становой хребет. Поход проходил в исключительно тяжёлых условиях. При прохождении порожистых рек приходилось более 40 раз перетаскивать суда волоком. Накануне зимовки затонули запасы ружейного свинца, пушечных ядер и значительная часть провизии. Начался голод, от которого погибла почти треть отряда. В довершение к этому на зимовье напал большой отряд дауров, от которого пришлось долго отбиваться. С такой враждебностью аборигенов русские встретились впервые. Дауры отказывались идти «под высокую царскую руку» и платить дань (ясак), потому что считали себя маньчжурскими подданными и платили им дань. И всё же трудности были преодолены — к осени 1645 года отряд прошёл весь Амур до самого устья и поставленные задачи выполнил. Обратный путь отряд проделал на кочах вдоль западного берега Охотского моря до р. Улья, перешёл через хребет Джугджур и по Алдану вернулся в Якутск. В память об отважном Пояркове названы улицы в Хабаровске, Якутске и Северо-Курильске и одна из станиц амурских казаков.

Владимир Васильевич Атласов (1661—1711), якутский казак, приказчик Анадырского острога. В 1697—1698 гг. с отрядом из 60 казаков и 60 юкагиров совершил поход на Камчатку, впервые пройдя весь полуостров с севера на юг и собрав ценные сведения об этой земле. При подавлении казачьего бунта Атласов был убит. В память о нём на Камчатке названы остров, бухта, вулкан и посёлок, а также улица в г. Московске.

Итак, менее чем за 60 лет, считая от похода Ермака, русские землепроходцы преодолели неизведанные просторы от

Урала до Тихого океана. Нагляднее всего об этом говорит хронология основания сибирских городов:

1586 г. — Тюмень, заложен воеводами Василием Сукиным и Иваном Мясным.

1587 г. — Тобольск, заложен воеводой Дмитрием Чулковым.

1594 г. — Сургут, заложен воеводой Фёдором Барятинским по наказу царя Фёдора Иоанновича.

1595 г. — Обдорск (ныне Салехард) заложен казаками по наказу царя Фёдора Иоанновича.

1604 г. — Томск, заложен казачьим головой Гаврилой Писемским и стрелецким головой Василием Тырковым по наказу царя Бориса Годунова.

1618 г. — Кузнецк (ныне Новокузнецк), заложен казаками по наказу царя Михаила Федоровича.

1619 г. — Енисейск, заложен отрядами казаков Петра Алыбачева и стрельцов Черкаса Рукина.

1626 г. — Братск, заложен отрядом казаков Максима Перфильева. В память о нём остались сёла Максимовщина и Максимиха под Иркутском и мыс Максимин на Байкале.

1628 г. — Красноярск, заложен енисейскими казаками.

1632 г. — Якутск, заложен сотником Петром Бекетовым.

1634 г. — Вилюйск, заложен отрядом казаков Посника Иванова.

1638 г. — Верхоянск, заложен как казачье зимовье отрядом Посника Иванова.

1644 г. — Нижнеколымск, заложен атаманом Михаилом Стадухиным.

1647 г. — Охотск, заложен атаманом Семеном Шелковниковым.

1648 г. — Нижнеудинск, заложен атаманом Елисеем Тюменцевым.

1653 г. — Чита, заложена сотником Петром Бекетоваым.

1653 г. — Нерчинск, заложен сотником Петром Бекетовым.

1661 г. — Иркутск, заложен отрядом казаков Якова Похабова.

1666 г. — Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), заложен казаками как зимовье.

1667 г. — Дудинка, заложена казаками как зимовье.

Землепроходцы не только приводили в русское подданство многочисленные племена и народности Сибири, не только собирали с аборигенов и отправляли в Москву дань «мягкой рухлядью» — пушниной (которая тогда составляла до трети доходов государственного бюджета), но и собрали на терри-

тории площадью 13 млн. кв. км (!) метеорологические, биологические, этнографические и весьма точные географические сведения, которые более 100 лет служили основой для географических карт.

Они сыграли громадную роль в зарождении и развитии хлебопашества и бортничества в Сибири, в разведке и разработке полезных ископаемых, в зарождении дерево- и металлообработки. Они и сами учились у аборигенов способам выживания в суровой природной среде, а многие и женились на местных красавицах — тунгусках, якутках, бурятках. А кроме того, они строили церкви и без принуждения распространяли православную веру (это большая отдельная тема).

Они жили и совершали свои поражающие воображение походы в труднейших климатических условиях, когда зимой не было спасения от мороза, а летом от гнуса. Голод, шторма и льды арктических морей, нехватка снаряжения и боеприпасов, стычки с «немирными» инородцами были причинами их частой гибели. История сохранила имена немногих из них, большинство остались безвестными.

Кто же были они, эти «служилые», и что тянуло их в неизведанную Сибирь? Прежде всего это были люди, не знавшие крепостной зависимости, — либо из северных русских земель, в их числе и поморы, либо из земель донских или терских казаков — будущие тобольские, енисейские, якутские казаки. С середины века к ним стали массово присоединяться крестьяне, бежавшие от крепостного права, окончательно установленного царём Алексеем, и сторонники старой веры, не принявшие реформ Никона. А двигало ими всеми стремление к вольной жизни, упорство, смелость, решительность, не боязнь риска, а кого-то, наверное, и желание разбогатеть. Все они — от рядовых казаков и «промышленников» (охотников-промысловиков) до атаманов были Личностями, и разбогатели из них лишь единицы (тот же «сорви-голова» атаман Стадухин погиб не богачом, а должником).

Свободолюбие, мужество, неустанная борьба с трудностями, взаимовыручка выработали ставший уже легендарным особый «сибирский характер». Правда, начиная с 1930-х годов, когда в Сибирь хлынули потоки строителей шахт, рудников и гигантских заводов и особенно потоки эвакуированных, этот характер стал очень сильно «разбавляться». Но главное дело он сделал — присоединил громадную страну, которой «прирастало могущество России».

Благодаря Сибири, советская экономика выдержала страшные бедствия в годы войны. Благодаря Сибири, СССР по экономической мощи поднялся на 2-е место в мире. Бла-

годаря Сибири с ее нефтью, газом, углём, рудами и лесами экономика современной России да и сама Россия пока ещё держатся на плаву.

Низкий поклон за всё это отважным землепроходцам! И вечная им память!

Игорь ЧИКАЧЁВ

*Сквозь снег, невзгоды и ненастья
Ушли в Сибирь вы навсегда.
Искали призрачного счастья?
Как в сказку шли... Зачем? Куда?*

*Нехитрый скарб сложив в котомки,
Топор за пояс и — айда!
Вас за собой, как за постромки,
Вела Полярнвя звезда.*

*Что вы нашли на Индигирке?
Богатство, счастье? Вам видней!
Вам жены, бывшие ясырки,
Рождали смуглых сыновей.*

*Что в этой жизни вам пребудет?
И что вы здесь приобрели?
Не знали вы — милей не будет
Вам этой ледяной земли.*

*Своих отцов оставив кров, вы
Смешали здесь не только кровь,
В наследство передав от предков,
В завет, упрямый свой норв.*

*Порой помянут вас потомки,
Но всех не вспомнить никогда.
Вам вечной памятью в потемках
Горит Полярная звезда!*

ВЕЧНЫЙ МАЙДАН

«Шойгу! Где снаряды?» — это майдан. Непрерывная борьба «сеточки» с «сеточкой» за право единолично представлять «народ» и государство — это майдан. Требование «вернуть СССР» или «восстановить Российскую империю» образца января 1917 года, или «вернуть самодержавие» по состоянию на январь 1905 года — это майдан.

Майдан — это любая попытка коллектива единомышленников, отказать в праве на мнение и политическую позицию, как отдельному человеку, так и государству.

На двух состоявшихся и одном несостоявшемся украинских майданах был представлен весь спектр политических сил, от крайне левых, по сравнению с которыми коммунисты правые, до крайне правых, по сравнению с которыми фашисты левые. Единственное, что их объединяло — все они представляли маргинальные политические течения, не способные прийти к власти на выборах. Путч (мирный или не мирный) был их единственным шансом.

Мы ошибочно придаём преувеличенное значение иностранному вмешательству. Действительно, роль внешней силы в финанси-

УРОКИ ИСТОРИИ

ровании, обучении «полевых командиров», дипломатической поддержки велика. Но критической она является только в вопросе парализации власти — воспрещения силовых действий по разгону майдана. При этом, как показывает практика, такая поддержка важна только для создания эффекта «мирного майдана» — «бархатной революции», сметающей старый режим без насилия, настолько он прогнил и надоел собственному населению.

Если выясняется, что эффект «мирного майдана» недостижим — власть не уходит «по-хорошему» и выясняется, что вовсе она не прогнила и большинство населения совсем от неё не устало и не хочет менять на мятежников, то майдан может в один момент принять немирный характер и взорваться вооружённым путчем, для которого текущая внешняя поддержка не так уж и важна (путч выигрывает или проигрывает слишком быстро для того, чтобы иностранное вмешательство что-то значило). Для путчистов важнее их последующее быстрое признание «цивилизованным миром», но для этого у них должно быть достаточно сил и решимости, чтобы захватить власть в стране.

Состояние майдана сугубо внутренне, латентно присущее каждому обществу. Первым его уловил и использовал Ленин. Ибо «социалистическая революция», опережающая буржуазные преобразования — не что иное, как майдан, произведённый группой лиц, считающих себя достаточно просвещёнными, чтобы вести «отсталое общество» к «прогрессу» вопреки интересам самого общества.

Именно поэтому большевики справедливо указывали, что буржуазная революция вызревает в недрах феодального общества и лишь завершается переворотом, когда общественный и экономический базис нового строя уже готов, а вот их «социалистическая», только начиналась переворотом, после которого они пытались (не совсем удачно, хоть кое-чего достигли) построить на пустом месте новое общество (советский народ) и новый экономический базис, не представляя себе точно, как это должно выглядеть и не имея законченного плана строительства.

Перед началом специальной военной операции Владимир Путин говорил о «настоящей декоммунизации» Украины. Этот риторический приём можно рассматривать по-разному, но наиболее радикальная трактовка заставляет вспомнить, что не было более последовательного сторонника независимости Украины, чем В.И. Ленин.

Джин Шарп всего лишь переложил сложную революционную теорию Ленина в формат комикса, доступного пони-

манию любого идиота. Ленин объяснял не только что надо делать, но и почему такие действия приводят к успеху. Шарп же всего лишь даёт технические указания, куда идти и что кричать. Поэтому революции «по Ленину» друг от друга отличаются, а «по Шарпу» похожи, как близнецы, вплоть до цветных ленточек, девочек в белых блузках и обязательного пианино, символизирующего особую «просвещённость» и «одухотворённость» вышедшего на майдан стада.

Я не ошибся, именно вышедшего, а не выведенного, ибо на майдан выходят по доброй воле, туда никого не выводят насильно. Сила майдана в том и заключается, что маргиналам, ощущающим свою ущербность и в обычное время старающимся прятаться в тени, говорят, что они-то и есть соль земли — «глубинный народ», что если они выйдут на площадь, то сразу увидят, как их много. Они выходят и видят. Отсюда рассказы о том, что на площади, на которой не поместится и сто тысяч человек, «стояли миллионы». Отсюда уверенность, что «поднялась вся страна».

Майданная толпа — сплошь «прогрессоры». Но человек, считающий себя прогрессором, маргинален по определению. Он живёт в чужом для него обществе, которое, по его мнению, «не доросло» до его «светлых идей» и которое надо загонять в счастье силой.

Майдан — постоянно тлеющая в любом обществе потенциальная революция маргиналов. В этом его сила и в этом же его слабость. Маргиналы способны разрушить что угодно — им ничего не жаль, так как общество, в котором они живут, для них чуждо. Они могут поменять общество, переехав в другую страну, но ощущение чуждости всё равно останется. Они и там будут маргиналами.

Поэтому эмиграция первой волны (после 1917 года) большей частью спокойно интегрировалась в новое общество. Они бежали от революции маргиналов к привычному для них обществу. В отличие от них советские диссиденты, даже успешные и состоявшиеся в эмиграции, не покладая рук боролись со своей старой родиной. Казалось бы, уехал и наслаждайся жизнью, как, например, переехавшие в Израиль евреи, которым особого дела не было до СССР, кроме воспоминаний и оставшихся там родственников и знакомых. Но диссиденты всё равно боролись. Ибо они чувствовали себя «прогрессорами», смысл жизни которых заставить народ быть счастливым в их понимании.

Точно так же современная эмиграция из Украины делится на две части. Большая часть вернулась на родину с места проживания и спокойно, без особых проблем (если не счи-

тать легализацию и неизбежные материальные потери при переезде) вросла в российское общество. Меньшая часть старается куда-то вести за собой Россию и учит россиян, как им жить и что делать. Подавляющее большинство этих «учителей» поддерживало либо первый, либо второй майданы, а большинство оба сразу.

Просто майданное единство длится ровно до захвата власти, как и единство большевиков, левых эсеров, анархистов, части меньшевиков и прочих мелких групп, участвовавших в октябрьском перевороте 1917 года. Как только власть свергнута, начинается борьба за власть майданных сил. Жестокая борьба — на уничтожение. Бывает, что побеждают левые, бывает, что правые. На Украине наблюдаем последний случай.

Те активисты майдана, которые в постмайданную действительность не вписались, преследуются бывшими товарищами не менее ожесточенно, чем сторонники антимайдана. Для них эмиграция так же зачастую является единственным способом сохранить жизнь и свободу. Но, как и у советских диссидентов, маргинальная тяга к прогрессорству не покидает их на новом месте жизни. Такова их психическая организация.

Самое опасное в наших условиях, что их активные противники — такие же активисты майдана, только патриотического. Повторю, что особенность майдана заключается в том, что относительно небольшая группа лиц (несколько десятков тысяч, максимум в многомиллионной стране) узурпирует право на мнение и политическую деятельность, отказывая в этом праве, как отдельному человеку: «единица — ноль», так и всему обществу, которое по их мнению коснеет в «проклятом прошлом» и преступно не желает двигаться в «светлое будущее».

Именно поэтому победивший майдан приносит удовлетворение лишь единицам, прорвавшимся к власти, и то лишь на время, в течение которого власть находится у них в руках. Для остальных же наступает время жестокой диктатуры победивших маргиналов, для которых «яблони на Марсе» важнее нормальной жизни. Майдан — перманентная революция.

Троцкий (в отличие от легко жертвовавшего марксистской теорией ради революционной практики Ленина), являвшийся сугубым теоретиком, был абсолютно прав, настаивая на перманентной революции. Большевики сами не заметили, как признали его правоту, провозгласив: «Есть у революции начало, нет у революции конца». Современные добросовестные реставраторы СССР так же совершенно справедли-

во замечают, что Союз ступил на дорогу к краху или перерождению в тот момент, когда к началу 60-х окончательно отказался от революционности в пользу нормальной жизни.

Майдан может существовать только как реактор, постоянно воспроизводящий революцию. Поэтому победившие большевики, не прекращая, боролись с «уклонами» в своей среде, даже когда окончательно загнали за можаи всех «бывших». Именно поэтому победивший почти десять лет назад на Украине майдан постоянно ищет врагов внешних и внутренних — борьба не может прекратиться, так как с прекращением борьбы прекратится и майдан — карета превратится в тыкву, кони в мышей, а кучер в крысу и все увидят обман.

В любом обществе есть маргинальная прослойка «прогрессоров». В обычное время они яростно сражаются друг с другом на своих «квартирниках» (так как больше чем на квартиру или микрозабегаловку их в одном месте никогда не набирается — обществу они не интересны), а сейчас ещё и в социальных сетях. Но в эпохи великих потрясений маргиналы-«прогрессоры» со своим обещанием всеобщего счастья здесь и сейчас зачастую оказываются востребованы активной частью общества.

Мы живём в эпоху великих потрясений, поэтому не должны терять бдительности. Необходимо помнить, что от майдана нет надёжной прививки, он латентно имманентен любому обществу. Единственно надёжное средство — здоровый скептицизм обывателя, не ищущего добра от добра и не стремящегося немедленно превратить хорошее в ещё лучшее.

Общественное развитие — долгий и сложный процесс, в рамках которого наибольшие успехи достигаются эволюционно. Революции же отбрасывают общество назад, а некоторые общества и государства революции вообще не переживают.

Россия в XX веке пережила четыре (включая «перестройку») революции. Лимит на революции для нас исчерпан, если, конечно, хотим сохранить государство и общество. Но майдан всё равно тлеет в сердцах «прогрессоров». Так что бдительность — наше оружие, а поспешность и радикальность — опасный враг.

МИФЫ О СТАЛИНЕ

В 1956 году на XX съезде партии Н. Хрущёв сделал доклад «О культе личности и его последствиях», который произвёл эффект разорвавшейся бомбы (правда, позднее выяснилось, что доклад был основательно напичкан ложью). С тех пор российское общество разделилось на две партии: сталинистов и антисталинистов.

Наиболее активные члены первой партии возводит Сталина в культ для поклонения, они видят в нём великого полководца, непревзойдённого государственного деятеля и горячего русского патриота, восстановившего величие страны и нации. Они готовы объяснить и оправдать даже его крайне жестокие действия и переложить вину за них на других или на исторические обстоятельства. Для них Сталин — почти святой.

Активисты второй партии — либералы и их сторонники — возводят Сталина в культ для проклятия. Для них есть только одна аксиома: Сталин — садист и кровавый тиран, уничтоживший цвет общества и превративший страну в гигантский концлагерь. На этой аксиоме строятся и все теоремы, начиная с романов «Жизнь и судьба» В. Гроссмана и «Дети Арбата» А. Рыбакова (Ароно-

ва) и кончая современными фильмами и телесюжетами. Исходя из этой аксиомы бывший президент Д. Медведев считал, что Сталин и другие руководители советского государства того времени достойны «самой жесткой оценки», поскольку они «вели войну с собственным народом».

Чем сильнее противостояние, тем больше мифов — как светлых, так и тёмных. «Законы жанра» не позволяют написать даже портретный набросок этого безусловно незаурядного человека, поэтому ограничимся лишь несколькими штрихами.

Начнём со злодеяний, которые, по утверждению А. Солженицына и его последователей, привели к гибели от 60 до 100 млн. невинных людей. Цифры эти — плод художественного, а скорее — больного воображения (ибо художественный дар этого писателя, надо признаться, был весьма скромнен). В действительности же, за период с 1921 года (когда Сталин был ещё далёк от вершины власти) до начала 1954 года по политическим мотивам были осуждены 3,78 млн. чел., в том числе приговорены к расстрелу 643 тыс. чел., из них более половины приходится на 1936—1938 годы. Эти данные содержались в официальной записке, составленной генеральным прокурором Руденко и министром внутренних дел Кругловым в 1954 году, когда Сталин уже умер, страха перед ним не было и занижать цифры не имело смысла — в верхах отношение к вождю круто менялось. Следует при этом помнить, что в числе осужденных и расстрелянных были и бандеровцы, и активные пособники фашистов, и вражеские шпионы с диверсантами.

Хотя нескольким десяткам тысяч расстрел был заменён заключением в лагерях, цифры всё равно страшные, ибо, без сомнения, огромную часть жертв составляли не враги генсека, не враги народа и не враги государства, а совершенно невинные люди.

Однако куда более страшные цифры жертв репрессий в 1929—1933 годах с истреблением образованного слоя нации, «раскулачиванием» и массовым голодом (по самым осторожным оценкам, тогда погибло не менее 5 млн. чел.) на либералов-антисталинистов никакого впечатления не производят, да и к «сталинским репрессиям» они их не причисляют. Не производят впечатления и сотни тысяч расстрелянных в годы «военного коммунизма», «красного террора» и Гражданской войны, когда судьбами людей вершили Ленин, Свердлов и Троцкий. В записку прокурора и министра эти цифры не вошли, потому что подсчёту не поддаются. Только в Крыму «интернационалистами» Б.Куном и Р.Землячкой-Залкинд (по кличке «Демон») в 1920 году было расстреляно 120 тысяч бе-

зоружных солдат и офицеров, учителей, врачей и прочих «классовых врагов».

Почему так? Почему их «гуманизм» такой избирательный и ограничивается лишь тремя годами (1936—1938)? Не потому ли, что громадную вину за репрессии 1929—1933 годов, организатором которых считается Бухарин, курировавший НКВД, несут духовно близкие либералам «интернационалисты», которые устроили очередной террор по старым рецептам, хорошо опробованным в первые годы после революции и последовавшего за этим страшного голода в 1920—1922 годах? Жертвами репрессий 1929—1933 гг. стали, в основном, русские крестьяне и недобитые русская интеллигенция, офицерство и духовенство, а от репрессий 1936—1938 гг. среди общественно-политических деятелей больше всего в процентном отношении пострадали «интернационалисты».

Чем же насолили «интернационалисты» Сталину? Тем, что они когда-то были его соперниками в борьбе за власть? Это так, но лишь отчасти. Главное, они мешали Сталину возродить сильную Империю. Они всё грезили «мировой революцией», считали, что без революций в Европе социализм в России построить невозможно и рассматривали её, во-первых, как плацдарм для завоевания мирового господства («дрова» для пожара «мировой революции»), во-вторых, как сырьевую базу для «мирового пролетариата» после будущих успешных революций в Европе. Ну а в русском народе видели только пушечное мясо для мировой «революционной войны» и «сырьё для выработки коммунистического материала». И не более того. То есть они были, как и нынешние либералы, антигосударственниками (в этом и состоит их духовное родство). И хотя главные «интернационалисты» — Троцкий, Зиновьев, Каменев и др. были отстранены от власти еще в 1927 г., в партийных и государственных органах оставалась огромная разветвлённая сеть их сторонников.

На основании этого сталинисты считают Сталина национальным освободителем, что отчасти верно, и чуть ли не русским националистом, что действительности никак не соответствует. Сталин был правоверным большевиком-интернационалистом, но с конца 1920-х гг. интернационализм свой ограничил интересами многонационального Советского Союза, что после войны жестоко продемонстрировал русским «Ленинградским делом» и «Делом Еврейского антифашистского комитета».

Значительную часть репрессированных в 1936—1938 гг. «интернационалистов» составляли евреи, что породило, особенно после борьбы с «безродными космополитами» в 1949—1953 гг., миф об антисемитизме Сталина. Беспочвенность

этого мифа не оставляет сомнений, если иметь в виду, что в числе близких соратников Сталина оставались Каганович, Мехлис и др. евреи; что в 1949—1953 гг. Сталинских премий в области литературы были удостоены не выдающиеся русские литераторы М. Пришвин, А. Платонов или Н. Заболоцкий, а евреи Б. Горбатов, Л. Кассиль, А. Рыбаков и другие, ещё более посредственные «дети Арбата». В ЦК КПСС, избранном на XIX съезде ещё при жизни Сталина (1952 г.), процент евреев был втрое выше их процента в партии. Даже в те «антисемитские» годы непропорционально огромным был процент евреев среди студентов, научных работников и врачей.

Столь же беспочвен и миф о русофильстве вождя. Действительно, перед самой войной и, тем более, в её ходе, Сталин постоянно обращался к русскому национальному чувству, напрочь забыв собственный тезис об «обострении классовой борьбы». Он даже с благосклонностью стал относиться к Русской Православной Церкви. Однако это было не запоздалое прозрение, а расчётливый прагматизм — русские были национальным ядром в СССР и в Красной армии, были главной опорой государства. Кончилась война, и на русского солдата вновь надели крепостное (колхозное) ярмо, а церковь с 1948 года вновь заняла «подобающее» ей место в атеистическом государстве. Нельзя забывать и о том, что почти на всех партсъездах, включая XVII (1934 г.) Сталин в своих выступлениях неустанно говорил об опасности русского «великодержавного шовинизма».

С подачи Хрущёва стал гулять миф о полководческой бездарности генералиссимуса, который, мол, за ходом войны следил по глобусу, а не по оперативным картам. Свой вклад в этот миф внёс и русский писатель В. Астафьев, сказав, что войну мы выиграли, забросав противника горами своих трупов, за чем следовал элементарный вывод: командование наше во главе со Сталиным было бездарным. Мемуары заместителя Верховного главнокомандующего Г. Жукова и начальника Генштаба А. Василевского не оставили от этого мифа камня на камне.

С другой стороны, преувеличением является и широко распространённое у сталинистов мнение о полководческом гении Сталина. По воспоминаниям наиболее часто встречавшихся с ним маршалов Жукова и Василевского, лишь после Сталинградской битвы Сталин стал серьёзно прислушиваться к мнению Генштаба, предпочитая до этого действовать «побольшевицки», что явилось одной из причин тяжёлых поражений в 1942 году, огромных человеческих потерь и откату нашей армии до Волги и Кавказа. Только в начале 1943 года

он сумели извлечь должные уроки из собственных ошибок (в чём признался в своей победной речи в 1945 г.) и, в силу своих выдающихся способностей, действительно стал выдающимся военным стратегом. Добавим к этому, что страх, порожденный репрессиями 1936—1938 гг., тоже сыграл свою печальную роль — сковывая инициативу командиров, он привел к огромным потерям в начале войны.

Так кто же он, Иосиф Виссарионович Сталин, — добрый ангел или злой гений? Ни тот, ни другой. Он — неистовый государственный! Человек, при котором были восстановлены мощь и величие нашего государства, а русские после войны вновь ощутили себя великой нацией. И при котором они же несли непомерную тяжесть государственных повинностей (потом хрущёвско-брежневско-андроповский режим этой тяжестью надорвал духовные силы русского народа). А народ... Народ он рассматривал как материал для создания государственной мощи, наряду с другими природными ресурсами. Не первый в нашей истории.

Почему же русские в подавляющем большинстве относятся к Сталину скорее положительно, чем отрицательно? Потому что, как утверждают либералы, они — рабы, нуждающиеся в хозяйской дубине? Нет, потому что сами они — нация государственников. Потому что для них личные интересы неотделимы от интересов государства, и по-иному русские как нация существовать не могут. Русской душе был созвучен сталинский лозунг: «Догоним и перегоним Америку по производству угля, нефти и стали!» И когда Хрущёв заменил его лозунгом: «Догоним и перегоним Америку по производству масла, мяса и молока!», когда он перевёл устремлённость нации с государственных интересов на интересы желудка, наиболее проникательные люди поняли: это начало государственного разложения.

Смакуя жестокость Сталина, а заодно приписывая ему и несуществующие грехи, антисталинисты умалчивают об одной «мелочи»: если Сталин такой ужасный, то кого бы они хотели видеть на его месте. Иначе говоря: а была ли Сталину альтернатива? Попробуем разобраться.

Кто вообще мог быть альтернативой большевикам после Октябрьского переворота? Меньшевики, эсеры или анархисты быть не могли — ни одной крупной фигуры среди них не было. Могли быть только вожди Белого движения — Деникин, Колчак, Врангель. Но Гражданскую войну они проиграли, и прежде всего — на идеологическом фронте.

Красные пообещали всем крестьянам раздать землю (о том, что это обман, крестьяне ещё не догадывались). Белые же не

скрывали, что в земельном вопросе восстановят дореволюционный статус-кво, потому массовой крестьянской поддержки не получили. Красные пообещали «право наций на самоопределение, вплоть до отделения». Белые же боролись «за единую неделимую Россию», и потому не получили поддержки не только от «националов», но и от Запада, который и Февральскую-то революцию финансировал только с одной целью — ослабить и расчленить «единую неделимую» на мелкие зависимые государства.

Круг претендентов, таким образом, сужается и ограничивается только большевистскими руководителями, которые все без исключения были запятнаны кровью русского народа. Революционеры — это разрушители по определению. Как писали Бакунин и Нечаев в «Катехизисе революционера» (1869 г.): «Революционер... знает только одну науку, науку разрушения. ...Революционер — человек... беспощадный для государства и вообще для всего сословно-образованного общества...» И не только разрушители, но и безжалостные истребители «врагов народа». Достаточно вспомнить Великую французскую революцию 1789—1793 гг., когда революционеры истребили более полумиллиона людей при 15-миллионном населении тогдашней Франции. Большевики были не более гуманными революционерами XX века.

Рассмотрим персонально наиболее видных из них.

Член Политбюро ЦК РКП(б), председатель ВЦИК Я. Свердлов — едва ли не самый кровавый большевистский палач, патологически ненавидевший русский народ, инициатор убийства царской семьи, «красного террора» и геноцида казачества. Он рвался к единоличной власти в стране и с этой целью организовал покушение на Ленина. Имея связи с Западом, готов был в любой момент бежать из России. Умер ещё при жизни Ленина, в 1919 г. В личном сейфе, вскрытом через 15 лет после его смерти, было обнаружено огромное количество драгоценностей и много поддельных и незаполненных паспортов.

Член Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Реввоенсовета Л. Троцкий (Бронштейн). Занимал также должности наркома иностранных дел, наркома по военным и морским делам и наркома путей сообщения. В 1918 г. проводил в Бресте мирные переговоры с немцами, в результате чего те захватили огромные территории России. Был сторонником перманентной (непрерывной) революции, считал себя профессиональным революционером-разрушителем, готовым заниматься революцией в любой точке мира и в любое время. Проталкивал идею милитаризации профсоюзов и создания

трудоармий (т.е. превращения страны во всеобщую казарму). Презирал Россию и с детства ненавидел русских. Считал, что построить социализм в отдельно взятой стране невозможно без победы революции в странах Запада. Отводил России роль сырьевого придатка промышленно развитых стран Европы. Имел тесные связи с американскими банками, получал от них финансовую поддержку и добросовестно отработывал её за счёт России. Боролся за власть в партии, имел большой круг сторонников. В гуманизме не замечен.

Член Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Исполкома Коминтерна Г. Зиновьев (Апфельбаум). Одновременно возглавлял Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Считал себя вождём №2 (после Ленина) «мирового пролетариата». Отличался отсутствием организаторских способностей, трусостью, паникёрством и крайней жестокостью. Организатор «красного террора» в Петрограде в 1918 г., убийства без суда и следствия сотен русских офицеров, представителей русской интеллигенции, священников и прочих «классовых врагов». Как и Троцкий, не верил в возможность построения социализма в России, был сторонником «казарменного социализма». Был хорошим оратором, но совершенно не способным к деловой практической работе. Боролся за власть в партии, имел много сторонников среди петроградских коммунистов.

Был ещё один широко известный деятель — член Политбюро ЦК ВКП(б), главный редактор газеты «Правда» Бухарин, «лучший теоретик» в партии. Именно он называл Россию «дровами для мирового революционного пожара», а русский народ — «материалом для выработки коммунистического человечества». В борьбе с «великорусским шовинизмом» всегда был на самом передовом рубеже. Человеком он был политически слабым, шарахавшимся от одних крайних взглядов к другим и никогда не занимавшимся практической государственной работой, поэтому реальным претендентом на высший пост вряд ли мог быть.

Итак, Троцкий, Зиновьев или Сталин? У всех троих было много общего: амбиции и властолюбие, преданность делу революции, ненависть к крестьянству как к носителю мелкобуржуазной идеологии, ненависть к старой русской интеллигенции и к Православной Церкви как к идейным врагам.

Отличие было в одной, на первый взгляд, сугубо теоретической мелочи — в возможности или невозможности построения социализма «в одной отдельно взятой стране», т.е. в России. Если Троцкий и Зиновьев считали это невозможным без революций в передовой Европе и видели в России лишь плац-

дарм для захвата мировой власти революционным путём, то Сталин отказался от бредовых идей создания «Всемирной республики советов» и всё внимание сосредоточил на строительстве Российского государства. То есть он оказался единственным созидателем во всём большевистском руководстве. Именно это и обеспечило ему поддержку в партии.

Сделаем выводы.

Первый — история XX века предоставила России очень узкий выбор альтернативных кандидатов на пост вождя.

Второй — при таком выборе стране и народу всё-таки повезло, что лидером государства стал Сталин, а не Троцкий или Зиновьев.

Остаётся вопрос: почему либералы так люто ненавидят Сталина? Если вспомнить, что в большинстве своём они являются русофобами, что Россия для них — «эта» страна, что они наиболее активно участвовали в разрушении СССР, что сильное государство для них как кость в горле, что они и сейчас препятствуют подъёму России, то ответ становится очевидным. Это и есть третий вывод.

Сегодня, когда Россия вновь находится в зависимости от международных сил, когда её промышленность разрушена едва ли не больше, чем в годы войны, когда коррупция и социальное расслоение достигло фантастических размеров, русские вновь вспоминают Сталина как великого строителя сильного независимого государства, и его рейтинг, несмотря на отчаянные усилия либералов, глубоко окопавшихся в СМИ, продолжает расти. Нельзя, однако, забывать, что многие достижения его эпохи стоили больших, часто неоправданных жертв. Прежде всего — русских жертв.

Но всё же, главная вина Сталина состояла в другом: он не оставил достойных преемников. В тени могучего дуба не растёт ничего, кроме травы и мелкого кустарника. «Мелкий кустарник» и пришёл к власти после его смерти.

От редакции. С последним тезисом автора статьи вряд ли можно согласиться. Это широко распространенное, но ошибочное мнение. Сталин готовил себе преемников (Киров, Жданов, Куйбышев...), но они были ликвидированы внутренними врагами страны. В послевоенные годы к Сталину был приближен Л.П. Берия. Но Хрущёв, захватив власть, его уничтожил и оклеветал. Существует немало публикаций и книг, доказывающих, что и к смерти Сталина приложил руку Хрущёв.

СТРИПТИЗ ДЕЖУРНЫХ ПАТРИОТОВ

Те российские телезрители, которые смотрят регулярно ток-шоу с Владимиром Соловьевым (Виницковским. — **В.Б.**), давно привыкли не только к тому, что этот шоумен регулярно напоминает им, что он по происхождению еврей, но и к тому, что на ролях дежурных российских патриотов у него регулярно выступают его соплеменники — экс-руководитель израильской спецслужбы «Натив» Яков Кедми и директор Института Ближнего Востока (до недавнего времени Институт Израиля) Евгений Сатановский (Сатановский — еврейская фамилия, связана с украинским местечком Сатанов. — **В.Б.**). И поэтому новость о том, что Соловьев публично объявил об увольнении со своего канала Сатановского, для многих оказалась столь же неожиданной, сколь и интригующей.

Стриптиз «патриота»

Ларчик, как оказалось, открывался просто. У Сатановского сработала так называемая «двойная лояльность». Как только он услышал, что российский МИД осудил расправы армии Израиля

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

(ЦАХАЛ) над мирным населением Газы, он сбросил маску российского патриота, под которой выступал в передачах Соловьева, и выступил открыто в своем естественном облике как убежденный сионист, оскорбив публично пресс-секретаря МИД РФ Марию Захарову и заместителя министра иностранных дел М. Богданова, поддержавших палестинцев.

Двойная лояльность — это этико-политический термин, означающий одновременную лояльность к двум отдельным, зачастую противоположным интересам, следствием которой является их конфликт. Примеров такого конфликта в истории и современной жизни — великое множество. Случай с Сатановским — не исключительный.

В свое время в интервью Борису Корчевникову в программе «Судьба человека» Соловьев даже причислил к личным особым достижениям «раскрутку и запуск на орбиту» Сатановского и прочих подобных ему деятелей российского филиала международного сионизма. Сатановский — заведующий кафедрой израилеведения Центра иудаики и еврейской цивилизации Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова (МГУ); с 1998 года читает лекции в Еврейском университете Москвы (Высшая гуманитарная школа им. С. Дубнова); вице-президент Международного совета регентов Международного центра университетского преподавания еврейской цивилизации Еврейского университета в Иерусалиме. По его собственному признанию, во времена СССР он руководил подпольным изданием всей сионистской литературы. С 1995 года с подачи сиониста, олигарха и медиамагната В.А. Гусинского стал заниматься созданием Российского еврейского конгресса, а в 2001—2004 годах стал его президентом, сменив на этом посту подельника Ходорковского Л.Б. Невзлина. Ныне Сатановский — член совета директоров Российского еврейского конгресса, одного из самых мощных отрядов международного сионизма (более четырех миллионов членов). Он входит, таким образом, в состав руководства этой сионистской группировки, подчиняющейся материнской организации — Всемирному еврейскому конгрессу, входящему во Всемирную сионистскую организацию. Напомню, что вместе с ним в руководстве Российского еврейского конгресса (РЕК) представлен и такой еврейский олигарх, как владелец «Альфа-групп» Михаил Фридман, и другие. РЕК координирует свои действия с выпестованным олигархом В. Гусинским Федерацией еврейских общин России (ФЕОР) во главе с гражданином США Берлом Лазаром.

У Сатановского с Соловьевым много общего помимо еврейских корней. Владимир Рудольфович публично заявил, что исповедует иудаизм, изучает каббалу. Он, так же, как и Сатановский, член президиума РЕК и даже играл в футбол за команду конгресса.

Что касается Якова Кедми, то он по-прежнему постоянно прописан в передачах Соловьева. Он родился в СССР, эмигрировал в Израиль, где в 1992—1999 годах руководил агентством «Натив» — спецслужбой Израиля, занимавшейся эвакуацией евреев в Израиль из стран, где им запрещен выезд, или из горячих точек. С деятельностью «Натива» под руководством Кедми связана самая массовая иммиграция евреев из СССР в Израиль — более миллиона человек. Должность начальника «Натива» приравнена по рангу к генералу, и с 1999 года Кедми, выйдя в отставку, получает пенсию, эквивалентную пенсии армейского генерала. Заодно «генерал от сионизма» Кедми подрабатывает у Соловьева, и, кстати, не только у него. В одной из его передач он открыто, вопреки всем решениям ООН, выступил за официальную передачу Израилю Голанских высот, захваченных в ходе агрессии 1967 года. И никто ему даже не возразил!

Надо думать, Соловьев понимает, что заставить Кедми осудить Израиль за его преступления против палестинцев — дело безнадежное. Но всё же события недавнего времени, вызванные нападением ХАМАС на Израиль, приведшим к гибели израильских поселенцев в Секторе Газа, и вторжением ЦАХАЛ (армии Израиля) в сектор Газа, повлекшим собой десятки тысяч жертв мирного палестинского населения, побудили Соловьева поставить перед Кедми вопрос ребром: говоря о массовой гибели мирного населения в секторе Газа, он заявил: «Преступления одних не являются оправданием преступлений других». И добавил: «Ничто не может оправдать смерть такого числа детей и женщин». На это Яков Кедми ответил: «Я — могу». И попросил не учить ЦАХАЛ воевать.

Миссия Мессии

Остается лишь удивляться, на что рассчитывал Соловьев, затеявая этот спор с убежденным сионистом, израильским генералом Яковом Кедми? Не говоря уже о том, зачем он регулярно давал ему и Сатановскому вести сионистскую пропаганду перед многомиллионной аудиторией российских телезрителей?

Конечно, и Сатановский, и Кедми учитывали, что они выступали в России, и время от времени высказывали весь-

ма толковые мысли относительно ее настоящего и будущего. Но никогда при этом не упускали из вида интересы Израиля, что они и подтвердили в ходе конфликта Израиля и ХА-МАС. И тот и другой с пеной у рта защищали интересы своей «исторической родины».

Соловьев, который в 90-х годах прошел стажировку в США, относится к своей миссии в России весьма серьезно. «Всё, что я делаю, — говорил он в интервью «Джуиш ньюс» органу Объединенной еврейской общины Украины, — несет на себе отпечаток многих культур, но мироощущение еврея накладывает отпечаток на то, что я делаю. Мироощущение еврея отличается от других тем, что каждый еврейский мальчик видит себя Мошиахом. (В иудаизме слово «Мошиах» означает «Мессия», а иносказательно — «духовный лидер» и «царь». — В.Б.). Это важно. Кем он будет потом — дело десятое. Но все равно ты должен расти с ощущением, что можешь стать Мошиахом» (26.01.2004). Ощущение это, как очевидно, не покидает его никогда. Этот теле-мошиах действительно мнит себя неким «мессией». Не случайно среди его многочисленных публикаций значатся: «Евангелие от Соловьева» (М.: Эксмо, 2011), «Апокалипсис от Владимира» (М.: Эксмо, 2007) и «Продолжение «Евангелия от Хроники Второго пришествия»» (М.: Эксмо, 2008). По его собственному признанию, он сознательно принял иудаизм и еще в юные годы освоил Талмуд, а в зрелые — принялся за изучение каббалы.

Как журналист Соловьев не отличается ни глубиной, ни оригинальностью мышления. В ток-шоу ЦТ ему отведена роль цепного пса. Тем, кому этот кандидат в сионистские мессии прислуживает, он готов руки лизать, а тех, на кого его натравливают, облает, не даст слова сказать, а то и вцепится в горло под аплодисменты проплаченной массовой. В соответствии с этим и строится режиссура его передач. В ток-шоу Соловьева по обе стороны пропагандистского барьера постоянно выступают его соплеменники — как штатные участники, так и приглашенные. Вот что отмечал по этому поводу выдающийся писатель и публицист Александр Проханов:

«Когда я в России включаю российское телевидение и оно показывает социально-политически значимую передачу, то, как правило, к гадалке не ходи: подавляющее большинство гостей в студии с правом голоса окажутся именно евреями. И речь вовсе не только о программах Владимира Соловьева, хотя у него иногда бывает вообще классика: «Поединок»: ведущий — еврей, двое участников тоже евреи (такое там не раз видел). То есть картина маслом. (Добавим:

и арбитр тоже еврей. — **В.Б.**) По центральному телевидению три еврея спорят о судьбах России. В принципе, я не против как бы. Абсолютное большинство даже тех евреев, кого мы считаем либералами и которых показывают по ящику в качестве «говорящих голов», вовсе не являются жидомасонами, реализующими коварный замысел «Протоколов сионских мудрецов». Нет. Это обычные наши граждане, воспринимающие Россию в качестве своей страны. Но в любом случае при таких пропорциях среди приглашенных, мне кажется, очень невелики шансы того, что русское общество с экранов телевизора услышит разговор, который пойдет в действительно национальном ключе. Я с трудом представляю себе, что какой-нибудь Архангельский будет с Райхельгаузом и Сванидзе (оба значатся у Минюста РФ в списке иноагентов. — **В.Б.**) призывать русских изучать собственную национальную философию и читать, например, Тихомирова с Победоносцевым. А ведь именно этого сегодня так не хватает граждански активному русскому обществу. Или, может, я ошибаюсь?»

Нет, не ошибается наш живой классик. Так оно всё и есть. И доминирование «избранного народа» на нашем телевидении — это не результат некоего естественного отбора, а всемирная практика еврейского кумовства, особенно ярко проявившаяся в наши дни при президенте США Байдене, публично объявляющем себя сионистом. Эта тысячелетняя традиция, которая является основой всепроникновения евреев в структуры любого государства, подвергшегося тотальной хазаризации (см. историю Хазарского каганата по Льву Гумилеву), лежит в основе глобальной стратегии международного сионизма, ударного отряда мировой закулисы, рвущейся к мировому господству. В этой стратегии идеологическая обработка населения играет колоссальную роль. И Владимир Соловьев, а также его этнические и идейные коллеги с других каналов свою мессианскую роль видят в том, чтобы обеспечить монополию еврейских экспертов на аналитику тех проблем, с которыми русский народ сталкивается сегодня в России и на мировой арене, и не позволить делать это публично настоящим, а не подставным русским патриотам. Нечто подобное в истории России наблюдалось не раз — от ереси «жидовствующих» до попыток Бунда, а затем троцкистов превратить русскую революцию в «еврейскую». Для международного сионизма подобное паразитирование на русской идентичности, общественной мысли и культуре остается приоритетным по сей день.

Напоминание об этом бэкграунде Соловьева и его передач

поможет читателю понять, сколь трудно далось Соловьеву решение отлучить Сатановского от кассы и от эфира своего ток-шоу.

«Настоящая родина»

Выходка Сатановского не случайно совпала с нападением ХАМАС на израильских поселенцев 7 октября прошлого года. МИД РФ осудил это нападение, но затем не менее решительно осудил и преступления израильской военщины против мирных жителей сектора Газа. Вот это и взорвало Сатановского. Буквально на глазах почтенной публики вчерашний острый на язык профессиональный патриот из шоу Соловьева определился с родиной и превратился в оголтелого сиониста. Сработала двойная лояльность, и израильская составляющая в ней, безусловно, победила российскую — настоящая родина вышла на первый план.

Вскоре после начала конфликта с ХАМАС посол Израиля в России Александр Бен Цви привел еще одно свидетельство двойной лояльности российских евреев, заявив: «Тысячи россиян, имеющих гражданство РФ и Израиля, уже призваны в ряды израильской армии», и отметил особо, что на таких граждан распространяются все действующие в Израиле правила мобилизации. Понятно, что в зоне СВО этих рекрутов ВС РФ не дождутся.

И в случае с мобилизацией российских евреев в ЦАХАЛ, и в эпизоде с Сатановским речь идет о той двойной лояльности, которая характерна для представителей диаспор, в данном контексте — еврейской. И этот факт следует рассматривать, скорее, как частный, чем общий, так как в России, например, евреи в массе своей остаются патриотами нашей страны. В свое время Иосиф Виссарионович Сталин столкнулся с двойной лояльностью в своем кремлевском окружении, когда узнал, что жены Молотова и Ворошилова, обе еврейки, участвовали в массовке московских евреев, встречавших первого посла Израиля в СССР Голду Меир, будущего премьера Израиля. Вот тогда прямо у израильского посольства жена Ворошилова и объявила во всеуслышание: «Вот теперь и у нас есть Родина!» Сталин такую двойную лояльность не потерпел: Молотова и Ворошилова он не тронул, а их жен отправил в ГУЛАГ.

Сионисты утверждают, что каждый еврей — сионист, хотя это далеко от истины, а двойная лояльность якобы является их принципом жизни в галуте (т.е. среди неевреев) и не противоречит принципам т.н. «либеральной гражданственнос-

ти». В частности, израильская спецслужба «Моссад» требует от евреев, в какой бы стране они ни жили, проявления особой формы еврейского патриотизма — быть «сайаним», т.е. добровольными помощниками этой спецслужбы, где бы они ни находились. И это официально признанная в Израиле и в галуте практика двойной лояльности. К сожалению, после начала СВО на Украине в роли таких «сайаним» выступили сотни российских граждан еврейской национальности, среди которых были деятели шоу-бизнеса, театра, кино, науки и журналисты, демонстративно покинувшие Россию «в знак протеста». Не всем им нашли применение за рубежом. Но всё же немало этих беглецов пристроилось у микрофонов враждебных России каналов и радиостанций, таких, как признанные иноагентами «Ходорковский лайв», «Фейгин лайв», «Дождь» и др.

Русофобы у микрофонов

Марк Фейгин — потомок одного из основателей комсомола, еврейского поэта Герасима Фейгина. Однако в отличие от тех евреев, которые возглавляют либеральную оппозицию, он подался в созданный в свое время власовцами, а затем усыновленный ЦРУ Народно-трудовой союз (НТС) и не раз публично выступал в защиту предателя генерала Власова и фашиста Бандеры. Странная трансформация для потомка еврейского поэта-комсомольца, но в чём-то и закономерная, если учесть, что сионисты в своей борьбе за мировое господство никогда не ставят только на одну лошадь.

Фейгин — классический пример человека двойной лояльности. Перед президентскими выборами 2008 года он был доверенным лицом Касьянова как кандидата в президенты России. Затем он прославился на Западе как адвокат группы Pussy Riot, устроившей непотребный «перформанс» в Храме Христа Спасителя в Москве. В ноябре 2018 года, уже обосновавшись в эмиграции, Фейгин представил Атлантическому совету в Вашингтоне «Список Путина». Против граждан России и других государств, которые в нём упомянуты, он предлагал ввести санкции. Этот список и попал в руки тех, кто составляет чёрные списки россиян в перечнях анти-российских санкций.

С апреля 2018 года по март 2020 года Фейгин — член постоянного комитета Форума свободной России (Вильнюс, Рига), объединившего весь набор «беглых» — от либералов до неофашистов, и признанного в РФ враждебной России организацией. В апреле 2018 года он заявил в интервью Ай-

деру Муждабаеву о намерении создать российский аналог украинского сайта «Миротворец» и назвал ориентировочное название проекта — «База». Ведёт собственный канал «Фейгин Live» на YouTube, насчитывающий на март 2023 года более 2 млн. подписчиков. С 2021 по 2023 год проводил на Ютуб-канале стримы с бывшим внештатным советником руководителя офиса президента Украины Алексеем Арестовичем, которые после начала вторжения России на Украину приобрели формат регулярной сводки с фронта. 8 апреля 2022 года Минюст России внес Фейгина с его каналом в реестр СМИ — «иностранных агентов».

Изнанка элитариев

Большая Российская энциклопедия (СПб. 2001. С. 660) констатирует, что слово «лояльность» происходит от английского или французского слова «loyal», что в переводе означает «верный» и употребляется в двух значениях: 1) верность действующим законам, постановлением органов власти (иногда только формальная, внешняя); 2) корректное, благожелательное отношение к кому-либо или чему-либо. И если во втором значении лояльность можно как-то трактовать в пользу нашей либеральной публики, то уж в первом основном смысле вопрос стоит, как у Гамлета, — быть или не быть, а значит, двойная лояльность неизбежна и при двойном гражданстве, и при владении собственностью в другом государстве, и при выступлениях против интересов страны гражданства по рождению в пользу другой страны.

Примеры двойной лояльности встречаются время от времени и в профессиях, связанных с обладанием государственной тайной. Классическим примером такого предателя-перерожденца стал полковник ГРУ Пеньковский. (В 1963 году обвинен в шпионаже в пользу США и Великобритании и в измене Родине, расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.) Увы, на нем список предателей из спецслужб России не закончился.

Люди таких профессий, как правительственные деятели, сотрудники спецслужб, военнослужащие, государственные гражданские служащие, ученые и т.д., по роду деятельности могут сталкиваться с двойной лояльностью: с одной стороны, формально проявляя лояльность к государству, с другой — соблюдая ложно понятые права человека или руководствуясь другими личными мотивами. Примером следствия подобных ситуаций могут быть в нашей стране действия таких диссидентов, как отец советской водородной бомбы Андрей

Сахаров. Сначала в порыве безудержного патриотизма он предлагал запустить ракету с ядерным зарядом в Йеллоустонский вулкан США и таким образом взорвать Америку, а затем под влиянием своей жены-сионистки Е. Боннер стал «отцом» диссидентов и сионистов в СССР. Я лично в этом убедился, когда 10 июля 1978 года увидел Сахарова во главе пикетчиков у здания суда в Москве, где проходил процесс над тогдашним агентом израильской разведки Натаном Щаранским, будущим министром в правительстве Израиля.

В истории России, к великому нашему сожалению, примеры двойной лояльности были зафиксированы не однажды. Случай с сыном Петра Первого царевичем Алексеем — классический. Но куда более трагическим для России и русского народа стала двойная лояльность генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева и его окружения, приведшая к развалу СССР и установлению олигархического капитализма в нашей стране. Достаточно вспомнить о том, как он во время встречи с премьер-министром Англии М. Тэтчер продемонстрировал ей секретные карты Генштаба МО СССР. А последовавшее после этого правление квислинга Вашингтона Бориса Ельцина с его двойной лояльностью, о которой президент США Билл Клинтон отозвался недвусмысленно, назвав Ельцина «тупым орудием» в руках США, едва не привело и к распаду России.

Примеры двойной лояльности в последние годы продемонстрировали и некоторые представители российской управленческой элиты, которая вроде бы должна ориентироваться прежде всего на интересы граждан, на интересы страны. Когда после принятия поправок к Конституции РФ был достаточно жестко поставлен вопрос о том, что у власти не должно быть двойной лояльности, возникла проблема двойного гражданства и наличия имущества за рубежом у «народных избранников» в Федеральном собрании, некоторые из которых предпочли сдать депутатский мандат, но не отказались от своих вилл и яхт за границей. Помню, как один депутат Госдумы защищал свое право на владение виллой в Испании, утверждая, что обладание такой собственностью якобы ни в коем случае не ставит его в зависимость от испанских властей. Но это аргументы для людей наивных и несведущих. Во-первых, за любую собственность в Европе надо платить налоги. А значит, иметь дело с налоговой службой того государства, где такая собственность у вас есть. Во-вторых, надо доказать на какие средства вы это приобрели. И, в-третьих, оплатить за это обретение страховку, а также муниципальные сборы и подати. Так что остаться в этой ситуации белым

и пушистым у г-на депутата никак не получалось, но обнаруживалась элементарно двойная лояльность уже в силу налоговой зависимости от испанских властей (и лояльности по отношению к ним) при наличии у него лояльности и к российским властям как депутата и гражданина РФ.

В противостоянии с врагом

Феномен бегства из России двулояльных интеллигентов-либералов в знак протеста против СВО на Украине подтвердил на 100 процентов, что ненависть к России, к русскому народу у наших внутренних врагов зашкаливает. Одни открыто, как ведущий Ф. Шарафмал, в эфире украинского телеканала призвавший 5 марта 2022 года «убивать российских детей и устроить геноцид русских». Другие, как публицист и поэт-сатирик Дмитрий Быков (признан Минюстом России иноагентом. — Ред.), в своих высказываниях о России и русских предпочитают завуалированные формулировки, суть которых, однако, сводится к тому, что с русскими необходимо поступить кардинально, так как «исправлять нечего», а потому-де надо их уничтожить на корню. «В России не осталось сил, с помощью которых можно было бы реставрировать страну, — витийствовал этот сионистствующий русофоб на очередном эфире в Ютубе. — Реставрировать нельзя. Можно только начать принципиально заново. Это начало будет осуществляться трудно, мучительно, кроваво и долго». Слово «кроваво» в этом пассаже поэта Быкова — ключевое. (Вот по кому плачет национальный СМЕРШ!)

В годы тяжких испытаний для нашей Родины мы не раз сталкивались с тем, что двойная лояльность некоторых наших сограждан, диссидентствовавших вроде бы как втихомолку, оборачивалась прямым предательством. История оттепели, приведшая к идеологическому катаклизму в СССР после антисталинского доклада Хрущева на XX съезде КПСС, и горбачевская перестройка показали наглядно, чем оборачивается «разрушение основ», на которых стоит государство, — разрушением самого государства. Именно в этом направлении работала и работает по сей день пятая колонна, в рядах которой, как мы убеждались не раз, командные посты занимают лица двойной лояльности — сионисты, русофобствующие националисты всех мастей и агенты западных спецслужб.

Двуликие Янусы многие годы абсолютно беспрепятствен-

но действовали в России в первую очередь в сфере массовых коммуникаций и массовой культуры, и именно там их рекрутировали западные и сионистские ловцы душ, что в конечном счете и обернулось их массовым исходом за рубеж после начала СВО на Украине. К сожалению, должных выводов из этой истории российские власти не сделали. По сей день в эфире и на эстраде России действуют всё те же деятели без корней и без рода, от ужимок и заплесневелых острот которых все устали — от них тошнит даже школьников. Не думаю, что это происходит спонтанно. Есть некая управляющая рука этим хаосом бездарностей и пошляков. И цель ее — утопить в этом хаосе подлинно патриотическое искусство и литературу России, не допустить выхода на общероссийскую сцену и в эфир истинно народных дарований, и прежде всего — не пускать русских под сурдинку официального интернационализма.

Борьба с тайной и явной практикой двойной лояльности — задача государственная, тем более в России, которая в наше время вступила в противостояние с коллективным Западом, цель которого — развал и уничтожение России любыми средствами и методами вплоть до самых недопустимых и преступных.

СИОНИСТСКИЕ ВЫЗОВЫ В РОССИЙСКИХ СМИ

Всех взволновало, почему сотрудник российских СМИ напал на должностных лиц Министерства иностранных дел России? Я хотел бы в связи с этим пояснить следующее.

Россия давно сталкивается с отчаянными вызовами сионистов, попытками проникнуть в российские СМИ, проникнуть в ее институты и повлиять на российское общественное мнение в пользу Израиля и его политики геноцида в отношении палестинцев.

Это началось не сегодня и не вчера. Мы давно наблюдаем попытки профессиональных журналистов и экспертов, в основном еврейского происхождения, так или иначе связанных с сионистскими организациями, изобразить еврейское государство в образе кроткого агнца, который сталкивается с экзистенциальным вызовом со стороны «палестинских террористов».

В этом ряду и репортаж Владимира Соловьёва в российской военной форме, когда он объявил об увольнении другого еврея, работавшего в его медиа-команде, Евгения Сатановского, который дерзко напал на заместителя министра иностранных дел Михаила Богданова, официального представителя

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

российского ведомства Марию Захарову и даже покусился на заместителя председателя Совета безопасности России Дмитрия Медведева.

По моему скромному мнению, самого Соловьёва следовало бы уволить (я сомневаюсь в его патриотизме), который просто пытается обмануть российскую общественность, подсыпая «ложку дегтя в бочку мёда». При этом он создаёт впечатление, что палестинское сопротивление «использует террористические методы», «убивает детей и женщин». Его попытки навесить на палестинский народ ярлык «террориста» являются ложью и клеветой. И всё это происходит на официальном российском телеканале!

Соловьёв и его команда стремятся исказить официальную позицию России в поддержку законной борьбы палестинского народа против израильской оккупации, пытаются поставить под сомнение твёрдость позиции России о непризнании ХАМАСА террористической организацией, как того хотят в Тель-Авиве и в Вашингтоне. Получается, что Соловьёв выступает против официальной позиции России. На мой взгляд, поступающего таким образом Соловьёва можно отнести к «пятой колонне» беглых россиян, которые работают против российского государства с либеральных оппозиционных платформ в западных странах, и их агентов внутри России.

А то, что сказал Сатановский, переходит все границы. Особенно, учитывая, что он называет себя «главой Института Ближнего Востока» в Москве, выпускающего кадры, которые, по его словам, работают в российском внешнеполитическом ведомстве, утверждающего, что он «близок к министерству иностранных дел». При этом хорошо известно, что упомянутый институт фиктивен и существует только в съёмной трехкомнатной квартире в Москве, где Сатановский и основал компанию под названием «Институт Ближнего Востока» и ведёт свой бизнес в интересах Израиля, защищает сионистскую политику Израиля.

Среди членов команды Соловьёва есть ещё и Яков Кедми — бывший бригадный генерал израильского Моссада, который служил в израильской армии во время войны 1973 года, а ранее курировал организацию еврейской иммиграции. На его счету знаменитый скандал с контрабандой 150 детей из России через возглавляемую им организацию. И его Соловьёв представляет как «видного политика». Кедми часто негативно высказывался о российских политических и военных лидерах, о российской армии и, в частности, о её тактике и стратегии на Украине.

Странным выглядит и постоянное педалирование Соловьёвым своего иудаизма, когда он с большой гордостью произ-

носит фразу «и я, как еврей» в разных эпизодах своей программы. Особенно в свете напряжённости в отношениях между Россией и Израилем из-за Российской военной операции на Украине. В этом читается послание для определённых кругов в рядах оппозиции, сбежавшей на Запад. Причём мы своими глазами видим сближение и наглый флирт между Украиной и Израилем.

Эта тройца — Соловьёв, Сатановский и Кедми — добилась ощутимых результатов в различных медиа-программах и на веб-сайтах, включая и официальный российский телеканал. Но события в Газе вскрыли их истинные цели. Полагаю, что российское общество не было удивлено всем этим, поскольку ранее Соловьёв отчаянно защищал Израиль с его экстремистской и расистской политикой, помогающий фашистскому режиму в Киеве против России. Его заявление по российскому телевидению о готовности пойти воевать на стороне Израиля, еще больше усилило недоверие российского общества к его медийной деятельности.

Эта медиа-команда работает на российской медиа-сцене более 20 лет, прилагая значительные усилия, чтобы стать платформой для израильско-сионистской пропаганды в Москве.

Всё это дополняется челночными визитами Нетаньяху в Москву, его отчаянными попытками сблизиться с российским руководством, обмануть его и повлиять на его внешнюю политику в пользу мирового сионизма. Российская военная операция на Украине, кровавые события, происходящие сегодня на территории Палестины, выявили настоящую суть этих людей перед лицом глобальной поддержки борьбы палестинского народа. Их отчаянные попытки послужить американским целям и воспрепятствовать переходу к многополярной системе под прикрытием сионизма полностью разоблачены и безнадёжны.

Генеральный секретарь Amnesty International Аниас Каллармар сказал: «Незаконная израильская блокада Газы в течение 16 лет превратила ее в самую большую тюрьму открытого типа в мире. Международное сообщество должно действовать сейчас, чтобы избежать превращения Газы в огромную братскую могилу».

Мне кажется, что отправка американских авианосцев и американского флота к берегам Средиземного моря в поддержку Израиля приведёт только к усилению напряжённости и не будет способствовать защите безопасности Израиля, который за 75 лет успел завоевать ненависть своего арабского окружения.

Больше того, если напряжённость, созданная США, Западом и Израилем, сохранится, это подтолкнет к активности другие силы, чьи интересы связаны с Ближним Востоком.

Они не будут молчать, пока региональная война разрушает их источники энергии и благосостояние их народов.

Любая региональная война может послужить пороховой бочкой с далеко идущими катастрофическими последствиями — в первую очередь, для самого Израиля, а затем и для других арабских государств. Достаточно видеть народное негодование и гнев всего исламского мира, солидарного с Палестиной. Да и еврейские поселенцы, как и весь народ Израиля, привыкли к процветающей и роскошной жизни в «оазисе демократии на Ближнем Востоке», они хотят жить, а не умирать. Поэтому уже в Израиле начали возникать вопросы: зачем самое радикальное в истории страны правительство Нетаньяху выступает против предоставления палестинскому народу права жить в независимом государстве, зачем заставляет израильских детей идти на войну, вынуждает их жить в убежищах, подвергая себя опасности? Я полагаю, что это — одна из главных причин непринятия решения о начале наземной военной операции в Газе. Для Нетаньяху и его правительства это было бы политическим самоубийством. Да и для Соединенных Штатов тоже, особенно после провала украинского контрнаступления с американским и западным оружием. Всё это разрушает их военный механизм и провоцирует против них глобальную враждебность.

Единственное возможное решение для урегулирования палестинской проблемы — совместные международные усилия, в которых арабский мир должен играть ключевую роль при участии России, Европейского Союза, Соединенных Штатов Америки и Организации Объединенных Наций. Нужно вернуться за стол переговоров и опираться на соответствующие резолюции международного права, в первую очередь, на декларацию о создании палестинского государства со столицей в Иерусалиме. Без этого палестинцы и израильяне никогда не смогут прийти к согласию.

Большая часть мира начала понимать, что происходящее сейчас в секторе Газа и на Западном берегу является геноцидом, этнической чисткой против беззащитного палестинского народа и коллективным наказанием народа, единственная смелость которого заключается в том, что он хочет восстановить свои законные права. Мир начал осознавать, что они находятся в процессе новой интифады всего палестинского народа против тех, кто практикует военные преступления и апартеид, против террористов, коими являются лидеры Израиля.

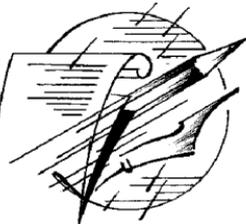
Русская народная линия

ВОПРЕКИ ВСЕМУ — ОПЯТЬ УРГАНТ

Из всех щелей начали прокрадываться в Россию «перепуганные патриоты» с совестью набекрень и стеклянными глазами. К тому же — беспардонно и незвано! Острословы подкорректировали известную поговорку. Встарь на Руси говорили: «Незванный гость — хуже татарина!» Сегодня она звучит более актуально: «Незванный гость — лучше Урганта!» И национальный вопрос здесь не при чём.

Сегодня, когда практически стал известен вполне предсказуемый результат СВО, — кто-то начал «забрасывать удочку» дальними кругами, а у кого-то просто не хватило терпения, потому и кинулся бежать напрапалую. Ваня Ургант решил воспользоваться не только частными свадебными корпоративами, но и поучить нашу студенческую молодёжь уму-разуму, чтобы потом проторить знакомую дорожку к Первому каналу.

Может, кто-то думает, что были какие-то преграды? Ваня-Иван далеко не татарин, и на этот «патриотический позыв» для него был зажжен зелёный свет. И после долгого молчания он вновь появился на нашей публике. Как легко догадаться, не в военкомате и не в московском гуманитарном центре своей

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

новой родины — Израиля, гражданином которого, по информации СМИ, он является, а в аудитории элитного столичного вуза — МГИМО. И помогла ему в этом пресс-секретарь университета с такой истинно русской и звучной фамилией, как Виктория Калашникова. Когда сообщение об этом просочилось в сеть, Виктория, испугавшись, опровергла факт появления шоумена в стенах учебного заведения: «Какой Ургант, о чём вы говорите!» Ах, Вита... Вы кого воспитываете? Будущих дипломатов? То-то же! Они в соцсетях в мельчайших подробностях осветили эту «незабываемую встречу»! Ургант рассказывал собравшимся в аудитории ностальгические байки о первых выпусках своего вечернего шоу и пасхальном эфире, где Познер и Сванидзе «по традиции бились яйцами».

Говорят, повинившуюся голову не секут. Да кто же у нас её будет сечь? На Руси издревле относились снисходительно к душам заблудшим, затерявшимся в сложных жизненных перипетиях. Только вот предательства никогда не прощали... Хотя сегодня как мастерски научились наши разнообразие «пресс-секретари» перекавалифицировать предательство! Вы только вдумайтесь в смысл придуманного Песковым — «перепуганные патриоты»! Уважаемый Дмитрий Сергеевич, патриот не может быть перепуганным, а перепуганному никогда не стать патриотом!

Недавно Госдума приняла протокольное поручение привлечь к ответственности беглых россиян, которые публично дискредитировали Вооруженные силы РФ, а также оказывали финансовую поддержку ВСУ. В постановлении упоминался и Ургант. Но бывшего телешоумена это сильно возмутило. Ургант раскритиковал депутатов Госдумы: «Проблема в одном: дело в том, что я из России никуда не уезжал, поэтому мне сложно говорить о возвращении. Бывает, я уезжаю в туристические поездки. А уезжать — я никуда не уезжал. Но фантазии депутатов Государственной думы, конечно, позволяют им рисовать картины сказочные. Ну, что тут делать — это не первый раз, когда мы сталкиваемся с подобным». Железная логика шоумена впечатляет.

Его покровители идут на различные уловки. То Первый канал включит Урганта в свой фильм о режиссере Андрее Кончаловском, то на ТВЦ появится реклама благотворительной организации «Дом с маяком», озвученная голосом «испуганного патриота». Ургант перебивается «случайными работками». На 29 октября в Дубае было анонсировано его выступление с Владимиром Познером. В анонсе было указано, что они «представляют современную интеллектуальную элиту России». Вот мнение по этому поводу самого Ива-

на: «Многие интересуются, имеем ли мы какое-либо отношение к написанию подобных текстов? Отвечаю — самое непосредственное! Исторически так сложилось, что в нашем дуэте Познер символизирует элиту, а я Россию. По традиции начнём с интервью, это наша любимая часть — ответы на доносы! Приходите!» Ну какие тут еще нужны комментарии?

По отношению к таким «патриотам» наше общество допускает некую великодушность: то в ток-шоу неожиданно появится украинская певица Каролина Куёк, известная в России как Ани Лорак, а кроме этого, известная своими антироссийскими выпадами после начала СВО. То оскандалившийся в таком же плане бывший телеведущий Дмитрий Шепелев неожиданно объявится в детской передаче о зверушках... То есть благодатные времена для них уже возвращаются.

А в связи с Ваней Ургантом в бой неожиданно пошла дальнобойная семейная артиллерия! После почти полуторогодовалого молчания зычный бас явил миру его отец, заслуженный артист России Андрей Львович Ургант. Сейчас с большим трудом можно вспомнить его актёрские роли, но в защиту сыночка он выдал перлы на славу! Лучше бы молчал...

Андрей Львович (какой-никакой, но все же актёр) сравнил своего отпрыска-шоумена... с Шаляпиным, Бунинным и Бродским, в свое время уехавшим из страны... И далее последовала «бессмертная» отцовская цитата по поводу ныне уехавших: *«Сейчас это великие русские поэты и великие русские писатели, великие люди, создававшие русскую культуру. Среди людей, которые обливают грязью моего сына, нет людей, которые что-то придумали, что-то сделали, или что-то хорошо сыграли, или что-то хорошо сработали. А Ваня из таких. Он прославил наше телевидение российское и нёс флаг Первого канала выше всех. Первый канал сделал Ваню, а Ваня сделал Первый канал и стал номер один».*

Но что же потерял абсолютно бездарный и охамевший клоун Ургант-младший, не уехавший, а именно сбежавший из страны, начавшей военные действия? Вплоть до февраля 2022 года он паясничал на экране Первого канала, получая за это по 180 миллионов рублей в год. Эту цифру сам Иван озвучил в интервью рэперу Басте. И не факт, что в названную сумму вошла такая статья доходов, как ведение корпоративов, свадьбы и т.п.

Ну как тут не расстроиться от такой несправедливости не только Урганту-младшему, но и старшему?..

«РЕЗИНА» ДЛЯ МНОГОНАЦИОНАЛОВ

Не буду перечислять все случаи за последние недели преступлений многонационалов-тожероссиян против русских и дальнейшего укрепления антирусского интернационала в нашей стране в связи с непрекращающимися и усиливающимися потоками мигрантов в Россию, поощряемыми порочной внутренней политикой государства. Потому что каждый раз приходится удостоверяться, что процесс мультикультурализма и повышения этнопреступности приобретает всё больший масштаб, а государственная власть России не просто не реагирует на это, а усугубляет риски, которые рано или поздно приведут к крушению государства. Последнее — не фигура речи, а ещё относительно мягкая констатация того, что будет, если не предпринимать срочных и кардинальных мер.

Только один наглядный очередной прецедент. «Азербайджанская мафия» — так называют себя молодые молодчики, живущие на юге Петербурга. Именно эти отморозки, ради потехи и самопиара, поставили на поток избивание прохожих в Санкт-Петербурге. Налетали стаей и всегда на одного-двух человек.

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Вот такая задорная манера осуществления беспредела. А причина — ощущение избранности, превосходства и безнаказанности. И в очередной раз приходится говорить о ничемности мероприятий по обучению мигрантов русскому языку, якобы обучению их азам русской культуры и т.п. Эти молодчики относительно хорошо владеют русским языком, что не мешает им глумиться над русскими.

У участников нападений на прохожих Петербурга прошли обыски, задержали шестерых «удальцов», которые теперь, что привычно в таких случаях, «искренне» раскаиваются... до момента, пока их не отмажут. Потом займутся опять привычным «делом». Главный же обвиняемый, организатор группы, как можно понять, — в бегах.

Хорошо, что занялись этой бандой! Но, может, когда-нибудь власти соизволят заняться причинами, а не борьбой с последствиями в режиме жареного петуха? Например, смогут, наконец, задуматься о среднеазиатских и азербайджанских миграционных потоках, порядке регистрации и выдворения из страны нарушителей пребывания здесь, откровенных и потенциальных преступников из состава «тожероссиян».

Азербайджанцам вменяют, конечно, лишь статью «Хулиганство». Разумеется, это очередная «бытовуха»! Максимум, как пишут, преступникам «светит» лет 5. Для одного-двух из главных, для остальных, поди, условный срок. Мы знаем, как «отмазывают» диаспоры своих соплеменников, знаем, как в судебных органах падки на «смягчающие» обстоятельства для многонационалов. Думается, что и в очередной раз всё закончится «пшиком».

Зато если какой-либо русский набьёт морду тому же азербайджанцу, оскорбившему его девушку, то тут же и сразу поймает статью за разжигание национальной розни, а по совокупности статей будет ему обеспечен максимальный срок наказания лет этак на десять.

В Калужской области прекрасно знают о проблемах т.н. «резиновых квартир». Ярко выраженная «правозащитница» в понимании «прав человека», организатор и активнейший участник всех либеральных тусовок в Калужской области со времён перестройки, некая Татьяна Котляр на протяжении десятилетий содержит в Обнинске «резиновую квартиру», в которой перманентно регистрируются тысячи мигрантов. Не по таким ли схемам сегодня лихорадит город Обнинск (а через этот город и Москву, и всю Калужскую область, да и всю Россию) от наплыва мигрантов? А сколько такой «резины» по всей стране? И никто ничего не может поделать ни с Котляр, ни с её и подобными «квартирами». Абсурд, но это так.

Калужская область, сталкиваясь с такими проблемами, направила в Государственную Думу в июле этого года инициативу о норме «метража» жилого помещения для регистрации иностранных граждан (мигрантов). Разумная и адекватная мера предлагалась депутатами Законодательного Собрания по борьбе с незаконной миграцией. Законопроект, если бы его одобрили в ГД, внёс бы поправки в федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ», а именно — иностранных граждан тогда бы стали регистрировать, как и должно следовать из соображений здравого смысла, только в соответствии с учетной нормой жилплощади на одного человека. Эта норма, насколько можно понять, составляет 18 квадратных метров каждому, если в квартире проживает 3 и более человек.

И что? Инициатива в Государственной Думе отклонена.

«Коммерсантъ» отмечает: «Правовое управление Госдумы вынесло отрицательное заключение на инициативу Заксобрания Калужской области о норме «метража» жилого помещения при регистрации иностранцев. Авторы законопроекта утверждали, что эта норма поможет бороться с «резиновыми квартирами», когда в одном помещении регистрируют неограниченное количество мигрантов. В правовом управлении указали, что предложение противоречит Жилищному кодексу и что аналогичный законопроект ранее был отклонен депутатами. Однако член президентского Совета по правам человека (СПЧ) Кирилл Кабанов уверен, что против инициативы выступает «миграционное лобби», и обещает доработать ее».

Телеграм-канал «Многонационал» пишет: «Один этот закон помог бы стать эффективным инструментом борьбы с фиктивными регистрациями... Все прекрасно понимают, что львиная доля мигрантов регистрируется именно так. Кроме того, «резиновые квартиры» являются источником дохода их хозяев... Руководитель правового управления Госдумы Роман Колачев сообщил нам, что учетная норма площади жилого помещения используется для принятия граждан на учёт в качестве нуждающихся в жилых помещениях. Тогда как регистрация иностранца по месту жительства используется для фиксации сведений о его месте жительства. Как вам такая логика? Очевидно, что мигранты фактически не живут в резиновых квартирах, потому что это физически невозможно, и их используют именно для фиктивной регистрации... Напомним, что ранее «специалист» Колачев дал негативный отзыв на поправки в закон «О гражданстве РФ», которые позволяли бы русским по национальности получать гражданство в упрощённом порядке».

Депутат ГД, глава думского комитета по делам СНГ Леонид Калашников вторит руководителю правового отдела Колачеву: «Этот законопроект (Законодательного Собрания Калужской области) нарушает нормы, которые установлены в Жилищном кодексе и Конституции. Собственник жилья имеет право прописывать своих ближайших родственников». Такой большой депутат, а повёлся на либералистическое заключение правового управления. Даже если это так, то, будучи депутатом ГД и председателем одного из ключевых комитетов, почему Калашников не предложит внесение изменений в Жилищный кодекс? А уж чтобы разглядеть противоречие Конституции в инициативе Законодательного Собрания Калужской области, нужно обладать совсем уж извращённым либералистическим сознанием.

Пусть бы лучше правовое управление ГД объяснило, как на жилой площади, скажем, в 50 квадратных метров может проживать пятьсот-шестьсот человек, если верить регистрационным документам? Не этим ли уместнее заниматься правовым управлением, а не отбивать актуальные инициативы в условиях бездействия «специалистов по правовым вопросам»?

Сколько таких клерков, как этот Роман Колачев (именно — «клерков», которых даже чиновниками назвать сложно, потому что чиновник априори по вопросам, входящим в его компетенцию, должен отстаивать государственные интересы), находятся в аппарате Государственной Думы, Совета Федерации, правительства и администрации президента, да и в судебных и правоохранительных структурах! Как-то и кто-то же именно таких «чиновников» назначает на все направления политики государства. Именно они, лишённые внутреннего стержня и осмысления национальных интересов государства, считаются какими-то «экспертами» и «специалистами» в той или иной сфере, готовят депутатам и руководителям подразделений всякого рода заключения, проекты решений, дают свои «квалифицированные» пояснения, извращающие суть проблем. А депутаты и руководители государственных органов, также подверженные «колебаниям умов, ни в чем не твердых», при принятии решений руководствуются подобными антигосударственными суждениями и заключениями. Замкнутый круг, который возможно разорвать только контрреформой государственной службы. Но пока наблюдается обратный процесс сугубого и тотального насаждения именно таких клерков на все этажи и уровни государственной и муниципальной службы.

КОМУ НЕ НУЖНА НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ?

Глава Следственного комитета Александр Иванович Бастрыкин заявил о необходимости создания государственной идеологии России и предложил закрепить её в Конституции.

«Не может быть общество без идеологии, это элементарные понятия государства и права. Сейчас проходит специальная военная операция и одна из целей СВО — денацификация Украины, то есть уничтожение идеологии фашизма. Одна из задач СВО сегодня решается, поэтому я предлагаю серьезно подумать над этим. С учетом нашего исторического общества, с учетом современных реалий, в которых мы живем, думая о перспективах развития нашего общества».

Важное и своевременное предложение. Вместе с тем председатель СК предлагает внести в Конституцию положение о национальном праве, которое должно стать приоритетным в правовой системе России. И тем самым отменить верховенство международного права. Не секрет, что так называемое международное право используется странами глобального Запада для навязывания своих интересов по всему миру и «разрешает» вмешиваться во внутренние дела других государств.

Однако вызывает удивление комментарий кремлевского пресс-секретаря Д.С. Пескова на предложение о создании государственной идеологии: «Какой-то позиции нет. Это заявление, мнение, безусловно, мнение очень авторитетного человека. Но какой-то специальной позиции нет. Вы знаете, что у президента не было никаких заявлений, никаких решений на этот счет».

Во-первых, президент неоднократно ясно высказался о необходимости государственной идеологии. Во время пресс-конференции в 2020 году В.В. Путин на вопрос о внесении государственной идеологии в Конституцию ответил: «Идеология в современном демократическом обществе возможна только одна — патриотизм. В самом широком, хорошем смысле этого

слова. Она должна быть деполитизирована, но направлена на укрепление внутренних основ Российского государства».

Во-вторых, представители государственной власти не только высказывались, но и предприняли необходимые действия. Принципы государственной идеологии уже внесены в Концепцию внешней политики России. Напомню также, что в Министерстве юстиции заявили о необходимости государственной идеологии. Глава министерства Константин Анатольевич Чуйченко заявил, что содержащаяся в Конституции норма о запрете государственной идеологии была навязана российскому обществу извне.

Так чьё же мнение высказал Песков? Очевидно, что предложения от Следственного комитета и Министерства юстиции сами собой не рождаются. По всей вероятности, мы стали свидетелями противостояния государственников и либералов-западников на самом верху российской власти.

Для настоящих граждан России сомнений быть не может: государственная идеология выражает идею государства Российского. Она является скрепляющей силой, гарантией процветания всего общества и благополучия каждого человека.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2023 год
(Октябрь — ноябрь)

Сатанинская хунта Зеленского и т.н. Верховная Рада приняли закон о запрете Украинской Православной Церкви. Одновременно в эту Раду внесен закон о легализации однополых браков. И в это же время на пресс-конференции в Пекине В.В. Путин вновь повторил: Россия готова к переговорам с Украиной. Но ни слова не произнес о жизненной необходимости освобождения русского города Киева от власти сатанистов и озверевших нацистов.

Желание переговоров с сатанистами и нацистами — это в духе прежнего либерального курса российской власти. Не пора ли уже прекратить долдонить о каких-то гипотетических «переговорах» с озлобленной фашистской мразью, которая мечтает каждому русскому перерезать горло собственными руками?

Давно ли мы переговаривались в Бресте и в Стамбуле?.. Даже успели что-то «парафировать», пока нас опять не кинули... Неужели в Кремле очень хочется это повторить?..

«Переговоры» с сатанинским зверем могут быть только в следственных подвалах на Лубянке — без журналистов и телекамер.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Армагеддоныч Сатановский, говоря по-простому, раздухарился. Сначала на М.Захарову наехал, обвинив ее «в пьянстве», потом на Д.Медведева, назвав его «слабой тенью Путина». И всё потому, что они Израиль обвинили в бесчеловечности. Надо же, как взыграла в нём сионистская кровь!.. Всегда желанный «эксперт» в соловьевских «вечерах», корчащийся из себя всезнающего гуру, он сбросил одну из своих вроде бы приличных масок и предстал в виде озлобленного, распоясавшегося еврея-экстремиста, в котором, как видно, проснулась кровь его осатанелых предков. Фамилия Сатановский на ровном месте не зарождается. Да и сетевая клика Армагеддоныч тоже появилась не случайно. То он Кремль призывал первым применить ядерное оружие, то теперь к этому же призывает Израиль. Провокаторскую сущность сионистского нутра, как видим, не пропешь...

И другой соловьевский сионист Яков Кедми тоже туда же. С пеной на губах отвергает любые обвинения Израйля в геноциде палестинцев. Кровь есть кровь.

В Сети появилось сообщение, будто Соловьев отстранил Сатановского от эфира за хамские высказывания. Свежо предание... Ворон ворону глаз не выклюет. Не пройдет и месяца, как Армагеддоныч опять появится у своего соплеменника со своей высокомерной демагогией о том, кто прав и кто не прав.

К 25 октября фашистский Израиль в Секторе Газа убил 2400 палестинских детей. 3000 детей были ранены. Всего от ковровых бомбардировок, снарядов и ракет с касетной начинкой погибло к этому дню более 6000 палестинцев. Отчего бы европейским спортивным дельцам не отстранить Израиль от всех международных спортивных соревнований?.. Конечно, этого никогда не будет, но абсолютно всем честным людям ясно, что **Израиль является творцом палестинского холокоста**. Подлая, наглая и трусливая Европа молчит.

Генсек ООН Гутерриш только лишь попытался что-то промямлить о несоразмерности израильской военной реакции на провокацию ХАМАСа и о многолетней оккупации Палестины, как тут же израильский представитель в ООН закатил скандальную истерику, потребовал отставки Гутерриша и объявил об отмене израильских виз для всех ооновских чиновников. И никто там этого истеричного расиста не приструнил, никто не поставил его на место. А Гутерришу даже пришлось публично оправдываться. Но с другой стороны — это ли не

пример нашим беззубым ооновским дипломатам, из года в год что-то там бубнящим о девятилетних ракетно-«градовых» ударах по Донбассу, а теперь и по территории России!

Не сомневаюсь в том, что нынешняя война на Ближнем Востоке была спланирована в США. И т.н. «вторжение» ХАМАСа в Израиль тоже было спланировано за океаном — вместе с верхушкой Израиля. Потому и отошли перед седьмым октября израильские пограничные батальоны от границы с Сектором Газа, открыв путь для этого т.н. «вторжения». (Прежде там муха не могла пролететь незамеченной.) И вторглись, в чём я тоже не сомневаюсь, вскормленные и подготовленные американцами террористы-игиловцы. Возможно, что и совместно с боевым крылом ХАМАСа, так же вскормленным штатовскими и сионистскими спецслужбами. И после их погромов со свойственным Игилу (запрещён в РФ) террористическим почерком началось поголовное уничтожение Сектора Газа с одновременной его блокадой. И аж две морские авианосные группы США тут же вошли в Средиземное море. Естественно, ради пропагандистского эффекта израильские потери были крайне раздуты, а Нетаньяху изо дня в день орал об отрубленных головах еврейских детей, хотя ни одного подобного видеофакта не было предъявлено. А заложники как раз и были захвачены игиловцами ради оправдания израильского варварства по уничтожению мирного населения Сектора Газа.

Как можно понять, целей у этого плана было несколько. Первая: ликвидация Сектора Газа и захват его Израилем. Вторая: хоть какая-то победа США перед скорыми президентскими выборами, на которых должен, по плану, победить Байден. В Вашингтоне уже сообразили, что победа на Украине им не светит. И третья цель: втянуть в войну Иран и Сирию и нанести по ним сокрушительный обезоруживающий удар. В этом случае победа на выборах Байдена будет обеспечена.

Но уже сейчас ясно, что осуществить этот план Америке не удастся. И она, и ее фашистский партнёр в этой войне проиграют. А геноцид в Секторе Газа ляжет еще одним позорным пятном на искусственно созданное расистское преступное псевдогосударство. Это понял даже Эрдоган, жестко выступив против Израиля. В ближайшее время даже он, не сомневаюсь, произнесет это слово: «геноцид».

К 27 октября погибших палестинских детей уже насчитывалось 2700, а убитых палестинцев более 7000.

Чем отличается Израиль от террористического Игила? Только тем, что он, Израиль, еще жесточе и бесчеловечнее.

Вспомним, как неоднократно В.В. Путин в своих выступлениях рассказывал нам о том, как весной 2022 года в Стамбуле был уже парафирован договор с Украиной об «урегулировании конфликта» — договор, от которого украинские представители переговоров внезапно отказались... Но нам, населению России, так и не поведали о сути этого договора. Что же там было «уже парафировано», как постоянно повторяет наш президент? До сих пор от нас это скрывали.

И вот наконец проболтался вездесущий экранный «политолог» С.Б. Станкевич. 27 октября в вечернем эфире на НТВ в телешоу Романа Бабаяна «Право голоса» он приоткрыл эту завесу, ссылаясь на недавнюю статью в германской прессе бывшего «большого друга России» Герхарда Шрёдера. Оказывается, согласно этому «уже парафированному» договору, ДНР и ЛНР в качестве «широкой автономии» должны были отойти к Украине в обмен на невступление ее в НАТО и демилитаризацию. То есть уже после начала СВО в Кремле были готовы вернуть Донбасс в «нэзалэжную» (!). Могу себе представить, какой ужас этот «парафированный» договор в случае его обнародования вызвал бы у жителей Донбасса да и всей России, а в первую очередь — у матерей солдат, уже к тому времени погибших за «денацификацию» и «демилитаризацию» Украины!

Как ни удивительно, от этого ужаса и этого позорища нас в прямом смысле спасла Америка, запретившая Украине заключать с нами какие-либо договоры (хотя я больше уверен — Бог руками Америки). И Кремль, судя по выступлениям В.В. Путина, сильно об этом сожалеет. И все эти «мединские», ведущие переговоры с кудрявыми представителями «нэзалэжной» во главе с сатанистом и русофобом Арахамией, — тоже сожалеют. Ну как тут не вспомнить эфирные мемы тех дней: «Всё идет по плану» и «Мы еще не начинали»?..

И недели не прошло, как Армагеддоныч вновь появился на сетевом канале «Соловьев Live» после того, как Рудольфович «отстранил» его от эфира за хамские высказывания о российских политических функционерах. Правда, теперь — не в качестве «эксперта», а в качестве «гостя»... Такая маленькая хитрость.

Неделю назад я писал: «Не пройдет и месяца...» Но даже мой пессимистический прогноз «кремлевский пропагандист» переплюнул. И вправду, ворон ворону глаз не выклюет. Тогда Сатановский уверенно вещал: «Извиняться не в моих пра-

вилах». Но через неделю, как ни в чём не бывало, — извинился... Для них главное — заполнять собой русский эфир. Сегодня скажут одно, завтра — прямо противоположное. Главное, чтобы их физиономии не сходили с экрана. Ну подумаешь, схамил... С кем не бывает? Подумаешь, сегодня хозяин своего «Live» кого-то отстранил от эфира, завтра — вернул... Дело обычное. Мол, как хочу, так и верчу. Им ведь всё прощается. Они ведь у нас незаменимые и неприкасаемые...

К 31 октября от израильских бомб погибло 4000 палестинских детей. Весь западный мир смотрит и ничего не делает, чтобы это остановить. А Израилю вообще плевать на весь остальной мир. США устами высокопоставленных чиновников каждый день оправдывают палестинский геноцид. Израильские представители в ООН нацепили на лацканы пиджаков желтые звёзды Давида. А наш представитель В. Небензя чуть ли не со слезами на глазах уговаривает сионозвёздных убийц: «Ну пожалуйста, ну перестаньте...» Сама же ООН потеряла всякий смысл и всякое значение.

Нетаньяху сообщил о плане переселения жителей Сектора Газа в Египет. То есть подтвердил существование того плана, о котором я сказал выше. Египет против. Но кто его будет спрашивать? Проамериканская верхушка Египта сделает всё, что ей прикажет «гегемон демократии». А Израиль объявит ультиматум: или Египет открывает границу с Сектором Газа, или Сектор Газа будет уничтожен, стёрт с земли вместе с людьми.

Мы по инерции называем это фашизмом. Но это не фашизм. Это исполнение указаний Ветхого Завета, в частности, Второзакония, указаний еврейского бога Иеговы. Их даже цитировать жутко. Любой интересующийся может взять Ветхий Завет и прочитать. Не говоря уже о Талмуде. Не зря ведь религиозные израильтяне называют себя «людьми Завета».

XXI век. Концлагерь или лагерь смерти «Сектор Газа».

Вот оценка происходящего в Палестине президента российско-сирийского Благотворительного фонда «РУССАР» Олега Фомина, прозвучавшая на круглом столе «Газа в огне» в конце октября:

«Хотел бы начать с того, что, к сожалению, даже у нас многие журналисты, обозреватели и некоторые общественные деятели продолжают говорить о «террористическом акте» ХАМАС 7 октября. Опротестовывая это суждение, хотел бы

подчеркнуть, что в резолюции Генеральной ассамблеи ООН по вопросу событий в Газе никакого осуждения ХАМАС не было. Когда представитель Канады предложил включить пункт о террористическом акте и осуждении ХАМАС, оно не было поддержано при голосовании, и такое решение было встречено аплодисментами. Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров ни разу не использовал формулировку о террористическом акте ХАМАС против Израиля в своих заявлениях. В заявлении МИД РФ такой оценки также нет. Зверства израильской армии в Газе вызваны не жаждой мести за преступления, якобы совершенные палестинцами, которые «вторглись» на земли государства-оккупанта, а за позорное развенчание мифа о непобедимости ЦАХАЛа и о сверхспособностях Моссада. Уже в самом Израиле начали появляться сообщения, что в значительной мере преувеличенные жертвы 7 октября из числа гражданских стали в том числе результатом интенсивных обстрелов с израильского вертолета «Апач», пилот которого признал, что было трудно отличить своих от чужих, поэтому разбегавшихся участников музыкального фестиваля приняли за боевиков. Гибель от своих же в результате перекрестного огня тоже имела место.

Я общаюсь со многими палестинцами в Москве и на Ближнем Востоке, и все они категорически против попытки некоторых СМИ навязать нам формулировку о том, что 7 октября произошла «террористическая атака боевиков ХАМАС против Израиля». По определению палестинцев — это битва сил Палестинского Сопrotивления против израильских оккупантов, превративших Газу в самую большую тюрьму под открытым небом».

* * *

Израиль каждый день целенаправленно наносит удары по больницам и лагерям беженцев Сектора Газа.

Сионизм — это в чистом виде сатанизм двадцать первого века.

В новостных программах «Маяка» сплошняком идет израильская пропаганда.

А на Первом канале ТВ и «Россия-1» в вечерних новостях непременно вещает из Израиля сионистский пропагандист, когда-то российский тележурналист Сергей Пашков. Свои репортажи о террористических «успехах» ЦАХАЛа (израильской армии) он неизменно, как заговорённый, начинает с рассказа о жестокостях Хамаса 7 октября на территории израильских поселенцев. И только после этого, как бы в оправдание бесчеловечности цахаловцев, переходит к описа-

нию боевых «достижений» фашиствующих вояк с могоендовидом на касках. И это каждый день впаривают нам главные телеканалы. Как тридцать с лишним лет подряд пятая колонна правила информационными российскими СМИ, так и продолжает править.

Сколько погибло палестинцев к середине ноября — уже никто не мог сказать определенно, т.к. невозможно было посчитать людей, оставшихся без помощи под завалами рухнувших домов, больниц, школ, госпиталей и т.д. Завалы эти невозможно было разобрать, т.к. не работала техника по причине отсутствия топлива. В Секторе Газа не работало электричество, водоснабжение, отсутствовали канализация, магазины, аптеки, общественный транспорт, мобильная связь и многое другое, необходимое для жизни людей. При этом их, людей, из Сектора Газа не выпускали. Разлагающиеся трупы лежали на улицах, и их никто не мог захоронить. А израильские танки их давили, наматывая на гусеницы. Похожего на этот апокалипсический ад не было даже во Вторую мировую войну.

Эти слова мне подсказал г-н Швыдкой, когда он еще был министром культуры РФ (в таком же духе называлась тогда одна из его телевизионных передач): «Еврейский фашизм страшнее немецкого».

Высшая российская власть, словно опустив глаза, публично не реагирует ни на израильский беспредел в Секторе Газа, ни на ракетные удары по Сирии. Молча эвакуирует граждан России из Палестины, не выражая никаких протестов и возмущений израильскому руководству.

* * *

Украина спешно ликвидирует памятники Пушкину. Конечно, Пушкин — это символ России и русского духа. И памятники ему бесят отороженных «самостийников». Или, говоря словами Д. Медведева, всю эту «хохломуразь». И потому у этой «страны» не может быть никакого будущего. Лишившись Пушкина, Украина собственными руками обрекла себя на гибель. Заплатив за это полумиллионном жизней своих мужиков. 500 тысяч убитых украинских солдат — это та самая на сегодняшний день цена, которая потребовалась в том числе и за уничтожение на Украине образа Пушкина.

Дореволюционный бронзовый бюст божественного русского гения еще стоит в Одессе на Приморском бульваре, т.к. входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Памятник был сооружен в 1889 году на деньги одесситов. И власть

«хохломуразей» пока еще не решается его ликвидировать. Но сами «хохломурази» уже залили его красной краской. Видимо, такой вот от них подарочек к 225-летию поэта.

Пушкин находился в Одессе по распоряжению Коллегии иностранных дел в течение 13 месяцев 1823-го и 1824-го годов. Это была не ссылка, как нам внушали в школе, это была командировка, за которую он получал приличное жалование. Поэт влюбился там в нескольких местных красавиц, в том числе в супругу генерал-губернатора Одессы Елизавету Воронцову. Существует легенда, что она затем родила от Пушкина дочь. Сам Пушкин эту легенду отвергал. Но при расставании Елизавета Ксаверьевна подарила ему легендарный перстень, которому он посвятил стихотворение «Храни меня, мой талисман...»

Но можно не сомневаться, снесут, снесут мрази бронзового Пушкина. И тем самым поставят на себе окончательный крест. Впрочем, нет, не крест, а осиновый кол; креста они не достойны, тем более что жидохолы уже запретили на Украине православие ради унии с католиками. А полмиллиона убитых украинцев — это жертва тому, кому они поклоняются.

И как раз о них пророчески сказал Александр Сергеевич:

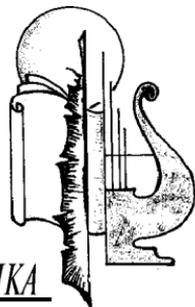
*К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремящими да бичи.*

Конечно же, памятники Пушкину мы восстановим — и в Одессе, и в других русских городах бывшей Украины. Сколько еще при этом придется ликвидировать бандеровской «хохломурази» — одному Богу известно. Эта очистительная волна должна была пройти по нашей имперской территории, предательски отданной «хохломуразям» псевдосоветскими карьеристами-хамелеонами (от Хрущёва до Ельцина). И эта волна идет. И она пройдет до конца, несмотря ни на какую кремлевскую тягу к «переговорам» с русоненавистническим стадом. Несмотря ни на что — пройдет до конца. Со скрипом, с песковской «пургой», с остановками, с причитаниями «нас опять обманули», но волна эта очистит русскую землю бывшей Украины от всех пожелавших вновь «сбросить Пушкина с корабля современности». Эти антипушкинские стремления всегда плохо заканчивались для русофобов. Потому что так предопределено Свыше.

ЭНЕРГИЯ СЛОВА В СКАЗОВОЙ ПРОЗЕ НИКОЛАЯ ШАДРУНОВА

Великая духовная энергия содержится в слове, которое нагружено широким и разнообразным объёмом, имеет свою ассоциативную ауру. После того, как уходит из жизни писатель, его слово продолжает жить среди нас и действует на наше сердце, вызывая какую-то определённую энергию мыслей и чувств... Современные учёные считают, что в слове заключена волновая генетическая программа, влияющая не только на нашу жизнь, но и на жизнь наших потомков.

Русский писатель Николай Шадрунов, проза которого создавалась в 70—90-е годы двадцатого века, принадлежит к числу тех, кто нёс в себе особую силу слова, вбирающую энергию народного духа. Николай Вениаминович Шадрунов (1933—2007), автор повестей и рассказов, изданных в Санкт-Петербурге в 2019 году с общим названием книги — «Рамбовиана», в ноябре 2023 года отметил бы свой 90-летний юбилей, но, к сожалению, его творческий путь оборвался более тридцати лет назад. Выход книги «Рамбовиана» стал важным и долгожданным событием в жизни Санкт-Петербурга и прежде всего — пригорода Ле-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

нинграда — Ломоносова (Ораниенбаума), который назван у писателя городом Рамбовым. Именно в нём и случились истории, обозначенные автором «тёмными, необъяснимыми». Да и вообще, по мысли писателя, «такой город до добра не доведёт».

Николай Коняев, который познакомился с Николаем Шадруновым в 1970 году на занятии литературного кружка при газете «Балтийский луч», был высокого мнения о его прозе. В статье о Шадрунове «Красная ворона Николая Шадрунова» Коняев пишет: «Рассказы Шадрунова, продолжающие добрые традиции сказовой прозы, написаны тем крепким и удивительным в своей красоте языком, который в современной прозе встречается довольно редко и по этой причине воспринимается зачастую как не вполне литературный. Рассказы Шадрунова, особенно его «Рамбовиана», очень смешны, хотя речь в них и идёт о невесёлых вещах».

Николая Шадрунова при жизни публиковали очень мало, за исключением подборок некоторых рассказов в журнале «Нева» и в сборнике «Молодой Ленинград». Однако Ленинградская писательская организация приняла в Союз писателей этого прозаика по одной рукописи. Это был уникальный случай в истории Союза писателей, и определялось это, конечно, уникальностью творчества автора.

Своеобразие прозы Николая Шадрунова объясняется тем, что он обратился в своих рассказах и повестях к тем жанровым формам, которые сложились в литературе далёкого прошлого, но при этом наполнил их новым содержанием. Богат, наполнен внутренними токами душевной энергии прозаика прежде всего язык его произведений, насыщенный яркими, меткими выражениями, взятыми из глубин народной жизни. «Рамбовина», которая сформирована в книгу уже после смерти писателя редактором-составителем, вдовой Николая Шадрунова, Татьяной Дмитриевной Барановой, композиционно построена в виде цикла рассказов под названиями: «Пузыри земли», «Рамбовские будни», «Рассказы про Петрика», «Молочная линия», «Гауптвахта», «Записки на работе».

Книга раскрывает уникальное художественное видение писателя-реалиста, который, пристально всматриваясь в человека, в его земные дела, за будничными житейскими мелочами поднимает общечеловеческие философские пласты. Судьбы героев «Рамбовианы» зачастую комичны, но в перспективе жизненного развития — драматичны, а иногда — трагичны. Тонкий психологизм автора чувствуется за каждой строкой писателя, и мы осознаём, что главное для него —

показать не уровень жизни людей, а круг их интересов, совокупность социальных и нравственных проблем, в которые они вовлечены. Особенно важно для писателя осмысление того, как влияет на человека общественная система.

Создаётся это повествование тонкими художественными приёмами, вызывающими особые, неповторимые ассоциации при помощи феномена неожиданности, особой сочетаемости слов и выражений, взятых из родников народной речи. Взаимодействие этих слов рождает необычные смыслы и создаёт особый подтекст. А сказовая форма произведений усиливает энергию слова и делает язык произведений самобытным, неповторимым...

В сказовой прозе особенно велика роль рассказчика, речь которого всегда красочна, лишена рассудочной морализации, наполнена житейской правдой. В ней нет грязи, очернительства, а есть отблеск старорусской святости, которая ложится на героев произведений, иногда довольно странных: полуспившихся, потерявших интерес к жизни, равнодушных к природе, без всякой святости в душе.

Владимир Личутин как-то написал: «Кажется нынче странным, но свеча поморской поэзии помещалась обычно в слабые и одинокие руки: Кривополенова, Крюкова, Шергин, Чапыгин, Клюев, Рубцов, Писахов... На их судьбах запечатлелся свет схимы, святого служения душе. Жизнь их обычно тягостная и неприметная... но это иноки, чаще всего даже внешне отмеченные особой печатью». Мне кажется, что среди фамилий, упомянутых Личутиным, могло бы занять достойное место и имя Николая Шадрунова. Он тоже бесконечно «хранил и любил слово и украшал им свою жизнь, как скатным жемчугом» (так писала в 1915 году исполнительница северных русских сказов, собирательница фольклора Ольга Эрастовна Озаровская, которая следила за творческим ростом Шергина и как чтеца и как начинающего писателя).

Сюжеты рассказов Шадрунова связаны с эпохой развитого социализма, когда по-прежнему велась широкая пропаганда против Церкви, были реквизированы дома, принадлежащие храмам, а на базе их устраивались помещения для хозяйственных нужд города или района. Так, например, в Рамбове собор Михаила Архангела превратили в пожарное депо.

Происходят в это время трагические изменения и в сознании человека, в коллективной психологии среды, когда, как описано в «Рамбовиане», легко и просто подлинное имя человека заменяется на придуманные прозвища (Петрик, Сега, Афоня, Стиля, Гена-пулемётчик, Лепетуха, Ядовитый, Граф

Очумелов, Ричард Третий, Пончик и так далее) в соответствии с чертами характера, внешностью, речевыми особенностями, поведением в общественных местах.

В «Рамбовиане» преобладают речевые формулы, отточенные афоризмы, отражающие этно-культурное сознание пространства Рамбова и особое внутреннее настроение, «устроенные» людей, поэтому неудивительно, что рядом с лексикой духовного плана («знамение», «некий смысл упреждающий», «мужик вещей», «неприкаянный люд», «самобичевание») возникает в «рамбовских историях» мощный пласт просторечий («дебильная история», «лысына задраена», «чокнутый слетка», «пришибленный»).

Особенно своеобразны речевые пласты, употребляемые в тех общественных местах, где собираются завсегда и питейных заведений. Например, построили в Рамбове кафе, назвали «Улыбкой», но в народе его окрестили «Обезьянником», и название это так и прижилось в сознании жителей Рамбова. Автор пишет, что он «и сам любил посещать кафе в выходные дни, поглазеть, как отдыхает честной народ, поучиться родному языку, а то и поправить болевшую голову». Но были здесь и те, которые приходили сюда ежедневно, очень рано после «жуткого перепоя, после хмельного обморока». Автор рисует в главе «Обезьянник» очень яркие типы из народной среды. Среди них ежедневно появляются, например, Гена-пулемётчик (автор называет его «законнейшим представителем Рамбова», «продуктом среды»), который, напившись, любит стрелять из воображаемого пулемёта, а речь его к концу дня превращается в бесконечное «ры-ры-ры». Галерею эту продолжает аферист Витя, врождённый шулер из Одессы, попавший в Рамбов из колонии малолетних преступников, который носил одним из первых в Рамбове красный шарф и коротенькое бежевое пальто, поэтому был назван Стиля. Или Федя Болт, крайне неуравновешенный, очень обидчивый субъект, названный «страшно опасным», даже по его бранной речи.

Писатель рисует в «Рамбовиане» целую галерею людей спившихся, деградировавших из-за постоянного пьянства. «Обезьянник» становится отчасти заповедным местом и для автора, который в подтексте с болью размышляет о судьбе русских людей, потерявших главное в своей жизни — духовную основу существования, переставших чувствовать кровное родство с родной землей, оторвавшись от неё. После прочтения главы «Обезьянник» невольно вспоминаешь рассказ Василия Белова «Кровная связь». Героиня рассказа, доярка-Ангелина Смирнова в слезах говорит: «Пьяницы, всё на свете

пропили. Господи, куда уж дальше-то? Как жить-то?.. Мужа трактором пьяного задавили те же пьяницы. А кто сына-то пропил? За что Валерик-то кровь проливал да и в землю зарыл?..»

Николай Шадрунов тоже с грустной иронией повествует о тех, кто перестал чувствовать «одноприродность» человека, зверей, трав, воды из-за алкогольных пристрастий, огрубел, потеряв моральные и интеллектуальные высоты и тем самым отделил себя от «тварного царства», перестал чувствовать жизнь, проникнутую едва уловимым ощущением причастности к ритму Вселенной, где каждый миг бытия благословен. Перестал ощущать прикосновение к нетленному, безбрежному миру. К этому миру принадлежит и домик над заливом, разрушенный в конце концов бульдозером, и молодой лось, который случайно забрёл в Верхний парк и наткнулся на компанию пьяных мужиков, загалдевших, увидев его, замахавших бутылками с пивом, засвистевших. Убегая от толпы пьяных, лось прыгнул на железный забор, но не смог преодолеть его и застрял грудью на пиках (рассказ «Люди и звери»). Автор пишет: «Пьяные, напугавшиеся лося, сидели там, пили портвейн, пели песни. Им и без лося хорошо жилося».

Нельзя не заметить в произведениях Николая Шадрунова элементы и плутовского жанра. Его герои вовлечены в постоянную игру, становятся участниками целой серии жизненных экспериментов. Но в отличие от плутовского жанра, герои «Рамбовианы» предстают не пройдохами, да и авантюризм их специфичен. В ходе повествования автор рисует целую серию жизненных спектаклей, в которые вовлечены и он сам, и родственники, и соседи, люди частные и официальные. При этом само повествование в рассказах иронично, наполнено витиеватыми выражениями, с меняющимися интонациями, перебивкой настроений и тем.

Так, в рассказе «Петрик и сорок генералов» описана жизнь военной части, куда приехала комиссия из сорока генералов, которые жили в Рамбове в отдельной казарме и питались не в столовой (им солдаты приносили еду прямо в контейнерах в казармы или в лес, на академическую площадку, откуда они руководили учениями). Среди них «прохаживался один повар в ослепительно белом колпаке, белой куртке, из-под которой виднелись такие, как у генералов, дорогие галифе. Всё это происходит перед глазами одного из главных героев рамбовских историй, Петрика, который, будучи ещё мальчишкой, сыном поварахи воинской части, сделал подкоп под забором в сухой канаве и оттуда следил за генеральской сто-

роной, потому что услышал, что приедет сюда и генерал Кожедуб, «больше всех нашибавший фашистских самолётов». Однажды встреча с Кожедубом состоялась, и трижды Герой Советского Союза, выступая перед детьми военных, рассказал, что Рамбов «славен тем, что по его дворцам и паркам не гулял фашистский сапог». Он говорил: «Это единственный из городов-спутников Ленинграда, который немцы пытались и не смогли взять никаким способом. До этого они взяли и Прагу, и Париж, и Варшаву, и тысячи других городов в Европе, а маленький Рамбов взять не смогли. Как пришли в сентябре сорок первого к его подступам, так и ушли в январе сорок четвёртого несолоно хлебавши. И всё благодаря нашей артиллерии».

В этом же рассказе, в небольшой главе «Вместо послесловия», Шадрунов рассказывает о немецком лётчике Эрике Хартмане, который сбил в ходе войны триста пятьдесят два самолёта, но и его сбивали шестнадцать раз, а после одной очередной победы его сбили, и он попал в плен, но оттуда он бежал, «использовав знание языка и невзрачную внешность», вернулся в свою часть и сбил ещё двести шестьдесят два самолёта. После войны Хартман был осуждён как военный преступник и провёл в сибирских лагерях десять лет, а вернувшись на родину, получил чин бригадного генерала и возглавил одно из истребительных соединений ВВС ФРГ.

И хотя в рассказе «Петрик и сорок генералов» мы узнаём много интересных серьёзных фактов из истории войны, ирония и сказовый стиль писателя позволяет ему добавить в это повествование ещё один штрих из жизни рамбовцев, — в частности, бывшего русского лётчика Гоши Костылёва: «Майор Георгий Костылёв за всю войну не был сбит ни разу. Он знал, что если его собьют и он попадёт в плен, самолёт ему больше не доверят, а доверят, скорей всего, пилу или лопату на просторах Сибири. Зато последние годы жизни он провёл на пивной бочке у рынка, попивая винцо и делясь воспоминаниями». Так очень тонко, благодаря сказовой основе, ироничному повествованию, излагая многие истории из жизни Рамбова, автор раскрывает главный мотив книги «Рамбовина» — поиск неповторимой индивидуальности личности и вместе с тем незаметно погружает читателя в скрытые глубины народной жизни, предлагая ему переосмыслить любую историю, а не считать её достоверной. Главная пружина сюжета сказовая, как говорят при этом: «Хочешь верь, а хочешь не верь, а дело было так». На поверхности рассказов — бытовая событийность, работа, досуг, страдания, болезнь, рождение, смерть, боль, несправедливость. Однако глубин-

ный смысл историй читатель должен почувствовать сам и всегда иметь ввиду, не только событийно-физический, но и символический аспект. В этом заинтересован автор, поэтому фрагменты действительности дополняются его субъективными оценками, энергией художественного слова, взятого из народного языка, внешне простого, но с глубоким смыслом. Такое слово и стало живительным источником для писателя.

Следует отметить активное проникновение фольклора в рассказы. Описывая курьёзные случаи из собственной жизни, прибегая к поэтике анекдота в цикле рассказов «Записки на работе», писатель через юмор, иронию, создаёт в подтексте драматическое мироощущение людей, которые осознают абсурдность окружающей действительности, чувствуют несовпадение человеческой устремлённости и поступка в. Тематика этих рассказов многообразна, судя даже по названиям: «Не любите, девки, море», «Карьерист», «Находчивый сержант», «Ветераны», «О консерватизме», «С большой головой», «Хобби», «Бродячие собаки», «Аттестация». Одна из историй повествует, например, о том, как в Рамбове как-то была упущена солярка из своей магистрали и стала скапливаться в низинах, а «остолопы» начали ее жечь: «Гриб поднялся к небу поганый, устрашающий, собралась порядочная толпа. Какая-то старушка заплакала, завытиралась платочком. Когда пожарник обратился к ней с вопросом: «Что, бабушка, плачешь?», — она ответила: «Ангелов жалко. Ведь там, на небе, все глаза выест таким дымом».

Сказовая основа рассказов является их главной художественной особенностью, но Шадрунов также использует элементы и других жанров, что создаёт полифонию художественного текста и отражает стремление автора найти через художественные средства прямой выход на контакт с современным читателем. За этим желанием видна главная цель художника слова: обращаясь к обстоятельствам жизни героев, рисовать и исследовать яркие народные характеры, раскрыть их внутренний мир, неповторимость их быта, сознания, идеалов, изобразить картину народной жизни.

Книга Николая Шадрунова «Рамбовиана» интересна не только содержательной стороной, но и тем, что является языковым документом эпохи, она достоверно изображает нравы современного общества, особенно — среду людей, которые находятся под разрушительным воздействием алкоголя. Это очень ярко отражено в народной лексике: «окривели на один глаз», «лицензия на отстрел пьяниц», «гремящее ничтожество», «обезьянник», «пропить шкуру очередного козла» и в других «крепких» выражениях. Герои «Рамбовианы» — это

жители небольшой замкнутой зоны, которые поневоле становятся со временем похожими друг на друга в своих чувствах, в поведении и особенно — в речи. Здесь — все «свои»: и автор-рассказчик, и те, о ком он повествует.

В рассказах чувствуется, что автор очень хорошо знает народную жизнь, поэтому не придумывает сюжеты, а старается зафиксировать пережитое, поэтому они воспринимаются как документальные свидетельства эпохи. Не придуманы и герои этих рассказов, многие из которых были знакомы автору, о них он как бы беседует с читателем в свободном авторском диалоге, углубляя их психологические портреты, находя в их судьбе стержневой мотив, помогающий найти в каждом человеке неповторимую индивидуальность.

Начало некоторых историй иногда напоминает пастораль, которая в ходе повествования преобразуется в анекдот, парадокс, сатиру, наполняя текст новым содержанием. Обращение к пасторали в XX веке не только Шадрунова, но и других прозаиков (В. Астафьева, А. Адамовича) стало не случайным: этот жанр помогает противопоставить многие явления развращённого города нравственной чистоте деревни. Этот забытый жанр позволяет Николаю Шадрунову с помощью иронии и переключения чувствительного повествования на сатирическое, подчеркнуть невозможность идиллии в сегодняшнем мире. Пасторальные настроения автора и его героев всё время корректируются самой жизнью и постепенно уходят на задний план.

Художественный мир Николая Шадрунова близок миру героев Василия Шукшина, которые отличаются своей чудачковатостью («чудики», острословы, сохранившиеся именно в глубинке, где человек ещё не раздавлен «машинной цивилизацией»). Его «чудики» — это по-своему талантливые люди, которых когда-то «переехало административным колесом», самой жизнью, и они после этого постепенно превратились в «перекати-поле». Иногда они начинают искать сами какую-то опору, которая даёт человеку внутренний покой. Например, у Шукшина, Алёша Бесконвойный душой «прилепился» к бане, потому что нет у него ни земли, ни любимой работы, никакой собственности... Поэтому он по субботам не выходил на работу, считая, что так он сохраняет внутреннюю свободу.

Герои «Рамбовиады» — тоже люди «измельчённые» колесом жизни, но у них уже нет никакого стремления что-то отстаивать. Они часто отражают полную деградацию человеческой личности. В их поступках — проявляется упрямство и поперечность, ёрничество и шутовство. Это люди, почти

ником не понятые, кроме самого автора, нелюбимые, замученные жизнью, от которой они умышленно отстраняются. Чаще всего мы к таким людям бываем глухи, воспринимаем их судьбу как какую-то нелепость. Но Николай Шадрунов, как и Василий Шукшин в своих рассказах, ведет борьбу за человека, поднимая народное самосознание на новую ступень. У автора нет высокомерия по отношению к изображаемым героям, нет нравственного приговора, потому что рядом с ними присутствует сам рассказчик, который понимает, что нарушено в жизни этих людей главное — вера в целительную силу родной земли, в святость мира и в красоту человеческой души.

Виктор Астафьев писал в рассказе «Чёрное перо»: «Крестьянин — он не только кормилец, он человек оседлый, он — якорь жизни». И хотя в «Рамбовиане» деревенская тема не является главной, как у Шукшина, но в подтексте, особенно в главе «Балясовка», звучит этот мотив — в сказово-сатирическом аспекте. В деревне Балясовке как раз и живут те, кто сорвался с «якоря» крестьянской жизни, и, конечно, не по своей воле, так как деревня уже стала частью города в те мрачные времена, «когда любили строить бараки, а шуток шутить не любили». Еще какое-то время «на улицах Балясовки гуляли козы, на дворах мычали коровы, горланил на рассвете петух», но после «категорического указа» сломали заборы, «коров от хозяев оторвали, а петуха внесли в жареную книгу». Стала после этого деревня «ни селом, ни городом», в которой остались «одни немощные старухи да брошенные кошки в несметном количестве». Вообще Рамбов — это не только порт, но и перевалочная база, где «обязательно оседает неприкаянный люд, сорванный с других мест волей обстоятельств». Так в небольшом рассказе «Балясы» даны целые пласты нашей истории, наши беды, наши муки, через которые пришлось пройти трудовому человеку, человеку земли. Голод выгонял людей из деревни, но в городе они превращались в «архаровцев», которые ничем не дорожат, для которых земля перестала быть землёй, а стала просто территорией, местом временного проживания.

Писатель Николай Шадрунов очень глубоко понимал процессы народной жизни, прочитывал их не со стороны, а в контексте самой жизни. А изучать тончайшие сплетения жизненной ткани помогало ему то, что он сам был не только писателем, а рабочим человеком. Именно в этом была уникальность его писательского опыта.

Николай Шадрунов вышел из очень бедной семьи. Он родился в деревне Михалково на Вологодчине 4 ноября 1933 года, «на Казанскую». Детство его пришлось на военные годы, проходило оно в Монзенском леспромхозе, где появилась у него тяга к бегущей железной дороге, поэтому, приписав себе пару лет, в 1947 году он поступает в Вологодское железнодорожное училище, где получает специальность слесаря-паровозника и начинает восстанавливать в Прибалтике заводы железнодорожного профиля. В 1953 году он был призван в армию. После некоторого пребывания в Ленинградском Флотском экипаже был отправлен в город Ломоносов-Ораниенбаум в полковую школу, доучивался в Кронштадте, служил в специальном инженерном батальоне. Демобилизовавшись, остался работать в инженерной службе в качестве вольнонаёмного, стал электриком по обслуживанию кораблей. В Ломоносове жил с 1956 года. Этот любимый для читателей город стал городом его литературной судьбы.

Без отрыва от производства Николай Шадрунов стал писателем и журналистом. По воспоминаниям его современников, он был очень скромным человеком: много лет прожил в неблагоустроенном жилье, уступив свою очередь на получение квартиры другому человеку, по просьбе начальника. Это была комната, которую соорудили на лестничной площадке, единственным достоинством которой было окно, выходившее к железной дороге.

Благодарный город на одном из холмов установил напротив двух церквей памятник писателю, где талантливый скульптор Николай Карлыханов изобразил его в образе, напоминающем античного философа, усадил на «шадруновскую скамейку» наблюдать за событиями в городе. Скульптурная композиция, установленная на углу Еленинской улицы и Манежного спуска к Дворцовому проспекту 1 октября 2015 года, очень интересна и отражает и судьбу писателя, и судьбу его героев. В правой руке он держит блокнот, где записывает свои мысли, но от мыслей его отвлекает банальная ситуация, подробно обрисованная в цикле рассказов «Молочная линия»: на землю упал бидон, из которого пролилась сметана, а в неё «влипли» неразумные воробушки, на которых писатель смотрит с доброй улыбкой. Рядом с ним на скамейке восседает ворона, устроившись на книжке писателя, которую прозвали «Красной вороной», «потянувшей на себя всё одеяло» в названии скульптурной группы. Скульптура эта пользуется огромной популярностью у ломоносовцев, а гости города, благодаря ей, открывают для себя имя замеча-

тельного современного прозаика Николая Вениаминовича Шадрунова и героев его произведений.

Главными героями циклов рассказов, в том числе и одного из них, «Молочная линия», являются Петрик и Сега (так называют их жители Рамбова и сам автор). Остановимся на характеристике одного из них — Сеги, имя которого обрастает легендой на страницах книги. Писатель через сказовую форму стремится к исчерпывающему выражению правды русской жизни в послевоенные годы, а также в 70—90-е годы в России. В судьбе Сеги отражена судьба скудеющего культурного пространства не только в Рамбове, но во всех уголках страны, какой-то собственной обречённости и предощущения грядущих духовных катастроф в жизни всего человечества.

О судьбе Сеги автор рассказывает в «Рамбовиане» наиболее подробно, называя его «великим неудачником и страстным патриотом», героем-забиякой, который сам о себе говорил всегда так: «Я парень крутой!» Он очень любил свой родной Рамбов, часто с кулаками гонялся за его хулителями, любил «давать в рог». Высокий, поджарый, в больших семимильных сапогах-вездеходах, вышедший из многодетной семьи. — После службы на флоте, вернувшись на родину, он охотно рассказывал о тех уголках земли, где ему удалось побывать (Африка, Индокитай). Автор пишет о том, что хулиганом Сега не был, но часто страдал из-за своего «неумеренного патриотизма» и какой-то «патологической брезгливости к матерным словам», которыми так неумеренно богато была наполнена речь жителей Рамбова. Особенно его «заводило», когда ругались в присутствии женщин. Сега заставлял извиняться, а если не извинялись, «давал в рог». Автор пишет: «Когда ругань стала языковой нормой, неуместное заступничество Сеги многих раздражало».

В жизни Сеги было много крутых поворотов. Автор пишет о том, что Сега славился своим бесстрашием, «абсолютным отсутствием хитрости и рекордным количеством шишек», получаемых на жизненных экзаменах. И даже были попытки у него «перебраться на тот свет, когда рушились его идеалы». Но иногда в его душе появлялось желание начать жизнь по-новому: попытки бросить пить, курить. После службы на флоте, закончив курсы механизаторов-рефрижераторщиков, он вместе с Петриком начал возить по стране вологодское масло, сметану, в том числе и в Москву-Белокаменную, чтобы пополнить «кремлёвский холодильник». В дороге, следуя через станции старинных городков, окружавших Москву, успевал сходить в баню, на рынок, иногда даже заглядывал в

Божий храм, а чаще всего вместе с Петриком и Пончиком он менял молочную продукцию на спиртное. Попав однажды на станцию, где умирал когда-то Лев Толстой, познакомился со стариком-смотрителем музея Толстого, а услышав рассказ о писателе, решил начать новую жизнь, побывал в Ясной Поляне и положил на его могилу букет цветов. Даже завел «записную книжку», чтобы записывать в ней добрые дела, но надолго его намерений не хватило: смутили баки с вином, из которых в обмен на масло и сметану он наполнил две двадцатилитровые канистры, отстав от своего поезда, а потом ему пришлось свой вагон догонять.

Несомненно, Сега принадлежит к числу героев, которых Василий Шукшин назвал бы «чудиком». Есть в нем и цельность в характере, но больше противоречий, изломов судьбы. Он был хорошо знаком автору как житель Ораниенбаума. С грустью можно назвать его реальный жизненный финал: Сега утонул.

Цикл рассказов Николая Шадрунова «Рамбовиана» — это малая энциклопедия народной жизни 70—90-х во всём её многоцветном многообразии. Высокую оценку творчеству Николая Шадрунова, его неповторимому художественному миру, языку его произведений давали многие писатели-современники, в том числе Борис Орлов, Владимир Меньшиков, Сергей Носов, Николай Коняев, который писал: «Говорим, что нет продолжателей Шукшину, Астафьеву, Распутину, — вот перед нами их продолжатель!.. В лице Шадрунова мы имеем писателя не только одарённого (что встречается нередко), но и не приспособляющегося, правдивого органически по воспитанию: он вырос в среде, где ложь не оплачивается. Он правдив всегда, а не «по разрешению». Николай Коняев отмечал, что «писатель мужественно и честно» говорил о том, что «жизнь опошлится, огрубела, а фигура пьяного, напрягающего русскую речь, стала чуть ли не обязательной в любом общественном месте» и «что «народное воспитание», полученное Шадруновым, чрезвычайно ценно» и «в писательской среде почти уникально».

Неслучайно к творчеству русского прозаика Николая Шадрунова обращаются те литераторы, которые считают, что его книги необходимы для современного читателя, чтобы восполнить пробелы тех лет, когда его рассказы почти не печатали. Да и в настоящее время не так часто можно увидеть его книги на полках библиотек и книжных магазинов. К сожалению, его имя неизвестно широкому кругу читателей, хотя за книгу «Психи», изданную в 1999 году, он был внесён в новейшую энциклопедию «Лучшие люди России», а в 2004 году

ему было присвоено звание Почётного гражданина города Ломоносова, где жил он в течение сорока лет и умер в 2007 году, создав в своей книге город-легенду. Жители этого города, прочитав «Рамбовиану», могут увидеть город Ломоносов глазами писателя умного, ироничного, правдивого.

В «Рамбовиане» Николай Шадрунов создал неповторимый художественный мир, как в своё время создали Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский образ Петербурга, а М.Е. Салтыков-Щедрин, которого называли «прокурором русской общественной жизни», нарисовал причудливый город, которого на карте России не найдешь, с названием — город Глупов, чем-то похожий на город Рамбов.

Николай Шадрунов никогда никому не объяснял смысл своих произведений, хотя в них был новый материал, новые художественные средства, новый язык, многоплановые и противоречивые образы, да и необычные авторские монологи при всей их незатейливости сюжета и внешней простоте. Герои его рассказов выпадают из схемы (положительный или отрицательный), как и герои Василия Шукшина. Возможно, правда писателя в изображении современного человека будет услышана не сразу, но нельзя не заметить искреннего стремления автора — исследовать народный характер с точки зрения социальных, национальных и нравственных проблем своего времени.

Писатель психологически глубоко и точно исследует сложнейший комплекс человеческих отношений. Боль и тревога за судьбу человека, находящегося между двумя мирами (городом и деревней), наполняет каждый его рассказ, где маргинальная личность занимает главное место в обществе, порождая такие нравственные пороки: равнодушие, бездуховность, демагогию, хамство, отсутствие моральных ориентиров в своей судьбе. Рамбов — не деревня, а город, который имеет много соблазнов, но мироощущение русского человека всегда было преимущественно мироощущением сельского жителя, поэтому вращение его в городской быт происходит сложно, мучительно. Мудрые и добрые традиции русского народа — это его главное богатство. Но страшно становится и обидно, если рушатся эти традиции. Николай Шадрунов в своей прозе развивает эти мысли очень глубоко, исследуя природу русского национального характера.

*«Рамбовиана» — не ларец историй,
А сердца русского заветный уголок,
Где жизни круг без всяких бутафорий
Дарует людям нравственный урок*

*Нашлось в ней место и вороньим стаям,
Надгробным плитам с надписью простой.
Мы постоим у них, вздохнём устало
И путь продолжим с думой верстовой.*

*Поедем в город с «Красною вороной»,
Где жил писатель в мире суеты.
Рванём, дружок, от шумного перрона
К причалу Мудрости и Вечной Красоты!*

*И ночью белой, если небо дышит
Весенним светом и теплом полей,
«Рамбовиана» сказ сердец услышит
И сделает мир лучше и добрей.*

Каждый художник слова вынужден заново решать важнейшие проблемы человеческого существования в своих произведениях. «Рамбовиана» Николая Шадрунова — не случайный эпизод в русской современной литературе, это особая книга, особое явление, которое наполняет души читателей новым смыслом, новым содержанием. Она очень глубоко раскрывает проблемы частного и всеобщего, личного и общественного, проблемы бытия отдельного человека и забот государства. Спектр проблем, поднятых автором книги, широк и многообразен, и очень важен для современной России, в которой много зыбкого и призрачного. «Рамбовиана» — это новая лампада в храме русского Слова. Важно, чтобы она не угасала, потому что её свет — свет Правды, выстраданной судьбой и сердцем замечательного русского писателя Николая Шадрунова.

п. Тельмана Ленинградской обл.